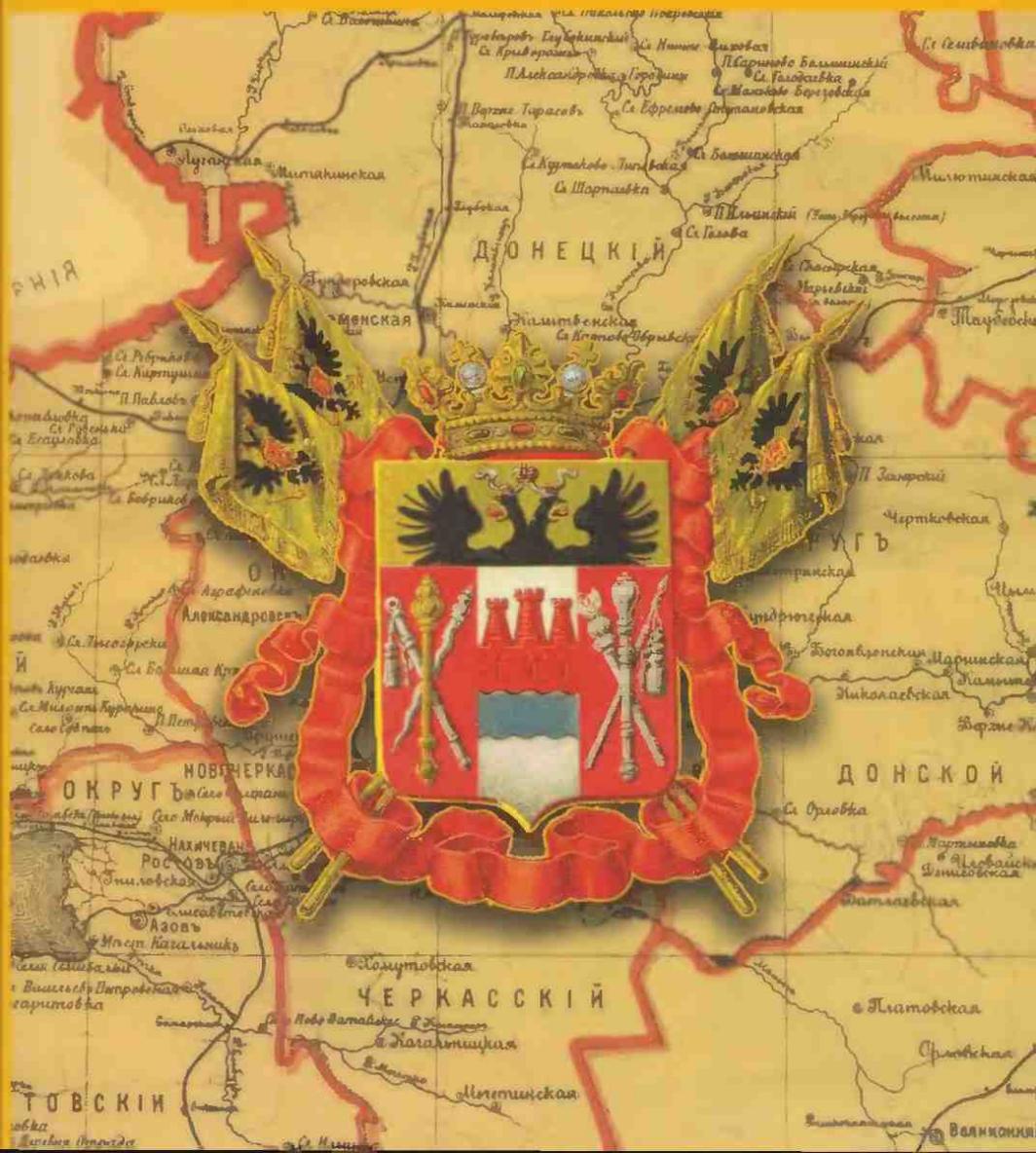

Борис Корниенко

Правый Дон

казаки и идеология национализма (1909–1914)

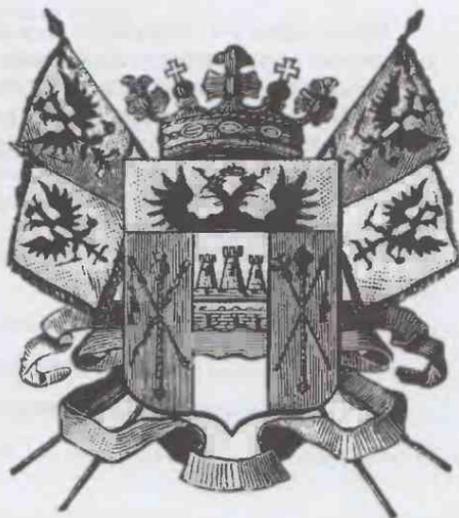

Территории истории

Борис Корниенко

Правый Дон

казаки и идеология национализма (1909–1914)

Санкт-Петербург
2013

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)523
К67

Утверждено к печати Ученым советом
Европейского университета в Санкт-Петербурге

Рецензенты:

В. В. Лапин, д-р ист. наук, *А. А. Волвенко*, канд. ист. наук

Корниенко Б. С.

- К19 Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914) / Борис Корниенко. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. — 232 с. : ил. — (Территории истории; вып. 6).

ISBN 978-5-94380-149-5

Монография Б. С. Корниенко посвящена поиску ответов на вопросы о причинах раскола в рядах националистов Области войска Донского и их поражения на выборах в Государственную думу 1912 г. Автор анализирует и сопоставляет националистические проекты, один из которых заявлял о казаках как об особой части русского народа, тогда как другой представлял казачество самостоятельным народом. Книга адресована специалистам в сфере истории казачества и Дона, истории третьеиюньской политической системы, истории националистического движения в России и, более широко, идеологии национализма вообще.

УДК 94(47).083
ББК 63.3(2)523

ISBN 978-5-94380-149-5

© Б. С. Корниенко, 2013
© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2013

оглавление

От автора	7
Введение	10
Глава I. Националистическое движение на Дону в период третьей ионьской монархии	36
Возникновение националистических групп в Области войска Донского в 1909–1911 гг.....	36
Участие националистов Донской области в думских выборах 1912 г.....	46
Глава II. Идеология казачьих и донских националистов	73
Влияние атаманства Ф. Ф. Таубе на формирование националистической идеологии на Дону	73
Национальные программы «группы Холмского» и «Донского союза националистов».....	110
Традиционная и альтернативная версии «национального казачьего мифа»	131
Позитивные и негативные образы в риторике донской националистической прессы	167
Проблема казачьей самоидентификации в идеологии националистов Донской области	187
Заключение	202
Приложение	212
Предвыборная программа русских националистов	212
Задачи Донского Союза Националистов	212
Предполагаемая программа Думской казачьей группы	213
Казачий национализм	215
Библиография	217
Источники	222
Именной указатель	225

от автора

На обложке предлагаемой вниманию читателя книги представлен герб Области войска Донского, утвержденный в 1878 г. императором Александром II. Он заметно перенасыщен имперскими символами, и даже те его элементы, которые непосредственно относились к казачеству, на самом деле являлись своеобразным «даром» Империи, будь то «золотой пернач, за которым положены, косвенно накрест: серебряный бобылем хвост на таком же древке и серебряная же насека — эмблемы, пожалованные Войску Донскому Петром Великим» или «серебряная булава, за которою накрест положены, косвенно: серебряная насека, украшенная Императорским орлом, и серебряный же бунчук на таком же копье — эмблемы, пожалованные Войску Донскому императрицею Елизаветою Петровною»¹.

Однако этому гербу был отпущен недолгий срок — в 1918 г. атаман П. Н. Краснов, воссоздавая «Всевеликое войско Донское» как независимое государство, в качестве его герба уже использовал «войсковую печать», изображавшую «пагого казака в папахе, при шашке, ружье и амуниции, сидящего верхом на бочке»². Впрочем, «печать» также была пожалована Войску Донскому Петром I в 1704 г. По этому поводу пламенный казачий националист Е. П. Савельев писал, что «казаки это неожиданное пожалование приняли за насмешку и прикладывали эту печать только в отписках в приказы»³. Подлинным же гербом донского казачества Е. П. Савельев, как и герои его книги,

¹ фон-Винклер П. П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи, внесенные в Полное собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1899.

² Краснов П. Н. Всевеликое войско Донское // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кн. 3. Дон и Добровольческая армия. М., 1992. С. 15.

³ Савельев Е. П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Ч. III. Реприинт. Ростов н/Д., 1990. С. 400. Сноска 316.

считали «старую печать с оленем, пронзенным стрелой», которой казаки пользовались еще в XVII в. Интересно, что современные «неоказаки» также используют в качестве герба «Белого оленя». В действительности выбор того или иного символа, «старой» или «новой печати» (герб 1878 г. никто и никогда серьезно в расчет не брал) в случае донского казачества имеет громадное идеологическое значение. Если вы сторонник казачества как самостоятельного народа и даже нации, то вы выберете «Белого оленя», а если вы видите в казачестве военное сословие на службе единого русского народа, то вы, скорее всего, предпочтете «Нагого казака». Впервые в политическом смысле этот вопрос был поставлен так остро в начале XX в., особенно накануне думских выборов 1912 г. И то, что Е. П. Савельев ратовал за «старую печать», тогда как П. Н. Краснову оказалась ближе «новая», демонстрирует нам отсутствие единогласия в среде самого казачества уже сто лет назад.

Начало этой книге было положено еще в ту пору, когда ее автор, будучи студентом 5-го курса, подыскивал тему для своей дипломной работы. Мой первый научный руководитель Алексей Александрович Волвенко указал направление поисков — проблема самоидентификации донских казаков. В поисках этой самой самоидентификации я натолкнулся на журнал «Голос казачества», а в журнале — на статью с неожиданным названием «Казачий национализм». С тех пор на протяжении почти пяти лет велось исследование. Сначала — под чутким руководством Михаила Дмитриевича Долбилова в Европейском университете, затем — в аспирантуре при Санкт-Петербургском институте истории РАН, где мою исследовательскую работу курировал Владимир Викентьевич Лапин. Результатом этой многолетней работы и стала книга «Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914 гг.)». Трем моим научным руководителям мне бы хотелось выразить свою самую искреннюю признательность — без вас эта книга была бы просто невозможна.

Но, конечно, при работе над книгой я нашел поддержку еще у многих людей. Их настолько много, что, к моему великому сожалению, хотя все они этого достойны, сказать о каждом отдельно не получится и придется ограничиться простым перечислением. В. М. Панеях, М. М. Кром, Б. И. Колоницкий, А. В. Бекасова, Г. Г. Лисицына и весь факультет истории Европейского университета — спасибо вам! Р. Ш. Ганелин, Б. В. Ананьич, Б. Б. Дубенцов и весь отдел Новой истории России Санкт-Петербургского института истории — спасибо вам! А. М. Семенов, Н. А. Мининков и все, кто полностью или частями читал мою рукопись и помогал советом, — спасибо вам! Я также благодарен сотрудникам ГАРО и РГИА, помогавшим мне в поиске архивных документов; сотрудникам РНБ, журнальный и газетный фонды

которой послужили основным источником исследуемого материала; членам Комиссии по научному планированию и издательству Европейского университета.

И, конечно, отдельное спасибо моим родным и близким, прежде всего родителям, чья безусловная вера в мой успех всегда меня поддерживала, и моей милой О. Б. — самому первому моему читателю, редактору и критику.

***

В конце ноября 2012 г., когда работа над книгой была почти уже завершена, в новостной ленте появилось удивительное сообщение: на съезде представителей казачьих обществ и общественных организаций была учреждена Казачья партия Российской Федерации. До недавних пор мне казалось, что моя книга будет интересна достаточно узкому кругу специалистов, и вдруг она оказалась более чем актуальной, ведь по какому-то странному совпадению ровно сто лет назад, в 1912 г., в преддверии выборов в IV Государственную думу Российской империи «казачью партию» уже пытались создать — на Дону руками местных националистов. Тогда идея оказалась провальной, так же как в целом провальными оказались выборы для националистически настроенных активистов из числа донских казаков. И видится совсем не лишним нынешним «партийцам» ознакомиться с печальным опытом своих предшественников, дабы не повторить их ошибки. Впрочем, главную ошибку они уже, наверное, совершили.

Введение

К концу XVIII в. донское казачество фактически превратилось в особое военно-служилое сословие Российской империи и оставалось на этом положении вплоть до событий 1917 г. Такая специфика положения Войска Донского в общеимперском пространстве привела к тому, что одной из наиболее проблемных тем в историографии по казачеству стал вопрос: являлось ли оно только одним из сословий Российской империи или же было самостоятельным народом. С середины 1990-х гг. доминирует мнение, что, формально находясь на положении сословия, фактически донское казачество представляло собой субэтнос русского народа¹. Впрочем, современное состояние историографии не позволяет считать этот вопрос сколько-нибудь убедительно решенным. В этой связи представляется важным попытаться взглянуть на проблему глазами самих донцов того периода в истории казачества, когда сословная система Российской империи стояла на пороге своего крушения. Иначе говоря, чтобы более точно определить социокультурную сущность казачества, необходимы исследования в области его самоидентификации.

К сожалению, изучение самоидентификации основной массы казаков при имеющейся источниковой базе неизбежно обречено на некоторую спекулятивность выводов и неоправданные обобщения. Трудности при определении вариантов казачьей идентичности, бытовавших на территории Области войска Донского (далее — ОвД) в изучаемый период, настолько велики, что установить степень вовлеченности казачества в процесс

¹ См.: Возрождение казачества: история и современность. Материалы к V Всероссийской (международной) научной конференции (сборник научных статей). Новочеркасск, 1994; Казачий Дон. Очерки истории. Ч. I–II / Под ред. Скорика А. П. Ростов н/Д., 1995; Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. Ростов н/Д., 1995.

«национализации» и ясные границы этого процесса невозможно. Источники, в которых можно обнаружить представления об этнической/национальной или сословной принадлежности отдельных донских казаков, не вполне репрезентативны, так как не могут дать широкой картины самоидентификации всей массы людей, формально входивших в войсковое сословие. Тем более это характерно для нижних, не- или малообразованных, слоев рядового казачества, не оставивших существенного корпуса письменных свидетельств, которые могли бы содержать подобную информацию.

Выходом может послужить изучение умонастроений хотя бы части донского казачества, прежде всего его образованной верхушки, имевшей возможность так или иначе влиять на формирование общественного сознания в казачьей среде. В этой связи особый интерес вызывает возникшее на Дону в начале XX в. националистическое движение, неизбежным результатом которого должны были стать попытки его представителей сформулировать собственное видение статуса казачества и стремление распространить это видение среди донцов. Другими словами, они выступали в роли создателей определенной идеологии, на которой, собственно, и будет сосредоточено внимание в этой работе.

Всероссийский национальный союз (далее — ВНС) был образован в 1908 г., то есть в этом отношении националисты отставали от прочих дореволюционных партий России, конституировавшихся на несколько лет раньше. В ОвД политический национализм пришел еще позднее, в 1910–1911 гг., когда отделы ВНС появились в Ростове-на-Дону и Таганроге. Однако эти города были включены в состав ОвД только в правление Александра III и имели особый статус, а их население по преимуществу не входило в войсковое сословие. В Новочеркасске Донской союз националистов (далее — ДСН) был создан только накануне парламентских выборов 1912 г. В такие короткие сроки идеология национализма просто не могла мобилизовать сколько-нибудь значительные массы населения, что и показали итоги голосования. Подробнее об этом будет говориться в соответствующем разделе этой книги. Пока же нужно отметить, что результаты выборов не вполне выражали настроения донского казачества: они не были эгалитарными и в них участвовали «иногородние». Говорить о широкой поддержке национализма на Дону в то время не приходится. Серьезной политической роли в истории Донской области в период третьиюньской монархии национализм не сыграл, и его изучение под этим углом зрения хотя и представляется интересным, но все же не достаточно актуально.

Тем не менее изучение идеологии национализма на Дону интересно по нескольким причинам. Такого рода исследование могло бы не

только дать характеристику господствовавшим умонастроениям консервативной части казачьей интеллектуальной элиты, но и восполнить имеющийся в историографии пробел. Изучение региональных особенностей идеологии национализма в дореволюционной России на материалах именно Войска Донского еще не проводилось², а между тем эта территория представляет собой особый интерес ввиду специфического состава ее населения. Главным образом это касается донского казачества, этнический статус которого насколько не был очевиден тогда, настолько неясен и теперь, прежде всего в вопросе, является ли оно частью русского народа, имеющей свои особые традиции или культурные варианты, или самостоятельной нацией или этносом. Анализ того, как это обстоятельство отразилось на бытовании идеологии национализма на Дону, был бы крайне полезен для понимания вопроса о казачьей самоидентификации. Наконец, богатую пищу для размышлений может дать сопоставление двух конкурировавших между собой за право говорить от имени казачества националистических проектов, оформившихся в Новочеркасске к 1912 г., один из которых был, условно говоря, прорусским, а другой, хотя и непоследовательно, но выдвигал донцов в качестве самостоятельного народа/нации.

Подчеркну, что ни пытаться определить этническую/национальную идентичность всей массы казачьего населения, ни тем более разрешить вопрос о том, было ли казачество только сословием или также народом, а может быть, «субэтносом», на страницах этой работы не предполагается. Предметом исследования являются конкретные националистические проекты, разработанные группами местных националистов в 1910–1914 гг., причем главное внимание уделено тем из них, которые ориентировались на казачью часть населения Донской области, так как соответствующая пропаганда, направленная на «иногородних», не отличалась принципиально от той, что разрабатывалась в ВНС. Ограничение исследования пятилетием, предшествовавшим Первой мировой войне, объясняется тем, что вслед за поражением националистов на парламентских выборах 1912 г. эти проекты, предполагавшие участие своих представителей в Государственной думе, перешли в стадию разложения. К началу войны активность националистов на Дону сошла на нет.

² В то же время изучение черносотенного движения в региональном аспекте достаточно распространено. См., например: *Абушик В. В.* Деятельность монархических организаций Центральной России в период буржуазно-демократических революций (1905–1907 гг.). М., 1995; *Лавриков С. В.* Правомонархическое движение в Тверской губ. в 1905–1915 гг. Тверь, 1996; *Толочко А. П.* Черносотенцы в Сибири (1905 – февраль 1917 г.). Омск, 1999; *Бузмаков Е. Л.* Черносотенные организации в Сибири. 1905–1917. Томск, 2000. Аналогичных работ по Войску Донскому на данный момент не имеется.

Таким образом, основным замыслом работы является попытка реконструкции идеологии национализма на Дону в указанный период, в рамках которой предполагается проведение сравнительного анализа существовавших националистических проектов с целью выяснения их основных противоречий, в том числе выделение их структурных составляющих и выявление специфических черт, обусловленных особенностями казачьего региона. Еще одной немаловажной задачей является восстановление организационной истории действовавших в ОвД националистических групп, а также истории их взаимоотношений и участия в выборах 1912 г.

Основной круг источников, использованных в исследовании, составляет националистическая периодика, выходившая на Дону в изучаемый период. Такой выбор объясняется тем обстоятельством, что формирование националистических проектов и их пропаганда среди населения осуществлялись главным образом в периодической печати. Именно на страницах газет и журналов увидел свет основной корпус идеологических текстов. Кроме того, печатные органы выступали в роли своеобразных организующих центров, вокруг которых создавались (или совершались попытки их создания) политические объединения. К началу XX в. периодические издания на Дону имели уже довольно широкий круг читателей. Доля грамотных составляла 49,8 %³ среди казаков обоего пола, кроме того, была распространена практика публичного чтения газет на станичных сходах, что включало в аудиторию периодических изданий неграмотную часть населения и одновременно компенсировало немногочисленность тиражей некоторых из них. Особое значение имеют следующие периодические издания:

1. Журнал «Голос казачества» издавался в Новочеркасске с октября 1911 г. по январь 1914 г. с перерывами. Его бессменным редактором-издателем был С. А. Холмский (только заключительные номера 1914 г. редактировались И. Д. Филипповым). Редакция журнала ориентировалась на пропаганду «казачьего национализма».
2. Газета «Донские областные ведомости» на протяжении ряда лет являлась органом местной власти и предназначалась для распространения официальной информации. Изредка, в так называемой неофициальной части газеты, появлялись публикации на злободневные темы. С января 1911 г. «неофициальная часть» была выделена в самостоятельную газету, по-прежнему издававшуюся за счет казны и фактически превратившуюся в печатный орган ДСН в период его становления. На протяжении трех лет

³ Рыжкова И. В. Гражданское состояние области войска Донского в 1914–1917 гг. (по архивным источникам) // Проблемы источниковедения и отечественной истории (памяти А. П. Прохштейна). Ростов н/Д., 1999. С. 182.

- в «Донских ведомостях» сменились три главных редактора — Х. И. Попов, Г. П. Янов и С. А. Холмский, не считая временно исполнявшего эту должность И. И. Дмитриева. Начиная с 1914 г. «неофициальная часть» прекратила свое самостоятельное существование. В дальнейшем, говоря о «Донских областных ведомостях», будет иметься в виду только эта последняя.
3. Некоторое внимание в книге уделено и газете «Вестник казачества», издававшейся в 1913 г. в период финансовых затруднений редакции «Голоса казачества». Редактором-издателем «Вестника казачества» также был С. А. Холмский. С воссозданием «Голоса казачества» в декабре 1913 г. подписчикам «Вестника» стала рассылаться продолжившая его нумерацию «Донская газета» под редакцией И. Д. Филиппова, вскоре после Нового года прекратившая свое существование.
  4. Печатный орган ДСН газета «Донской край», издателем которой являлся Х. И. Попов, а в роли редактора выступил Н. Ф. Быковский, выходила всего месяц, непосредственно перед выборами 1912 г., и сразу после поражения донских националистов закрылась.
  5. Кроме того, рассматривается региональная националистическая печать. К ней относятся газеты «Призыв» и «Ростовский на Дону листок». «Призыв» издавался в Таганроге в 1910 г., но в начале 1911 г. прекратил свое существование. Поводом для этого стало восстановление издания «Ростовского на Дону листка» и нежелание националистов «раздроблять силы и средства»⁴. «Листок» издавался вплоть до 1916 г. и в действительности являлся органом местных октябристов, которые только предоставляли ростовским националистам возможность публиковаться в своей газете.
  6. Интересна с определенной точки зрения и донская печать противоположного толка — оппозиционные «Приазовский край» и «Южный телеграф», а также орган местных кадетов «Новочеркасская речь». Эти газеты ценны прежде всего тем, что в отличие от националистической печати, старавшейся не акцентировать внимание на слабостях в собственном лагере, они, наоборот, исходя из логики политического противостояния, уделяли всем неудачам националистов особо пристальное внимание.
  7. В части, посвященной периоду атаманства Ф. Ф. Таубе, использованы материалы таких общероссийских газет, как «Новое время», «Русский инвалид» и «Речь».
  8. Наконец, в качестве вспомогательного источника, позволяющего прояснить некоторые моменты, используются газеты «Окраины России» и «Таганрогский вестник».

⁴ Призыв. 15 января 1911 (без номера).

Помимо периодики привлекаются и другие опубликованные источники. В частности, идеологические тексты содержатся в самостоятельных трудах, подготовленных некоторыми участниками донских националистических групп. Так, С. А. Холмский издал несколько сборников казачьих песен и стихотворений⁵, а Е. П. Савельев выпустил серию брошюр, легших в основу появившейся позднее «Истории казачества»⁶. Отрывки из первого тома (так называемая «Древняя история казачества») также публиковались в «Голосе казачества». Публиковали брошюры Х. И. Попов⁷ и П. П. Сахаров⁸. В исследовании привлекается также «партийная» литература: уставы, предвыборные программы, листовки.

Неопубликованные источники, как правило, создавались не с целью пропаганды, а потому для анализа различных идеологических аспектов малополезны. При работе над книгой они играли вспомогательную роль. Тем не менее для уточнения некоторых нюансов были привлечены отдельные архивные материалы. В частности, ответить на вопросы о взаимоотношениях внутри националистических групп помогли документы из личного фонда Х. И. Попова (№ 55), хранящегося в Государственном архиве Ростовской области (далее — ГАРО). Х. И. Попов, известный исследователь донской старины, статистик, первый директор Донского музея, издатель и публицист, принимал непосредственное участие в организации и деятельности ДСН. Интерес представляют письма к Попову, как личного, так и официального характера, его черновые записи об истории донского казачества, письма в редакцию «Донских ведомостей», которые Х. И. Попов возглавлял на протяжении ряда лет, а также различного рода документация (например, в фонде Попова хранится Устав ДСН). Некоторую полезную информацию содержит также фонд № 46 (Атаманская

⁵ См.: Холмский С. А. Сборник казачьих песен. Курск, 1910; *его же*. Казачьи Думы. Новочеркасск, 1911 (исторический очерк Е. П. Савельева); *его же*. Юбилейный сборник казачьей поэзии. 1812–1912. Новочеркасск, 1912; *его же*. Как ведется хозяйство Новочеркасской станицы Донской области. Новочеркасск, 1912.

⁶ Савельев Е. П. Кто был Ермак и его сподвижники. Историческое исследование. Новочеркасск, 1904; *его же*. Очерки по истории торговли на Дону. Общество донских торговых казаков. Новочеркасск, 1904; *его же*. Казак. Сборник песен и стихотворений о боевой жизни казаков. Новочеркасск, 1905; *его же*. Атаман М. И. Платов и основание г. Новочеркаска. Новочеркасск, 1906; *его же*. Типы донских казаков и особенности их говора. Новочеркасск, 1908; *его же*. Войсковой круг на Дону. Исторический очерк. Новочеркасск, 1908; *его же*. Древняя история казачества. Новочеркасск, 1915; *его же*. Средняя история казачества, 1916; *его же*. История Дона и донского казачества. Новочеркасск, 1918.

⁷ Попов Х. И. Краткий очерк прошлого Донского казачества. Новочеркасск, 1907.

⁸ Сахаров П. Происхождение вольного донского казачества и первые службы донцов России. Новочеркасск, 1914; *его же*. Происхождение донского казачества. Ростов н/Д., 1914.

канцелярия). Информация о выборах на Дону в 1912 г. хранится в фонде Государственной думы Российского государственного исторического архива (далее — РГИА)⁹. Данные справочного характера, касающиеся биографий отдельных людей, в частности С. А. Холмского, удалось найти в фондах Российского государственного военно-исторического архива (далее — РГВИА).

Переходя к историографии вопроса, приходится констатировать отсутствие на данный момент каких-либо работ, посвященных национализму, в поле внимания которых попали бы материалы именно о Войске Донском. Небольшая статья С. М. Маркедонова «Зарождение и эволюция казачьего национализма» посвящена «казакотам» второй половины XIX в.¹⁰ Однако это движение было сугубо сословным и традиционалистским по своей сути. Поэтому начинать историю национализма на Дону с «казакотов» кажется проблематичным, тем более что последние сами себя к националистам не причисляли.

В то же время некоторые сюжеты, которые излагаются в последующих главах, уже затрагивались в историографии по казачеству. Так, Н. А. Мининков в своей статье пристально рассмотрел не только творческое наследие П. П. Сахарова и его сотрудничество с Х. И. Поповым, но и проанализировал историческую концепцию Е. П. Савельева¹¹. К последнему вопросу Н. А. Мининков обращался и в комментарии к репринтному изданию «Истории казачества» Е. П. Савельева¹². Отдельные сюжеты из истории взаимоотношений донского казачества и центральной администрации, имеющие значение для настоящей работы, рассмотрены в ряде статей А. А. Волвенко¹³.

⁹ РГИА. Ф. 1278 (Государственная дума). Оп. 8 (1912–1917). Д. 20 (Область войска Донского).

¹⁰ Маркедонов С. М. Зарождение и эволюция казачьего национализма // Межнациональные отношения сегодня. Ростов н/Д., Тбилиси, 1996. С. 76–83.

¹¹ Мининков Н. А. Павел Петрович Сахаров — историк донского казачества // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов н/Д., 2002. С. 216–320.

¹² Мининков Н. А. Альтернативный взгляд советского историка // Савельев Е. П. История казачества. Ч. II. (Репринт). Ростов н/Д., 1990. С. 300–309.

¹³ Волвенко А. А. Восстановление донского земства: упущенные возможности (1882–1917) // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. № 4. С. 51–59; *его же*. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006. С. 115–125; *его же*. Формирование и эволюция правительственного курса в отношении казачьих войск Юга России в конце 50-х — нач. 70-х гг. XIX века // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности. Волгоград, 2007. С. 26–29; *его же*. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области войска Донского (1864–1882 гг.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д., 2008. С. 196–213.

С другой стороны, существует значительный корпус литературы, затрагивающей историю русского национализма периода третьей ионьской монархии. Первые публикации, посвященные особенностям идеологии ВНС, появились еще в дореволюционный период и в основном выходили из-под пера политических противников этой партии, что обусловило значительную предвзятость и поверхностный характер делаемых ими выводов. Так, если кадет Л. З. Слонимский говорил о «наивности» русских националистов¹⁴, то меньшевик В. Левицкий, исходя из марксистской методологии, ограничился констатацией «дворянско-землевладельческого» характера ВНС и не находил принципиальной разницы между националистами и крайними правыми¹⁵.

По-настоящему определяющей для дальнейшего изучения идеологии русского национализма стала статья В. И. Ленина «Политические партии в России», опубликованная в мае 1912 г. в газете «Невская звезда». По мнению Ленина, правые и националисты — «это не две, а одна партия, поделившая между собой “труд” травли инородца, “кадета” (либерала), демократа и т. п.»¹⁶ В советский период российской истории, когда все наследие «вождя мирового пролетариата» превратилось в догму, это его замечание во многом предопределило выводы советских историков. Господство марксистской методологии делало неизбежным определение ВНС как партии, представлявшей интересы определенного слоя класса эксплуататоров, «типичного выразителя обуржуазившихся помещичьих групп»¹⁷, что ставило националистов в один ряд с монархическими партиями крайне правых. Вопрос о типологической близости ВНС тому или иному политическому направлению рассматривался в рамках работ, посвященных или «непролетарским партиям»¹⁸, или третьей ионьской монархии¹⁹.

¹⁴ Слонимский Л. Национальный «Всероссийский союз» // Политическая энциклопедия. Т. 2. Вып. 8. СПб., 1909. С. 1115–1116.

¹⁵ Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914. С. 247–469.

¹⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1973. Т. 21. С. 280.

¹⁷ Балашев Петр Николаевич // Большая советская энциклопедия. М., 1926. Т. 4. С. 490.

¹⁸ Залеский В. Монархисты. Харьков, 1930; Комин В. В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России. Калинин, 1970; Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977; Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984; Непролетарские партии в трех революциях. М., 1989.

¹⁹ Агрех А. Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968; *его же*. Царизм и IV Дума: 1912–1914 гг. М., 1981; *его же*. Распад третьей ионьской системы. М., 1985; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; *его же*. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: Разложение третьей ионьской системы. Л., 1988; Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

Специальных исследований о русском дореволюционном национализме в советской историографии так и не появилось.

Говоря о типологической сущности русского национализма, историки того времени либо строго следовали ленинскому догмату, никак не отделяя националистов от черносотенцев, либо, хоть и оговаривали специфический по отношению к прочим правым партиям характер ВНС, включали его при этом в круг основных «помещичье-монархических партий», что наделяло такие построения определенной внутренней противоречивостью. Так, А. Я. Аврех отмечал в своих трудах отличие русского национализма от черносотенства и его родство с либеральными партиями, однако он же, анализируя националистическую риторику одного из идейных вождей ВНС М. О. Меньшикова, называл националистов такими же правыми, как черносотенцы²⁰. В. С. Дякин в книге о Первой мировой войне также указывал на качественное отличие идеологии ВНС от крайне правой и ее родство с октябризмом, одновременно заявляя, что черносотенцы и националисты «в классовом и идейном отношении <...> мало чем отличались»²¹. Эта противоречивость работала и в обратном направлении: идеология крайне правых зачастую приравнивалась к национализму. В. В. Комин писал, что «национализм стал боевым лозунгом СРН [Союза Русского Народа. — Б. К.], одним из основных пунктов его программы и тактики»²².

Еще одной отличительной чертой советской историографии по русскому национализму было откровенно враждебное отношение к нему, выражавшееся в применении ярких негативных эпитетов, носящих очевидно субъективный характер. А. Я. Аврех, например, писал, что «национализм в третьеиюньский период выступал в самой свирепой зоологической форме, носил крайне реакционный, воинственно-русификаторский характер»²³. Подобный морализаторский подход с заранее вынесенным обвинительным вердиктом был общим местом в работах, посвященных правым партиям. Хотя встречались и редкие исключения, как написанная еще в 20-е годы книга Д. Заславского «Рыцарь монархии Шульгин», в которой автор выгодно отличал национализм от черносотенного движения, характеризуя его как «монархизм идейный, пытавшийся соединить монархию с политической честностью, независимостью, некоторой свободой»²⁴.

²⁰ Аврех А. Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908–1909 гг.) // Исторические записки. М., 1955. Т. 53. С. 78.

²¹ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 28.

²² Комин В. В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России. С. 14.

²³ Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. С. 25.

²⁴ Заславский Д. Рыцарь монархии Шульгин. Л., 1927. С. 23–24.

Интересно, что и среди историков-эмигрантов при обращении к вопросам правого движения в дореволюционной России не возникло попыток проанализировать расхождения между черносотенцами и националистами. В частности, не находим мы их и в работе С. С. Ольденбурга²⁵.

Единственное значительное исследование, появившееся в этот период и посвященное специально ВНС, было опубликовано за рубежом. Однако его автор, американский историк Р. Эделман, основное внимание обратил на социальную базу националистического движения, считая ее главным детерминантом политики ВНС и отказавшись от сколько-нибудь значительного анализа собственно идеологии русских националистов²⁶. В этом отношении Эделман во многом повторяет выводы советских историков, объяснявших возникновение той или иной идеологии факторами, обуславливаемыми экономическим положением ее сторонников.

В целом для советской историографии по дореволюционному национализму характерны следующие черты. Во-первых, вопрос о типологической сущности ВНС не был решен. Следуя ленинской традиции, национализм объявлялся одной из форм черносотенного движения, а ВНС вкупе с крайне правыми организациями причислялся к лагерю «помещичье-монархических» партий. В то же время ряд исследователей отмечали типологическую близость между националистами и либералами, но разрешить это противоречие не удавалось. Во-вторых, исходя из постулата о принципиальном сходстве черносотенцев и националистов, уделять отдельное внимание идеологии последних не считалось необходимым. Прежде всего рассмотрению подлежали экономическая база правого движения и его значение в борьбе против пролетарской революции. При этом работы часто были написаны не с позиции нейтрального исследователя, а с явно негативным отношением к национализму, что привносило в них серьезный фактор субъективности и заданности выводов.

Наконец, есть еще один момент, на который необходимо обратить внимание. На протяжении XX в. теория национализма претерпела ряд изменений, пережив смену примордиально-перенниалистской парадигмы модернистской, а затем и постмодернистскими теориями²⁷.

²⁵ Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. Вашингтон, 1981.

²⁶ *Edelman R. Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution. The Nationalist Party. 1907–1917.* New Brunswick, New Jersey, 1980.

²⁷ См., например: *Kedourie E. Nationalism.* London, 1960; *Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966.* London, 1975; *Gellner E. Nations and Nationalism.* Oxford, 1983; *Anderson, B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism.* London, 1983; *Nora P. Les Lieux de Mémoire. Vol. I–II.* Paris, 1984, 1986.

Однако изучение русского национализма осуществлялось без привлечения появившихся в этой сфере наработок, что порождало определенный отрыв теории, лежащей в основе таких исследований, от современной теории национализма. Методологическая база большинства работ была марксистской, что накладывало известные ограничения на их характер и выводы.

Постсоветская историография во многом унаследовала эти недостатки. Хотя жесткие рамки марксистской парадигмы уже больше не довлеют над историками, тем не менее откровенно враждебное отношение к национализму во многом сохраняется и в современных работах, что отчасти превращает их в полемическую литературу. В полной мере справедливо такое утверждение в отношении книги П. И. Шлемина «Национальные отношения и права человека в России (Диалоги с М. О. Меньшиковым. 1906–1908)»²⁸. Необходимость отказаться от морализаторства и обструкционизма при изучении правой идеологии давно назрела, о чем в своей работе обоснованно заявил Ю. И. Кирьянов²⁹.

К сожалению, для некоторых авторов, пишущих о национализме, существование ВНС все еще остается тайной. Особенно показателен в этом смысле изданный Лондонским университетом сборник «Русский национализм в прошлом и настоящем», в подготовке которого участвовал и российский историк А. Н. Сахаров. Ни один из авторов не обмолвился ни единым словом об организации русских националистов. Особенно удивительно это при том, что редактором сборника Джеффри Хоскингом была написана статья «Империя и нациостроительство в поздней имперской России», которая хронологически полностью совпадает с периодом активной деятельности ВНС³⁰.

В некоторых современных работах русских националистов по-прежнему причисляют к крайне правым, черносотенным организациям³¹. Замена термина «правые» на термин «консерваторы» в работе М. Н. Лукьянова проблемы редуцирования всего многообразия существовавших политических движений до одного понятия, очевидно, не

²⁸ Шлемин П. И. Национальные отношения и права человека в России (Диалоги с М. О. Меньшиковым. 1906–1908). М., 1993.

²⁹ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. Кроме прочего, автор поставил под сомнение правомочность употребления термина «черная сотня» в отношении монархических партий. В своей работе я все же употребляю этот термин, отдавая дань устоявшейся традиции для именованя крайне правых.

³⁰ Hosking G. Empire and Nation-Building in Late Imperial Russia // Russian Nationalism, Past and Present / Ed. by Geoffrey Hosking and Robert Service. London, New York, 1998. P. 19–34.

³¹ См., например: Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; Омеляничук И. В. Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев, 2000.

сияла³². Однако в последнее время тенденция к выделению дореволюционного национализма в самостоятельное политическое течение все же преобладает. Более того, некоторые специалисты теперь вообще не причисляют националистов к правым, подразумевая под последними только черносотенцев. В частности, ВНС не был включен в список организаций, чья документация была представлена в сборнике «Правые партии»³³. Таким образом, этот вопрос остается до конца не разрешенным, поэтому на данном этапе историографии вопроса представляется вполне адекватным следовать существовавшему парламентскому делению на крайне правых, к каковым относили черносотенные союзы, и умеренно правых в лице ВНС, тем более что так себя репрезентировать предпочитали и сами националисты³⁴.

Главным же достижением постсоветской историографии стало появление работ, специально посвященных идеологии русского национализма начала XX в., что сделало возможным обращение к проблематике, ранее ускользавшей от внимания историков в связи с тем, что прежний формат исследования предполагал только обобщающий характер изучения правых партий. Особый вклад внес Д. А. Коцюбинский, издавший в 2001 г. труд, куда вошли результаты его многолетней работы³⁵. На основе богатой источниковой базы автор постарался восстановить в общих чертах историю становления идеологии русского национализма и ее основные характеристики, а также предложил интересное, хотя и спорное, определение типологической сущности ВНС через понятие «национал-либерализм».

Но несмотря на то, что работа Д. А. Коцюбинского стала в своем роде прорывом в изучении дореволюционного партийного национа-

³² Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001.

³³ Правые партии: Документы и материалы. М., 1998.

³⁴ В III Государственной думе существовала «фракция умеренно правых», на базе которой была создана Партия умеренно правых, вскоре объединившаяся с ВНС. В IV Думе националисты организовали «фракцию националистов и умеренно правых». В этой книге политические организации от правых октябристов и правее также объединяются понятием «консерваторы». Хотя автор отдает себе отчет в том, что подобное использование данного термина применительно к российским реалиям начала XX в. в столь расширительном смысле не вполне оправданно, тем не менее представляется удобным ввести его в рамках исследования как из соображений стилистических, так и для того, чтобы передать ситуацию, когда четкого размежевания по партийному принципу на правых и умеренно правых с их левыми и правыми крыльями либо еще не было, либо оно игнорировалось самими участниками политического процесса, объединявшими свои усилия для решения текущих задач. Одновременно, с той же степенью условности, организации левее правых октябристов объединены понятиями «либералы» (за исключением социалистов) и «опозиция».

³⁵ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

лизма, она также не лишена некоторых слабых мест. В первую очередь это относится к методологическому аппарату автора, практически проигнорировавшего общетеоретическое обоснование проблемы национализма. Этому вопросу Д. А. Коцюбинский посвятил всего один абзац, в котором констатировал наличие двух основных подходов к определению сущности национализма, политического и этнического, и оговорил, что «в настоящей работе термин “национализм” используется как обозначение идейно-политического феномена, связанного с провозглашением и отстаиванием этнических приоритетов перед всеми прочими»³⁶. Переходя к конкретике, в своей работе он определяет русский национализм как одну из «конкретно-исторических разновидностей национализма, а именно совокупность идейной, организационной и тактической практики тех, кто в рассматриваемый период входил в состав Всероссийского национального союза»³⁷, и закрывает на этом данный вопрос. Хотя, учитывая слабую изученность темы, изложение собранного Д. А. Коцюбинским материала представляется очень полезным, тем не менее нам кажется, что, начиная разговор о националистической идеологии, необходимо дать развернутое методологическое обоснование своего исследования с учетом по крайней мере основных направлений изучения этой проблематики, разработанных в мировой науке.

В полной мере это относится и к данной работе. Прежде чем говорить об идеологии национализма на Дону начала XX в., необходимо ответить на ряд вопросов, с тем чтобы более или менее ясно обозначить исходные позиции. Что представляет собой феномен нации? Как соотносятся нации и национализм? Каковы функции и какова сущность националистической идеологии? Ответы на эти общие вопросы, экстраполированные на конкретику Донской области, составляют методологические рамки исследования.

Итак, действительно, существуют две парадигмы национализма, на основании которых, в свою очередь, сложилось представление о двух типах нации — политическом (гражданском) и этническом. Первой такой парадигмой стало представление о древнем характере наций, оформленное в двух основных теоретических моделях — примордиалистской и перенниалистской. Одна из них исходила из постулата об «изначальной данности» этноса/нации, обусловленной социобиологическими или культурными факторами, а другая описывала нацию как древний или вечный феномен, восходящий к этническим сообществам, но являющийся исключительно историческим

³⁶ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. С. 9.

³⁷ Там же.

и социальным, а не естественным. В 1960-е гг. оформилась и заняла господствующие позиции модернистская парадигма, согласно которой феномен нации и национализма носит исключительно современный характер, беря свое начало не ранее Французской революции конца XVIII в., и обусловлен спецификой эпохи модерна. Отличительной чертой модернистской парадигмы является признание конструируемости нации и инструментальности политического национализма. Жесткой границы между двумя подходами не существует, доказательством чего служат концепции смешанного типа, признающие, с одной стороны, современный характер наций, а с другой стороны — примордиальную природу этнических сообществ, предшествующих возникновению нации, или, по крайней мере, принципиальную значимость этнических символов при конструировании нации³⁸. Такова самая общая картина существующих вариантов теории нации и национализма.

Теперь обозначим те исходные положения, на основании которых будет в дальнейшем строиться изложение. Сразу оговорюсь, что допускается примордиальный характер этничности и преемственность между этническими сообществами и современными нациями. Прежде всего следует определиться с вопросом о примордиальной сущности этнических групп. Что такое примордиалии? Представляется, что примордиалиями может быть назван тот набор характеристик, который индивид приобретает по факту рождения в той или иной группе. Эти характеристики уже не раз отмечались исследователями в качестве определяющих этническую принадлежность человека: раса, родство, язык, религия, обычаи, территория. Ряд авторов указывают на «родство» как на решающий фактор внутренней организации этнической группы, будь то родство реальное биологическое, согласно социобиологу Пьеру Ван ден Берге³⁹, или фиктивное приписываемое, как об этом писали Клиффорд Гирц, Джошуа Фишман, Уокер Коннор или Джон Армстронг⁴⁰. В качестве еще одного фактора, в большей или меньшей степени конституирующего и устанавливающего границы этнической группы, исследователями называется «культура». Сами культурные примордиалии предстают или

³⁸ *Fishman J. Language and Nationalism: Two Integrative Essays. Rowley, 1972; Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982; Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004.*

³⁹ *Van den Berge P. Ethnicity and the Sociobiology Debate. Theories of Ethnic and Race Relations. Cambridge, 1988.*

⁴⁰ *См.: Fishman J. Language and Nationalism...; Armstrong J. Nations before Nationalism; Connor W. Ethno-Nationalism: The Quest for Understanding. Princeton, 1994; Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.*

как «данность»⁴¹, или как нечто меняющееся в ходе исторического развития⁴².

Можно ли сочетать «врожденный» характер примордиалий и их историческую изменчивость? Думается, что да, если при этом будут четко различаться биологические (раса, фенотип) и культурные (язык, религия, обычаи, традиция) примордиалии. Принадлежность индивида к конкретной этнической группе обуславливается как его расой⁴³, определяемой фактом рождения, так и той социализацией, которая характерна для данной группы и которую он должен пройти в детстве и юности. Социализация индивида во многом представляет собой усвоение культуры этноса, в том числе языка, обычаев, традиции, религии, что порождает «изначальные привязанности», которые, согласно Клиффорду Гирцу, «обладают несказанной, а иногда и непреодолимой принудительной силой. Человек привязан к своему сородичу, соседу, единоверцу самим фактом такой привязанности»⁴⁴. Следует отметить, что не в каждой социальной группе конкретного этноса набор культурных характеристик одинаков, тем не менее, только овладев одним из его вариантов, человек становится полноправным носителем соответствующей этнической идентичности. При этом культурные примордиалии не являются раз и навсегда принятыми «данностями». Вполне очевидно, что с течением времени они меняются, наполняясь новым содержанием. Но это вовсе не отменяет «врожденного» характера культурных примордиалий. Культура — не статичное явление, это процесс. Родившись в конкретной этнической группе, индивид в ходе социализации включается в культурные процессы, протекающие в ней. Таким образом, и сама этническая идентичность является процессом, а ее содержание постоянно меняется.

⁴¹ Гирц К. Интерпретация культур. С. 297.

⁴² См.: Fishman J. Language and Nationalism...; Armstrong J. Nations before Nationalism.

⁴³ Отдавая себе отчет в том, что, как и многие другие естественнонаучные понятия, «раса», если можно так выразиться, «обросла» культурным содержанием и может использоваться как элемент конструирования (вопрос о функционировании термина «раса» в культурном контексте поздней имперской России подробно рассмотрен в книге Марины Могильнер. См.: Могильнер М. Homo imperii: История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М., 2008. Особый интерес в смысле использования концепта «раса» в создании националистического проекта представляет глава 6 «Антропология русского национализма: И. А. Сикорский». С. 237–278), тем не менее мы прибегаем к употреблению этого термина, вслед за Клиффордом Гирцем понимая под расовыми различиями только различия фенотипических физических черт: цвет кожи и волос, тип лица и т. п. (См.: Гирц К. Интерпретация культур. С. 300). В любом случае для данной работы этот вопрос не столь принципиален, так как в ней основное внимание отводится культурным различиям.

⁴⁴ Гирц К. Интерпретация культур. С. 297.

Теперь следует остановиться на проблеме преемственности этнических групп и наций. На мой взгляд, подход, который продемонстрировали Коннор и Армстронг, то есть примордиально-перенниалистское объяснение этничности в сочетании с модернистским описанием нации, является наиболее точным. Становление нации начинается тогда, когда этническая принадлежность актуализируется в качестве важной, если не решающей, политической доминанты. При этом далеко не сразу все члены этнической группы осознают себя членами «нации». Как тут не вспомнить знаменитую схему Мирослава Хроха, согласно которой элита (а затем и широкие массы) проходит три этапа включения в националистическую мобилизацию. На первом этапе первоначально небольшой круг интеллектуалов заново открывает национальную культуру и прошлое и формулирует идею нации, затем, на втором этапе, следует пропаганда национальной идеи, и лишь после этого возникает массовое национальное движение⁴⁵. Таким образом, на разных этапах развития нация меняет свое наполнение, постоянно расширяя социальную базу, пока ее границы не совпадут с границами нациообразующей этнической группы. Это не значит, что нация ограничивается образующей ее группой, процессы ассимиляции могут привести к растворению в ней и других этнических сообществ (впрочем, возможен и обратный процесс диссимиляции — отсеивания представителей нежелательных этнических групп, ранее свободно сосуществовавших с группой, проходящей национализацию). Но это значит, что только включение в нациостроительство большинства представителей всех социальных пластов этнической группы делает нацию действительно массовой.

Модернистская и постмодернистская критика идей примордиализма и перенниализма заключается в том, что нации «конструируются» элитами, а потому не имеют под собой реального основания, и, следовательно, идеология национализма служит лишь для реализации властных проектов той или иной политической, нередко маргинальной, группировки. Этот инструменталистский подход зачастую переносится и на этничность, что кажется не вполне убедительным. В данном случае уместно сослаться на Ван ден Берге, который говорил о том, что этничность или расу нельзя изобрести или вообразить из ничего. Ею можно манипулировать, ее можно использовать, но она должна соотноситься с существующим населением, связанным общим историческим опытом. «Этничность и примордиальна, и инструментальна»⁴⁶.

Может ли этничность быть инструментальной и использоваться в конструировании нации? По моему мнению, это становится возмож-

⁴⁵ См.: Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe*. Cambridge, 1995.

⁴⁶ Van den Berge P. *Does Race Matter? // Nations and Nationalism*. 1995. N 3. P. 360.

ным в сфере националистической идеологии. Ведь идеология всегда конструируема. Однако в модернистской и постмодернистской исследовательской практике конструктивизм привел к некоторым сомнительным выводам. Эрик Хобсбаум, описывая через концепцию «изобретенных традиций» конструирование нации, считал последнюю исключительно современным феноменом, никак не связанным с этническим прошлым⁴⁷. Тезис же Бенедикта Андерсона о том, что все сообщества крупнее первобытных деревень — «воображаемые»⁴⁸, послужил благодатной почвой для постмодернистского сведения нации к тексту с его последующей деконструкцией. В любом случае нация предстает как искусственный конструкт, который можно (и нужно) демифологизировать и, таким образом, разоблачить создавших его «социальных инженеров», в роли которых предстают то маргинальные интеллектуалы, стремящиеся компенсировать свое ущербное положение в обществе⁴⁹, то элиты, желающие в процессе модернизации сохранить контроль над массами⁵⁰. В данных построениях существует как минимум два слабых места. Во-первых, из посылки о конструируемости националистической идеологии делается вывод об искусственном характере самой нации, а во-вторых, ее создатели или стигматизируются как социальные неудачники, или демонизируются как действующие абсолютно инструментально представители властной элиты.

На мой взгляд, конструирование идеологии национализма, хотя и носит инструментальный характер в том смысле, что производится для достижения определенных политических целей, в то же время является культурным действием. В том случае, если в это действие вовлекается большая часть этнической группы, пусть даже у его истоков стояло всего несколько человек, идея нации становится частью «подлинной», по терминологии Фишмана, культуры. То есть, говоря словами Эрнеста Геллнера, «национализм порождает нацию»⁵¹. «Подлинной» культуру и ее изменения можно называть тогда, когда они признаются таковыми большинством членов этнической группы, являющихся участниками протекающих в ней культурных процессов.

⁴⁷ См.: *Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge, 1990. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.*

⁴⁸ *Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 31.*

⁴⁹ См.: *Kedourie E. Nationalism. London, 1960; Kohn H. The Idea of Nationalism. New York, 1967.*

⁵⁰ См.: *Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780; Brass P. Ethnicity and Nationalism. London, 1991.*

⁵¹ *Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 127.* Стоит признать, что сам Геллнер скептически относился к этническому происхождению нации и цитируемым выражением как раз пытался обосновать всю условность феномена нации, которая, по его мнению, существует только в сфере националистической идеологии.

Но чтобы стать частью «подлинной» культуры, идея нации должна встретить сочувствие у того населения, которому она предназначена, и, следовательно, как-то соотноситься с его культурными традициями. По этой причине элементами националистической идеологии становятся этнические мифы, символы, обычаи. При этом националистическая идеология не является лишь повторением этнической традиции в результате ее «открытия заново», но апеллирует к последней. Что касается национальных идеологов, то мне кажется не вполне оправданным вырывать их из того культурного контекста, в котором они действуют. Иначе говоря, они вполне могут разделять те же примордиальные ценности, которые делают единой всю этническую группу. Другое дело, что, желая перевести эти ценности в категории политического действия, интеллектуалы, «вообразившие» на основе примордиалий нацию, должны ее репрезентировать, а потому прибегают к конструированию националистической идеологии. Такое конструирование можно назвать позитивным, то есть не нацеленным на достижение исключительно корыстных целей, а преследующим достижение общественного блага, как его понимают националисты. Но даже если они не разделяют примордиальных ценностей этнической традиции и выступают в роли прагматично настроенных «социальных инженеров», все равно они должны ориентироваться на культуру населения, которому предстоит стать нацией, иначе их конструирование не будет иметь успеха. Таким образом, хотя националистическая идеология и является инструменталистским действием, построенным на конструировании, в то же время ее появление непосредственно связано с этническими примордиалиями и обусловлено изменениями условий их функционирования, связанными с переходом от традиционного типа общества к современному. Такой синтетический подход, совмещающий в себе примордиалистское понимание этничности, модернистское осмысление феномена нации и постмодернистское прочтение националистической идеологии, можно охарактеризовать как этносимволистский, если сделать поправку на то обстоятельство, что один из основоположников этого направления, Энтони Смит, старательно уходит от термина «примордиальный», понимая под последним в большей мере «физические родственные узы»⁵².

Теперь перейдем непосредственно к ситуации на Дону начала XX в. Очевидно, что возникновение национализма на Дону неразрывно связано с внутриполитическими событиями в России. Начавшееся

⁵² См. Смит Э. Национализм и модернизм. С. 350. По мнению Смита, этнические общности создаются «ощущением преемственности, общей памятью и коллективной судьбой, то есть культурной близостью, воплощенной в мифах, воспоминаниях, символах и ценностях, сохраняемых в памяти данной культурной единицы».

в XIX в. революционное антиправительственное движение в правление Николая II достигло особого размаха. Изменение внутривнутриполитической ситуации в Российской империи в результате Первой русской революции 1905–1907 гг. послужило если не непосредственной причиной возникновения национализма на Дону, то катализатором этого процесса. Дело в том, что к этому времени сложился целый комплекс специфически казачьих проблем, ставивших под сомнение дальнейшее существование казачества. Появление движения национализма стало прямым следствием системного кризиса, поразившего в это время Войско Донское.

К началу XX в. донское казачество уже более ста лет находилось на положении военно-служилого сословия полуфеодалного типа. Земельные угодья Войска Донского являлись имперской собственностью, которой распоряжалась войсковая администрация, распределявшая земельные пай в пользование среди казаков в зависимости от их статуса в военной иерархии. Донцы были освобождены от уплаты налогов и выполнения ряда повинностей, но, в свою очередь, обязаны были за свой счет снаряжаться на военную службу. То есть главной функцией Войска Донского в системе Российской империи являлось максимальное участие в составе ее вооруженных сил.

Однако к этому времени донское казачество, по сути, как военно-служилое сословие себя изжило. Главной причиной, безусловно, явились социально-экономические изменения, произошедшие в России, а именно процесс модернизации, начавшийся в ходе Великих реформ Александра II, и утверждение господства капиталистических отношений. В интересующий нас период основой экономики Войска было сельское хозяйство, прежде всего земледелие, окончательно утвердившееся на Дону к середине XIX в. Казаки все более втягивались в хозяйственную жизнь; военная служба, отвлекая донца от его земельного пая, становилась тягостной и разорительной.

Так, если до 1869 г. стоимость нового обмундирования со строевой лошастью не превышала 72 рублей, то в 1875 г., с включением казаков в состав кавалерийских дивизий, эта сумма возросла до 180 рублей⁵³. А к началу XX в. расходы достигли 300 рублей⁵⁴. Служба за свой счет разоряла казачьи хозяйства, что резко снижало интерес к ней. В станицах росло число казаков, материальное положение которых не позволяло им снаряжаться на службу. «Неспособным» станичное общество выдавало ссуду под принудительную аренду пая или на других не

⁵³ Рукосуев Е. Ю. Казачество — права и обязанности сословия // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 142.

⁵⁴ Вестник казачьих войск. 1901. № 19.

менее кабальных условиях⁵⁵. В то же время паевое обеспечение уменьшилось втрое в результате значительного роста казачьего населения в ОвД. Если в 1838 г. было зарегистрировано 428 526 «лиц казачьего войскового сословия обоего пола», то в 1871 г. эта цифра возросла до 691 152 лиц, а в 1897 г. — до 1 026 263⁵⁶. Таким образом, за 60 лет естественный прирост населения составил более 100 %.

Традиционализм и замкнутость, присущие донскому казачеству, оказались еще одной причиной экономического неблагополучия. Не изменяясь к лучшему, собственное хозяйство донцов оставалось отсталым. Необходимый для модернизации сельского хозяйства приток капиталов извне отсутствовал, а местными средствами произвести ее не было возможности. На Дону практически не существовало рационально организованных хозяйств⁵⁷. В новых социально-экономических условиях казачество как производитель сельскохозяйственной продукции оказалось неконкурентоспособным и разорялось. Промышленность, появившаяся на Дону в конце XIX — начале XX в., была неподконтрольна администрации Войска, и доходы, связанные с ее развитием, шли мимо войсковой казны и оседали в руках частных собственников, никоим образом не облегчая положения рядовых казаков.

Таким образом, во 2-й половине XIX в. сложился ряд экономических условий, объективно способствовавших разорению части казачества и, следовательно, невозможности этим казакам нести военную службу. В 1897 г. комиссия генерала Н. Маслаковца пришла к выводу, что только 21 % казачьего населения находился в благоприятных экономических условиях, позволяющих выполнять воинскую повинность⁵⁸.

Казачья община под давлением социально-экономических процессов медленно, но неизбежно разлагалась изнутри. С одной стороны, происходила специализация ОвД на товарном производстве зерновых — в начале XX в. Донская область вышла на 3-е место в России по вывозу хлеба⁵⁹, что привело к формированию зажиточного слоя

⁵⁵ Рукосуев Е. Ю. Казачество — права и обязанности сословия. С. 142.

⁵⁶ Аверьянов Ю., Воронов А. Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3. С. 139.

⁵⁷ Маркедонов С. М. Донское казачество и Российская империя (История политических отношений) // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 103–111. С. 108.

⁵⁸ ГАРО. Ф. 46 (Атаманская канцелярия). Оп. 3. Д. 383 (Из доклада генерал-лейтенанта Маслаковца о положении казачества). Л. 11–12.

⁵⁹ Герман О. Б. Экономика казачьих и крестьянских хозяйств Дона во второй половине XIX — начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 169.

среди казаков. С другой стороны, около 12–14 % казаков вынужденно занимались ремеслом и промыслами. Увеличилось число донцов, работающих по найму. К началу XX в. около 10 тысяч казаков трудились в фабрично-заводской промышленности и на шахтах⁶⁰, то есть все большее количество донцов оказывалось не в состоянии нести службу за счет своего хозяйства и втягивалось в иные сферы деятельности.

Экономический кризис усугублялся колоссальным ростом населения в ОвД, связанным с наплывом иногородних после указа 29 апреля 1868 г., открывшего дорогу на Дон лицам неказачьих сословий. Если в середине XIX в. таковых насчитывалось абсолютное меньшинство, то к началу XX в. численность пришлого населения сравнялась с численностью собственно казаков и даже превысила его. К 1916 г. в Донской области проживало около 4 миллионов человек, в том числе 1 495 167 казаков, 911 276 коренных крестьян, 834 077 иногородних и почти 300 000 прочих⁶¹. Фактически за полвека население ОвД выросло вчетверо, что не могло не повлечь определенных социально-экономических затруднений, вызванных в том числе претензиями иногородних на участие в экономической жизни Дона.

Донское и пришлое крестьянство со все возрастающим интересом смотрело на земельный фонд Войска, притом что земельные наделы рядовых казаков, как уже говорилось, уменьшились втрое. Иногородние, в отличие от донцов освобожденные от практически пожизненной военной службы, активно внедрялись в экономические сферы, недоступные основной массе казачества, особенно в торговлю и финансы, и в то же время выражали недовольство своим положением на территории ОвД, требуя уравнивания в правах с войсковым сословием. Как следствие, к началу XX в. на Дону сложились предпосылки для возникновения противостояния между двумя группами населения — казаками и иногородними.

Еще одним направлением развития кризиса донского казачества как военно-служилого сословия стала проблема дальнейшего его использования в структуре вооруженных сил Российской империи. Вторая половина XIX в. ознаменовалась внедрением нарезного оружия, увеличением роли артиллерии и особенно пехоты на поле боя, что вызвало значительные изменения в тактическом использовании кавалерии. Ее стали меньше применять как непосредственную ударную силу, но привлекали для разведки, несения дозорной службы, рейдов

⁶⁰ Типиджян Р. Г. Казачество и неказачье население Дона: становление, этносоциальный состав и проблемы взаимоотношений // Возрождение казачества: история и современность... С. 71.

⁶¹ Рыжкова Н. В. Гражданское состояние области войска Донского в 1914–1917 гг... С. 177.

по тылам противника и для ведения так называемой «малой войны». Таким образом, регулярная кавалерия взяла на себя те функции, которые раньше поручались иррегулярным войскам. Развитие военной техники также способствовало снижению эффективности казачества как сословия, поскольку донцы были уже не в состоянии снарядить себя на службу в соответствии с новыми требованиями. Кроме того, стало очевидным падение качества донской конницы, связанное как с ухудшением экономического положения рядового казачества, так и с нарушением специфического донского образа жизни под влиянием интеграционных процессов между ОвД и основной частью Империи. В конце XIX в. в военных кругах господствовало мнение, что казачья конница, как ее ни реформируй и как ни обучай, все равно останется войском второго сорта, которое может взять разве что численным перевесом, но никак не боевыми качествами⁶². Целесообразность выделения донского казачества в особое сословие в дальнейшем с чисто военной точки зрения была поставлена под сомнение.

В правление императора Александра II фактором, постоянно влияющим на жизнь Дона, стало так называемое «расказачивание». Этот термин возник в ходе Великих реформ 1860–1870-х гг. в связи с проведением ряда мероприятий центрального правительства в отношении Войска, направленных на унификацию его гражданского, а отчасти и военного управления по общеимперскому образцу, что воспринималось значительной частью донского казачества как угроза самому его существованию. Местные оппозиционеры, известные как «казакоманы», не без основания считали, что проводимые Петербургом реформы нарушают специфический образ жизни донцов, разрушают традиционные устои казачьего общества, грозят превращением Земли войска Донского в рядовую российскую губернию и утерей особого казачьего духа, что и воспринималось как «расказачивание». «Казакоманы» считали необходимым сохранить Войско прежде всего с помощью восстановления прежнего «естественного» образа жизни рядового казачества, что означало для них сохранение и закрепление казачьих прав и привилегий.

Несмотря на то, что Военное министерство отвергло возникшую было идею ликвидации сословного статуса казачества, со времен военных реформ в правительстве Империи на повестке дня постоянно стоял «казачий вопрос», вынуждая Петербург вмешиваться в жизнь Дона с целью приспособить казачество к современному обществу, что воспринималось его консервативно настроенными представителями крайне болезненно и рассматривалось как возможная угроза существованию Войска.

⁶² Луский С. Казаки. Особое сословие. М., СПб., 2002. С. 59.

Энтони Смит характеризовал восточноевропейский национализм сходным образом, также указывая на местных интеллектуалов как на основных его проводников, и описывал их деятельность как выборочное усвоение этноистории из ранее существовавших мифов, символов и традиций, обнаруживаемых в исторических памятниках и живых воспоминаниях «народа» преимущественно низших сельских страт. Такое современное возвращение к «этническому прошлому», по мнению Смита, является следствием националистических поисков «подлинности», бывшей главным критерием способности сформировать основу национальной идентичности, что, в свою очередь, требует культивирования местной истории и народных языков и культур. В то же время Смит справедливо считал, что и в Восточной Европе нация одновременно определялась в территориальных и политических терминах, присущих западному национализму⁶⁷.

Националистическое движение на Дону вполне вписывается в концепцию восточноевропейского национализма. Оно также возникло в указанный Хобсбаумом период на одной из южных окраин Российской империи с населением, имевшим специфическую идентичность, и вылилось в деятельность нескольких небольших групп интеллектуалов, (вос)создававших национальную историю, воспевавших национальных героев, указывавших на национальных врагов, предлагавших национальную программу мероприятий, пропагандировавших свои взгляды в печати и пытавшихся создавать собственные структуры политического действия. Причем между этими группами существовали серьезные противоречия.

Итак, в условиях перехода от традиционного общества к современному в рамках процессов, характерных для всего восточноевропейского региона, в одной из окраин Российской империи, Войске Донском, казачье население которого обладало особым набором культурных характеристик, часть местных интеллектуалов восприняла эти характеристики как «национальные» примордиалии и, придя к идее «казачьей нации» с целью ее репрезентации и политической активизации, приступила к конструированию идеологии казачьего национализма. Одновременно другая группа местных интеллектуалов восприняла идеологию русского национализма, пропагандируемую ВНС, и выступила за дальнейшее развитие казачества как составной части единой русской нации, что привело к созданию двух конкурирующих националистических проектов.

Изучению этих двух проектов, а именно анализу корпуса пропагандистских текстов, созданных донскими и казачьими националистами, будет уделено внимание в предлагаемой читателю книге. И тут

⁶⁷ Смит Э. Национализм и модернизм. С. 353–354.

может возникнуть вопрос: столь ли необходимо делать акцент на примордиальной сущности этничности и модернистском объяснении нации, если целью исследования является постмодернистская де- или, что в данном случае более точно, реконструкция националистической идеологии? На мой взгляд, это необходимо по нескольким причинам. Во-первых, примордиальное описание этничности позволяет уйти от понимания процесса конструирования нации как исключительно инструменталистского действия. Во-вторых, оно дает возможность отметить зависимость националистической идеологии от существующих этнокультурных реалий. И наконец, в-третьих, объяснение актуализации национальной идеи таким событием, как переход от традиционного типа общества к современному, связывает факт возникновения национализма на Дону с конкретным периодом истории этой территории.

что они явились для создания национального клуба, а не политической партии»⁶⁸. Причину такого рода настроений среди консервативной части ростовского общества прекрасно понимали и сами националисты: «Главная масса общества уклоняется вступить в члены политических партий, требующих строгой дисциплины, резко определенного исповедания положений политической программы, поэтому в политических партиях числятся только, так сказать, кадры, проявляющие свою деятельность во время общей мобилизации; при выборах или других выдающихся моментах политической жизни»⁶⁹. Между тем «участие в национальном Клубе в качестве члена ни к чему не обязывает, можно принадлежать к составу одной из правых организаций, начиная с октябристов и кончая Союзом Русского Народа, можно не соглашаться с отдельными частями программы той или другой партии»⁷⁰.

Учитывая то обстоятельство, что сам ВНС начинался как Национальный клуб, И. С. Кошкин решил пойти по пути одновременного создания в Ростове-на-Дону отдела ВНС и, в сотрудничестве с октябристами и СРН, Национального клуба. Первая часть программы была успешно выполнена. В соответствии с требованиями ВНС был составлен проект устава Ростовского отдела ВНС⁷¹ (далее — РО ВНС), вскоре утвержденный. Вслед за этим в апреле 1910 г. И. С. Кошкин получил из Санкт-Петербурга подтверждение учреждения РО ВНС⁷², внесенного в общий список местных отделов ВНС⁷³. На 1 января 1911 г. в нем числился 31 человек во главе с самим И. С. Кошкиным⁷⁴.

Вместе с тем он получил разрешение на устройство и открытие собрания⁷⁵, то есть Национального клуба, который, «имея в своем составе членов, состоящих по преимуществу из представителей правящих сословий купечества, чиновничества и интеллигенции <...> будет являться выразителем мыслей и симпатий господствующей, влиятельнейшей части населения»⁷⁶. Однако в результате удалось устроить лишь пару лекций известных профессоров-националистов. 18 февраля 1911 г. состоялась лекция приглашенного советом РО ВНС профессора Императорского Новороссийского университета В. М. Грибовского на

⁶⁸ Член клуба. Национальный клуб // Ростовский на Дону листок. 29 марта, 1910. № 33.

⁶⁹ *Ростовец*. Национальный клуб // Там же. 22 апреля, 1910. № 35.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Проект устава. Собрание Ростовского на Дону отдела Всероссийского Национального Союза. Ростов-на-Дону, 1910.

⁷² *Ростовец*. Национальный клуб.

⁷³ Обзор деятельности Всероссийского Национального Союза за 1910 год. СПб., 1911. С. 15.

⁷⁴ Там же. С. 24–25.

⁷⁵ *Ростовец*. Национальный клуб.

⁷⁶ Там же.

тому «Национальность и Государство во взаимных отношениях». На ней были представлены националисты, октябристы и союзники. После лекции состоялся банкет в честь В. М. Грибовского, на котором присутствовали лидеры всех трех правых организаций Ростова: И. С. Кошкин от РО ВНС, В. К. Севастьянов от Ростовского общества 17 октября (далее — РО 17 октября) и В. Н. Чириков от Ростовского отдела СРН (далее — РО СРН). По завершении банкета П. А. Столыпину и министру путей сообщения С. В. Рухлову, бывшему председателю ВНС, были отправлены приветственные телеграммы⁷⁷. Вскоре, 27 марта 1911 г., состоялась лекция приглашенного И. С. Кошкиным профессора П. И. Ковалевского на тему «Национализм и национальное воспитание»⁷⁸. После этого совместные заседания националистов, октябристов и союзников прекратились, и на общем собрании членов РО ВНС 6 мая 1911 г. пришлось признать, что реализовать идею Национального клуба не удалось⁷⁹.

На этом же собрании И. С. Кошкин вынужден был констатировать нехватку средств на собственное печатное издание⁸⁰. Поэтому ростовские националисты вынуждены были продолжить сотрудничество с «Ростовским на Дону листком». Сам «Листок» начал издаваться в 1909 г. и являлся органом местных октябристов, редактором-издателем которого был купец В. Н. Костричин. РО 17 октября, секретарем которого был Костричин, принадлежало к правому крылу своей партии, а потому поддерживало тесные связи с РО ВНС и предоставляло ему возможность использовать в качестве информационной площадки собственный печатный орган.

Более успешной для националистов стала инициатива по созданию в Ростове-на-Дону Русского общества взаимного кредита, которое начало функционировать уже 7 января 1910 г. В его правление вошли представители РО ВНС, РО СРН и РО 17 октября⁸¹.

Возникновение националистического движения в соседнем с Ростовом-на-Дону Таганроге на первых порах было связано с появлением еженедельника «Призыв», редактором-издателем которого стал потомок донского атамана Д. Е. Кутейникова (1827–1836) Николай Васильевич Кутейников. Как и их ростовские единомышленники, организаторы «Призыва» являлись русскими националистами. «Клиентура наша — *коренная* масса населения, преимущественно средние и мелкие его классы, — торговцы, крестьяне, промышленники, эконо-

⁷⁷ Ростовский на Дону листок. 25 февраля 1911. № 66.

⁷⁸ Там же. 15 апреля 1911. № 73.

⁷⁹ Там же. 22 мая 1911. № 78.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. 25 февраля 1911. № 66.

мическим интересам коих угрожают более сильные и старые культурные нации, сильные капиталами, сплоченностью, солидарностью»⁸². Как видно из приведенной цитаты, на страницах «Призыва» защищать специфически казачьи интересы не предполагалось. Тем не менее в Новочеркасске новый журнал был воспринят благосклонно. Редактор «Донских областных ведомостей» Х. И. Попов писал: «Ознакомившись с содержанием уже двух вышедших номеров “Призыва”, мы находим, что помещенные в них статьи, касающиеся религии, нравственности, семейного воспитания, земельных и других экономических нужд казачьего и крестьянского населения, вполне отвечают назревшим запросам времени. Новая газета восполняет у нас тот недостаток местного органа печати, в котором чувствовался всеми существенный недостаток»⁸³.

Специфической чертой «Призыва» было демонстративное отмежевание от ВНС. Редакция еженедельника так обосновывала свою позицию по этому вопросу: «Во что, в конце концов, выльется, как *политическая* партия Всероссийский Национальный Союз — нам безразлично, ибо, сведенный раз с экономической и культурной плоскости, — в которой он нам только и дорог — национализм, как идея, станет уже не нашим *местным делом*, а политическою расплывчатою программю слов, бесконечною философскою канителью»⁸⁴. Тем не менее в первом же номере «Призыва» была опубликована программа ВНС, хотя и с оговоркой, что редакция не может присоединиться к ней всецело⁸⁵. Между тем программа самого «Призыва» в действительности практически не отличалась от того, что предлагал ВНС, и заключалась в следующем: «стоять за частную собственность, за прогрессивные начинания наших городских и общественных учреждений, за экономический и культурный подъем коренных масс населения нашего края, за национализацию печати, кредита, хлебной торговли, банковского дела, школы и т. д.». Кроме того, редакция журнала заявляла, что «жизнь церкви, ее интересы и нужды духовенства найдут на наших [«Призыва»] столбцах всегда сочувственное и посильное освещение»⁸⁶.

Таким образом, принципиальное отличие позиции «Призыва» от позиции ВНС заключалось в отказе от собственно политической деятельности в пользу мероприятий в сфере экономики и культуры. Но уже меньше чем через год таганрогские националисты отказались от

⁸² Проблема национализма и наша задача // Призыв. 21 февраля 1910. № 1.

⁸³ [Попов Х. И.] Редакционная статья // Донские областные ведомости. 7 марта, 1910. № 52.

⁸⁴ Проблема национализма и наша задача.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Проблема национализма и наша задача.

своих прежних убеждений и признали необходимость участия в политической жизни страны. Красноречивым подтверждением этого идеологического поворота служат следующие рассуждения: «у нас зоологический, так сказать, национализм с его некультурными формами только-только еще начинает заменяться *политическим* национализмом, неизбежным у всех культурных народов»⁸⁷. Между тем одновременно с признанием политического национализма издание «Призыва» прекратилось. Сложно судить, было ли это связано с изменением идейных установок или обусловлено какими-то иными причинами. Редакция самого «Призыва» обосновывала самороспуск тем, что вскоре в Ростове-на-Дону должно было начаться издание «ежедневной национальной газеты», поэтому не следовало «раздроблять силы и средства»⁸⁸. Однако единственным правым изданием в Ростове-на-Дону был «Листок», который, как уже говорилось, хоть и предоставлял националистам возможность публиковаться, но оставался органом местных октябристов.

Вслед за закрытием «Призыва» в Таганроге началось формирование местного отдела ВНС. Возглавил этот процесс бывший предводитель дворянства Таганрогского округа Николай Александрович Реми, ранее входивший в партию октябристов. К сожалению, подробности его деятельности на этом поприще не известны, но, судя по всему, Н. А. Реми столкнулся со многими трудностями. Об этом свидетельствуют «Обзоры деятельности ВНС». Так, в обзоре за 1911 г. было объявлено о создании Таганрогского отдела ВНС⁸⁹, однако, скорее всего, существовал он больше на бумаге, поэтому не удивляет то обстоятельство, что в обзоре за 1912 г. снова появляется заявление о создании Таганрогского отдела⁹⁰, который к этому времени, вероятно, наконец приобрел более или менее реальные очертания. По крайней мере, его представитель Н. А. Реми, равно как и представители РО ВНС И. С. Кошкин и К. Ф. Крузе, принимал участие в I Собрании Представителей ВНС, состоявшемся в Санкт-Петербурге в феврале 1912 г.⁹¹ Трудности при создании отдела ВНС в Таганроге, вероятно, были схожи с теми проблемами, с которыми столкнулся И. С. Кошкин в Ростове-на-Дону, — нежелание представителей правой части общества связывать себя партийной дисциплиной, а также малое число сто-

⁸⁷ Призыв. 15 января 1911 (без номера).

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Обзор деятельности Всероссийского Национального Союза за 1911 г. СПб., 1912. С. 20.

⁹⁰ Обзор деятельности Всероссийского Национального Союза за 1912–1913 гг. СПб., 1914. С. 15.

⁹¹ Всероссийский Национальный Союз. I-е Собрание Представителей 19–21 февраля 1912 г. СПб., 1912. С. 28, 30.

ронников, что было обусловлено сильной конкуренцией со стороны местных октябристов и союзников. Фактически националистическое движение в Таганроге поддерживалось за счет активной деятельности всего двух человек — Н. А. Реми и Н. В. Кутейникова. Им удалось достичь некоторых успехов; в частности, по примеру ростовских коллег было учреждено Русское общество взаимного кредита⁹², но в целом они оставались маргиналами в политическом пространстве Таганрога.

В Новочеркасске, как в Таганроге, идейными и информационными центрами, вокруг которых формировались националистические группы, являлись периодические издания. Долгое время единственной местной газетой оставались «Донские областные ведомости», официоз войсковой администрации. В 1909–1910 гг., в период атаманства Ф. Ф. Таубе, это издание приобрело ярко выраженный правый характер. В это время его главным редактором был Харитон Иванович Попов, хорошо известный на Дону общественно-политический деятель⁹³. В период земской реформы в ОвД⁹⁴ Х. И. Попов тяготел к либеральной части местной общественности, но с возрастом его взгляды эволюционировали вправо, и в годы революции 1905–1907 гг. он, судя по косвенным свидетельствам⁹⁵, принял участие в деятельности Донского отдела Партии правового порядка⁹⁶. При Ф. Ф. Таубе Х. И. Попов, став незадолго до этого редактором «Донских ведомостей»,

⁹² Приазовский край. 15 ноября 1912. № 301.

⁹³ Попов Харитон Иванович (21.09.1834–27.10.1925) родился в станице Остроуховской. Получил домашнее образование. В 1849–1853 гг. письмоводитель у местных дистанционных заседателей. Участник Крымской войны в составе Донского казачьего Краснянского № 68 полка, награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте. После войны работал в канцелярии Хоперского окружного сыскального начальства. С 1865 г. и на протяжении последующих 50 лет член Донского статистического комитета. В 1871–1872 гг. член комиссии для пересмотра проекта положения о введении в ОвД земских учреждений, по назначению войскового наказного атамана в разное время работал в многочисленных комитетах и комиссиях. В 1897 г. в чине статского советника уволен с государственной службы. Награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 3-й и 2-й степени, за организацию общества попечения о раненых и больных в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. награжден знаком «Красного креста». Автор ряда публикаций по статистике, этнографии, истории Войска Донского и города Новочеркаска; член-корреспондент Императорского археологического общества. См.: Енина И. А. Исследователь Донской старины // Донской временник 2004. Ростов-на-Дону, 2003. С. 108–111.

⁹⁴ Земство существовало на Дону в 1876–1882 гг.

⁹⁵ В частности, в фонде Х. И. Попова было обнаружено воззвание Донского отдела Партии Правового Порядка, написанное от руки, возможно, самим Х. И. Поповым. См.: ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 932 (Воззвание Донского отдела Партии Правового порядка на основе Манифеста 17 октября. Копия рукописная).

⁹⁶ Партия правового порядка существовала в 1905–1906 гг. В дальнейшем ее члены перешли частью в «Союз 17 октября», частью в черносотенные организации.

своих прежних убеждений и признали необходимость участия в политической жизни страны. Красноречивым подтверждением этого идеологического поворота служат следующие рассуждения: «у нас *зоологический*, так сказать, национализм с его некультурными формами только-только еще начинает заменяться *политическим* национализмом, неизбежным у всех культурных народов»⁸⁷. Между тем одновременно с признанием политического национализма издание «Призыва» прекратилось. Сложно судить, было ли это связано с изменением идейных установок или обусловлено какими-то иными причинами. Редакция самого «Призыва» обосновывала самороспуск тем, что вскоре в Ростове-на-Дону должно было начаться издание «ежедневной национальной газеты», поэтому не следовало «раздроблять силы и средства»⁸⁸. Однако единственным правым изданием в Ростове-на-Дону был «Листок», который, как уже говорилось, хоть и предоставлял националистам возможность публиковаться, но оставался органом местных октябристов.

Вслед за закрытием «Призыва» в Таганроге началось формирование местного отдела ВНС. Возглавил этот процесс бывший предводитель дворянства Таганрогского округа Николай Александрович Реми, ранее входивший в партию октябристов. К сожалению, подробности его деятельности на этом поприще не известны, но, судя по всему, Н. А. Реми столкнулся со многими трудностями. Об этом свидетельствуют «Обзоры деятельности ВНС». Так, в обзоре за 1911 г. было объявлено о создании Таганрогского отдела ВНС⁸⁹, однако, скорее всего, существовал он больше на бумаге, поэтому не удивляет обстоятельство, что в обзоре за 1912 г. снова появляется заявление о создании Таганрогского отдела⁹⁰, который к этому времени, вероятно, наконец приобрел более или менее реальные очертания. По крайней мере, его представитель Н. А. Реми, равно как и представители РО ВНС И. С. Кошкин и К. Ф. Крузе, принимал участие в I Собрании Представителей ВНС, состоявшемся в Санкт-Петербурге в феврале 1912 г.⁹¹ Трудности при создании отдела ВНС в Таганроге, вероятно, были схожи с теми проблемами, с которыми столкнулся И. С. Кошкин в Ростове-на-Дону, — нежелание представителей правой части общества связывать себя партийной дисциплиной, а также малое число сто-

⁸⁷ Призыв. 15 января 1911 (без номера).

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Обзор деятельности Всероссийского Национального Союза за 1911 г. СПб., 1912. С. 20.

⁹⁰ Обзор деятельности Всероссийского Национального Союза за 1912–1913 гг. СПб., 1914. С. 15.

⁹¹ Всероссийский Национальный Союз. I-е Собрание Представителей 19–21 февраля 1912 г. СПб., 1912. С. 28, 30.

ронников, что было обусловлено сильной конкуренцией со стороны местных октябристов и союзников. Фактически националистическое движение в Таганроге поддерживалось за счет активной деятельности всего двух человек — Н. А. Реми и Н. В. Кутейникова. Им удалось достичь некоторых успехов; в частности, по примеру ростовских коллег было учреждено Русское общество взаимного кредита⁹², но в целом они оставались маргиналами в политическом пространстве Таганрога.

В Новочеркасске, как в Таганроге, идейными и информационными центрами, вокруг которых формировались националистические группы, являлись периодические издания. Долгое время единственной местной газетой оставались «Донские областные ведомости», официоз войсковой администрации. В 1909–1910 гг., в период атаманства Ф. Ф. Таубе, это издание приобрело ярко выраженный правый характер. В это время его главным редактором был Харитон Иванович Попов, хорошо известный на Дону общественно-политический деятель⁹³. В период земской реформы в ОвД⁹⁴ Х. И. Попов тяготел к либеральной части местной общественности, но с возрастом его взгляды эволюционировали вправо, и в годы революции 1905–1907 гг. он, судя по косвенным свидетельствам⁹⁵, принял участие в деятельности Донского отдела Партии правового порядка⁹⁶. При Ф. Ф. Таубе Х. И. Попов, став незадолго до этого редактором «Донских ведомостей»,

⁹² Приазовский край. 15 ноября 1912. № 301.

⁹³ Попов Харитон Иванович (21.09.1834–27.10.1925) родился в станице Остроуховской. Получил домашнее образование. В 1849–1853 гг. письмоводитель у местных дистанционных заседателей. Участник Крымской войны в составе Донского казачьего Краснянского № 68 полка, награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте. После войны работал в канцелярии Хоперского окружного сыскального начальства. С 1865 г. и на протяжении последующих 50 лет член Донского статистического комитета. В 1871–1872 гг. член комиссии для пересмотра проекта положения о введении в ОвД земских учреждений, по назначению войскового наказного атамана в разное время работал в многочисленных комитетах и комиссиях. В 1897 г. в чине статского советника уволен с государственной службы. Награжден орденами Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 3-й и 2-й степеней, за организацию общества попечения о раненых и больных в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. награжден знаком «Красного креста». Автор ряда публикаций по статистике, этнографии, истории Войска Донского и города Новочеркасска; член-корреспондент Императорского археологического общества. См.: Енина И. А. Исследователь Донской старины // Донской временник 2004. Ростов-на-Дону, 2003. С. 108–111.

⁹⁴ Земство существовало на Дону в 1876–1882 гг.

⁹⁵ В частности, в фонде Х. И. Попова было обнаружено воззвание Донского отдела Партии Правового Порядка, написанное от руки, возможно, самим Х. И. Поповым. См.: ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 932 (Воззвание Донского отдела Партии Правового порядка на основе Манифеста 17 октября. Копия рукописная).

⁹⁶ Партия правового порядка существовала в 1905–1906 гг. В дальнейшем ее члены перешли частью в «Союз 17 октября», частью в черносотенные организации.

фактически осуществлял идеологическую поддержку атаманской политики. Однако формат газеты не позволял полностью сконцентрироваться на этой задаче, так как публицистика вынуждена была там соседствовать с сугубо официальной информацией. Поэтому с разрешения самого Ф. Ф. Таубе было принято решение начиная с 1911 г. выделить так называемую неофициальную часть «Донских областных ведомостей» в самостоятельное издание, которое и возглавил Х. И. Попов. Ориентацию новой газеты точно охарактеризовал сам Х. И. Попов: «Оставаясь верно своему направлению содействовать по мере сил русскому национальному возрождению, Редакция неизменно будет поддерживать в то же время старые заветы донского казачества»⁹⁷. Употребление выражения «русское национальное возрождение» в данном случае является маркером, четко указывающим на растущее влияние ВНС и его пропаганды. С этого момента вокруг «неофициальной части» газеты начинают группироваться местные активисты, воспринявшие получившую с созданием ВНС распространение идеологию русского национализма.

Фактически «Донские ведомости» заняли монопольное положение в предоставлении информационных площадей авторам из консервативного лагеря, и Х. И. Попов получил возможность формировать идеологическую направленность газеты, пропуская публикации одних и придерживая статьи других. Впрочем, главный редактор просто вынужден был ограничивать круг своих авторов, так как количество направляемых ему материалов значительно превышало возможности «неофициальной части», даже расширенной до самостоятельной газеты. Многих такая ситуация не устраивала, что часто становилось поводом для личной обиды на Х. И. Попова. Пока существовал «Призыв», публицисты могли направлять свои материалы туда или, по крайней мере, шантажировать Х. И. Попова тем, что они это сделают. С закрытием таганрогского еженедельника эта возможность исчезла и напряжение между редакцией «Донских ведомостей» и ее авторами еще более возросло. Даже старый друг Х. И. Попова Ф. К. Траилин выказывал свое недовольство⁹⁸.

Но, конечно, проблема доступа к информационным площадям была не единственной причиной недовольства публицистов. В апреле 1911 г. донской журналист А. М. Гончаров в письме главному редактору «Донских областных ведомостей» Х. И. Попову, как обычно,

⁹⁷ [Попов Х. И.] Редакционная статья // Донские областные ведомости. 5 января 1911. № 3.

⁹⁸ См., например, одно из писем Х. И. Попову, в котором респондент возмущается тем, что главный редактор «Донских ведомостей» не публикует его статьи или задерживает их, и угрожает передать свою очередную статью «Призыву». ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1026 (Письма к Х. И. Попову за 1910 г.). Л. 34–34 об.

сетовал на то, что его статьи практически не публикуются, в то время как «казаки и без того уже читают жидовскую литературу». Вслед за этим он риторически вопрошал: «И что же делать казакам, специально [подчеркнуто Гончаровым. — Б. К.] пишущим для казаков — искать другую родину и служить интересам других наций и сословий?»⁹⁹ Очевидно, что А. М. Гончаров, как и многие другие авторы, был недоволен форматом «Донских ведомостей» и хотел иметь такое печатное издание, в котором публиковались бы только казаки и для казаков.

Результатом этих противоречий стал раскол авторского коллектива «Донских ведомостей», большая часть которого осталась верна «неофициальной части», другие же принялись за создание самостоятельного журнала. Возглавил группу «раскольников» С. А. Холмский¹⁰⁰. Первое десятилетие XX в. он провел на военной службе, в ходе которой занимался собиранием казачьего фольклора. Едва выйдя на льготу в 1910 г., он опубликовал «Сборник казачьих песен», получивший положительную оценку «Донских ведомостей»¹⁰¹. Молодой (ему тогда было около 30 лет) автор был приглашен к сотрудничеству, и вскоре в газете появились первые стихи С. А. Холмского. Однако на протяжении целого года это был единственный жанр, в котором Х. И. Попов позволял ему печататься в «неофициальной части», в то время как сам С. А. Холмский явно рассчитывал на большее. В результате именно он стал редактором-издателем нового «независимого общественно-военного» журнала «Голос казачества», первый номер которого увидел свет в октябре 1911 г.

Журнал был заявлен как «посвященный специально нуждам и интересам русского казачества». Его появление редакция обосновывала тем, что у казаков должна быть своя печать, которая бы охраняла «его [казачества] древнюю, самобытную историческую жизнь от непрошенных палетных печальников, видящих в уничтожении казачества и в

⁹⁹ ГАРО. Ф. 55. Д. 1027 (Письма к Х. И. Попову за 1911 г.). Л. 50.

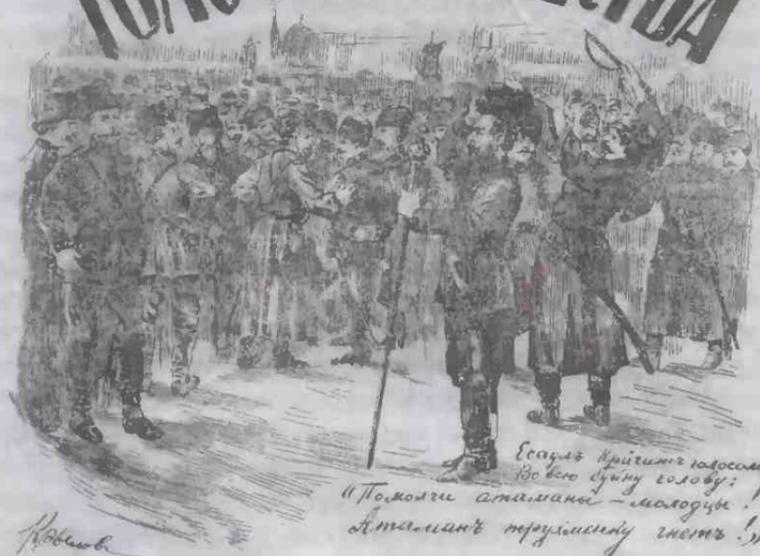
¹⁰⁰ Холмский Сергей Александрович (1883–1921) — донской казак, публицист, поэт; поддесаул (1910), окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище (1901), участвовал в подрывном и телеграфном деле в 4-й саперной бригаде в Варшаве (1903), служил в 1-м, 15-м, 34-м, 51-м Донских казачьих полках, заведовал саперной командой и школой (1903–1905), награжден орденом Св. Станислава 3-й степени в 1908 г., участник Первой мировой войны; редактор-издатель «Голоса казачества» (1911–1913) и «Вестника казачества» (1913), редактор неофициальной части «Донских областных ведомостей» (1913). Справка составлена на основании «Краткой записки о службе младшего офицера 51-го Донского казачьего полка поддесаула Холмского Сергея Александровича» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35869. Л. 230–231), а также публикаций в «Голосе казачества», «Вестнике казачества», «Донских областных ведомостях».

¹⁰¹ Библиография // Донские областные ведомости. 14 октября 1910. № 219.

№ 1.

Ціна окремого номера 10 к.

ГОЛОСЪ КАЗАЧЕСТВА

Єсаръ прийми голосъ
Всю брину голову:
«Помоги атамани — молодці!
Атамани поручилину геть!»

Историческая картина Хмельницкого бунта.

Цей бунт не існує.

РЕДАКЦІЯ. Г. Новочеркаськ. Комітетська, № 54. Телефонъ 642

Обложка первого номера журнала «Голос казачества». 1 октября 1911 г.

обращении его в крестьян единственный исход из теперешнего, действительно тяжелого момента казачьей многовековой славной жизни»¹⁰². В действительности на страницах «Голоса казачества» стала разрабатываться и проагандироваться идеология особого казачьего национализма, о чем было прямо заявлено уже в 1912 г., в статье некоего «А. Г.» (возможно, А. М. Гончаров. — Б. К.), которая так и называлась — «Казачий национализм»¹⁰³.

Ближайшим соратником С. А. Холмского стал донской историк и писатель, член Донского областного статистического комитета Е. П. Савельев¹⁰⁴. Как и С. А. Холмский, прежде он сотрудничал с «Донскими областными ведомостями», однако занимал в газете положение маргинала, так как его оригинальная версия истории казачества не находила поддержки у главного редактора Х. И. Попова и подвергалась нападкам на страницах самого этого издания¹⁰⁵. Перейдя в «Голос казачества», Е. П. Савельев получил возможность, начиная уже с первого номера, публиковать по частям под рубрикой «К истории казачества» свой труд, позднее изданный отдельной книгой. За редким исключением редакция «Голоса казачества» не позволяла подвергать работу Савельева сколько-нибудь значительной критике. Более того, С. А. Холмский превратил свои скромные инициалы в символически значимый псевдоним «С. Аз» — «азами» Е. П. Савельев называл далеких предков казаков¹⁰⁶. Помимо сотрудничества в «Голосе казачества» С. А. Холмский и Е. П. Савельев совместно выпустили сборник былин, песен и сказаний о Ермаке¹⁰⁷, также исполненный духа казачьего национализма.

¹⁰² [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 1 октября 1911. № 1.

¹⁰³ А. Г. Казачий национализм // Там же. 29 июля 1912. № 35.

¹⁰⁴ Савельев Евграф Петрович — публицист, историк, поэт, драматург; родился в декабре 1860 г. на Дону в станице Константиновской в семье рядового казака-земледельца. Получив начальное образование в Константиновском приходском и Первом Донском Окружном училищах, поступил в Новочеркасскую учительскую семинарию, которую окончил в 1879 г. В 1879–1894 гг. приходской учителем по 2-м и 1-м Донским округам. В 1894–1910 гг. — делопроизводитель Областного правления войска Донского, член областного статистического комитета, в 1907 г. награжден орденом св. Анны 3-й степени. В 1911 г. осужден по делу о «донских литераторах». В дальнейшем председатель главного управления Донского общества взаимопомощи служащих, член правления Третьего Новочеркасского общества взаимного кредита. В 1916 г. вместе с чином действительного статского советника получил потомственное дворянство. В 1917 г. входил в правительстве А. М. Каледина в качестве выборного старшины от 1-го Донского округа. Умер в 1927 г. См.: Кто был Евграф Петрович Савельев? (<http://passion-don.org/evgraf.html>; (проверено 26.02.2012)).

¹⁰⁵ Подробнее см. в гл. II, § 3.

¹⁰⁶ Подробнее см. в гл. II, § 3.

¹⁰⁷ См.: Холмский С. Казачьи Думы.

Постоянное давление со стороны авторского коллектива, раскол и создание ушедшими сотрудниками альтернативного издания пошатнули положение Х. И. Попова на посту главного редактора «Донских ведомостей» и под предлогом преклонного возраста в начале 1912 г. он покинул редакцию. Однако, как это будет видно в дальнейшем, Х. И. Попов вовсе не отказался от активной общественно-политической деятельности. Его место во главе донского официоза занял Г. П. Янов, ставший в год выборов в Государственную думу рупором русского национализма в Новочеркасске¹⁰⁸.

Таким образом, накануне предвыборной кампании 1912 г. в Новочеркасске образовались две группы националистов, которые вступили в острое противоборство друг с другом за право выступать от имени консервативной части донского казачества.

Участие националистов Донской области в думских выборах 1912 г.¹⁰⁹

1912 г. ознаменовался первой (и последней) в истории Российской империи правильной заменой одного созыва Государственной думы другим. III Дума была достаточно послушным механизмом в рамках политической системы, сконструированной П. А. Столыпиным¹¹⁰. Однако с его гибелью

¹⁰⁸ Янов Георгий Петрович — донской казак из дворян, публицист; родился в 1878 г. Окончил кадетский корпус и Павловское военное училище в 1898 г., служил в 33-м Донском казачьем полку, награжден орденом св. Станислава 3-й степени (1907), есаул лейб-гвардии Казачьего полка в штабе войскового атамана (1914). Редактор «Донских областных ведомостей». Участник Гражданской войны: в январе 1918 г. вошел в Донское правительство, в апреле того же года возглавлял совет обороны освобожденного от большевиков Новочеркасска, председатель временного Донского правительства и «Круга спасения Дона» в конце апреля — начале мая 1918 г., войсковой старшина (1918); затем управляющий отделом внутренних дел Донского правительства. С июня 1918 г. по начало 1919 г. — товарищ председателя Донского Войскового Круга, одновременно с октября входил в состав посольства Войска Донского в страны Антанты, с начала 1919 г. по начало 1920 г. — окружной атаман Черкасского округа, генерал-майор (1919). Затем в эмиграции в Турции и Югославии: в 1922–1923 гг. атаман Белградской казачьей станицы, сотрудничал с газетой «Русское дело». Умер в Белграде 28.12.1924. См.: Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 55. Яновы и другие / С. В. Корягин, М., 2005; *Офицеры российской гвардии в Белой борьбе* / Сост. С. В. Волков, М., 2002. С. 765.

¹⁰⁹ См.: Корниенко Б. С. Участие националистов Донской области в парламентских выборах 1912 года // *Исторические записки*. М., 2010. Вып. 13 (131) / сост. и отв. ред. Б. В. Ананьич. С. 205–224.

¹¹⁰ См.: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России...

воиник вопрос, насколько новая Дума сохранит управляемость и не превратится ли она в оплот оппозиции, как это случалось уже в 1906–1907 гг. Принимая во внимание предшествующий опыт, главной опорой правительства в нижней палате российского парламента четвертого созыва планировалось сделать националистов и правых октябристов. В связи с этим предпринимался ряд мер, нацеленных на обеспечение необходимых государству итогов выборов, в том числе за счет широкого вовлечения в предвыборную кампанию духовенства. После реорганизации, связанной с объединением ВНС и Партии умеренно правых, усилили свою пропагандистскую и организационную деятельность русские националисты, надеявшиеся составить «национальный центр» в новой Государственной думе¹¹¹. В результате 1912 г. стал периодом их наибольшей активности, в том числе и на Дону.

Хотя на предыдущих выборах общую победу по Войску одержала оппозиция¹¹², тем не менее трое из двенадцати донских депутатов (Н. Ф. Кадацков, П. Ф. Кравцов, А. К. Петров) в дальнейшем вошли во фракцию националистов, а еще один депутат, городской глава Ростова-на-Дону М. И. Кирьянов, был лидером местного отдела СРП¹¹³. Учитывая, что к 1912 г. в ОвД националисты проделали значительную организационную работу, а кроме того, намечался союз с правыми октябристами, это позволяло им надеяться на еще более благоприятный исход новой предвыборной кампании. Однако открытые в 1910–1911 гг. отделы ВНС действовали в «неказачьих» Ростове и Таганроге, а их пропаганда была нацелена прежде всего на русское население, не входившее в войсковое сословие. Между тем ВНС был заинтересован в привлечении казачьих голосов, тем более что среди донских интеллектуалов обнаружилось довольно значительное число воспринявших «национальную идею». Но, как уже было указано, в конце 1912 г. стало очевидным их разделение на две группы, выразителем идеологии которых служили «Донские областные ведомости», с одной стороны, и «Голос казачества» — с другой.

Первыми в связи с предстоящими выборами выступили сторонники «казачьего национализма». В середине марта 1912 г. в «Голосе казачества» в своей редакционной колонке С. А. Холмский высказался за создание самостоятельной «казачьей партии»: «Мы убеждены, что для того, чтобы ГОСУДАРЬ [так в тексте. — Б. К.] непосредственно знал все наши нужды и неурядиства, необходимо иметь казачеству

¹¹¹ См.: Коробинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия...

¹¹² От Донской области были избраны 6 кадет, один прогрессист и один левый октябрист.

¹¹³ Донские депутаты в 3-й Государственной Думе // Приложение к газете «Приазовский край», 17 июня 1912. № 25.

в Думе депутатов «своих»¹¹⁴. Холмский отказался позиционировать вновь создаваемую партию как правую, левую или «среднюю», настаивая на том, что она будет действовать только в интересах казачества.

Уже в следующем номере своего журнала С. А. Холмский поместил предполагаемую программу «казачьей партии». Она совмещала в себе «символ веры» ВНС (то есть признание русского народа «хозяином Государства», православия — государственной религией, а Государственной думы — необходимым средством «теснейшего единения Царя со своими подданными») и специфически казачьи вопросы. Автор программы настаивал на учреждении самоуправления Войска Донского по принципу Круга, заявлял об исключительных правах казачества на всю землю в пределах ОВД и ратовал за введение специальной казачьей системы образования¹¹⁵.

Новость о создании «казачьей партии» была встречена в прессе достаточно критично. Довольно пренебрежительно об инициативе «группы Холмского» отзывались на страницах прокадетской газеты «Приазовский край»: «В Новочеркасске энергично готовятся к выборам в Гос. Думу. Незначительная группа лиц проявляет усиленную деятельность к образованию казачьей партии. Задачи последней очень туманны: инициаторы уверяют, что образование партии необходимо для защиты казачьих интересов. Для пропаганды “казакомамы” избрали небольшой местный журнальчик»¹¹⁶.

«Русский инвалид» также не одобрил идею «казачьей партии». И. Курмояров, специализировавшийся на казачьей тематике и в целом с симпатией относившийся к «Голосу казачества», считал, что «само существо казака выше всяких программ. Партийность только затуманит луч его мышления. Это доказало прошлое. Пока к чистому кристаллу военных станов не прикасались руки с политической окраской, он был привлекателен своей нетронутостью»¹¹⁷.

Однако «казачьих националистов» должна была волновать реакция печати, близкой им по духу. Создание собственной партии требовало союзников, и уже в апреле С. А. Холмский пригласил правых и октябристов высказываться на страницах «Голоса казачества»¹¹⁸. Особые надежды «группа Холмского» должна была возлагать на ВНС, как на родственную организацию со схожей идеологией. Однако казачья часть партийной программы не встретила понимания со стороны русских националистов. «Окраины России», газета умеренно

¹¹⁴ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 18 марта 1912. № 24.

¹¹⁵ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 25 марта 1912. № 25.

¹¹⁶ Приазовский край. 18 мая 1912. № 129.

¹¹⁷ Курмояров И. Казачья печать // Русский инвалид. 10 апреля 1912. № 78.

¹¹⁸ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 13 апреля 1912. № 27.

правого направления, дала «казачьей партии» следующую характеристику: «В Новочеркасске образовалась новая казачья партия. Насколько правой она представляется в отношении вопросов общей политики, настолько же левой может быть названа в отношении вопросов чисто казачьих. <...> В отношении религии и Думы держась программы правых думских партий и объявляя войну не на живот, а на смерть кадетам и беспартийным прогрессистам, она требует возвращения войску всего, что было ему обещано Высочайшими грамотами...»¹¹⁹

Характеристика программы как «левой» фактически означала ее неприемлемость для русских националистов. Тем не менее, судя по дальнейшим публикациям в «Голосе казачества», в конце весны – начале лета между «грушью Холмского» и руководством ВНС проходили переговоры о сотрудничестве в предстоящей предвыборной кампании. Их итогом стало то, что, как с удовлетворением писали противники «казачьей партии» из стана «Донских ведомостей», «эта "идея" <...> попала под чье-то благодетельное сукно»¹²⁰. Иначе говоря, переговоры зашли в тупик.

Основной причиной неудачи были принципиальные расхождения сторон по ряду вопросов. Лидеру казачьих националистов было указано на то, что в программе «казачьей партии» «упущены интересы иногороднего населения», в большинстве своем русского. А какое-либо принижение положения русских на территории Российской империи, в том числе и на землях ОвД, было абсолютно неприемлемым для любого члена ВНС. Однако С. А. Холмский не был готов пожертвовать главным пунктом своей программы — особым положением казаков в пределах ОвД: «По вопросам общегосударственного характера казачество вполне разделяет взгляды и задачи национального союза и вполне благожелательно относится к возможности стать казачьим отделом этого союза, но по специально казачьим делам, по делам материального характера, столько рождается неодолимых преград и враждебных позиций между казаками и иногородними, что никакое соглашение совершенно неприемлемо, так как уступая, казаки ничего не получают взамен»¹²¹.

Характеристику «левой» «казачья партия» заслужила, очевидно, из-за аграрной части своей программы. Уравнительное распределение наев, сохранение общинного характера землевладения, а также принудительный выкуп частновладельческих земель в корне противоре-

¹¹⁹ К выборам в 4-ую Государственную Думу // Окраины России. 26 мая 1912. № 21.

¹²⁰ Борисов И. Живой труп (Посвящается «Голосу казачества») // Донские областные ведомости. 11 сентября, 1912. № 193.

¹²¹ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 11 августа 1912. № 38–39.

чили программе ВНС, отстаивавшей принципы аграрной реформы П. А. Столыпина, — неприкосновенность частной собственности, право на выход из общин, развитие хозяйств фермерского типа.

Вопрос о характере сотрудничества ВНС и «казачьей партии» также, судя по всему, вызвал неразрешимые противоречия. С. А. Холмский по этому поводу писал: «Услужливые звонари казенных колоколен [очевидно, имеются в виду авторы «Донских ведомостей». — Б. К.] со всех сил звонят о вреде обособления казачества в особую партию и умильно рекомендуют казакам слиться с Русским народом в одну национальную партию». Такое слияние означало превращение «казачьей партии» в рядовой отдел ВНС и отказ от статуса самостоятельной нации для казаков, что противоречило основам националистического проекта «группы Холмского».

После срыва переговоров с ВНС сторонники «казачьей партии» оказались фактически в изоляции и вынуждены были отказаться от ее создания. Политическая составляющая националистического проекта «группы Холмского» оказалась не реализована, хотя ее лидер еще надеялся на создание в будущей Государственной думе особой «казачьей группы» и даже разработал для нее программу¹²².

Вслед за казачьими националистами к формированию политической организации, способной принять участие в выборах, приступили сторонники общерусского национализма. В отличие от «группы Холмского» их возможности были гораздо шире. Во-первых, они обладали значительно большими информационными ресурсами, опираясь в своей деятельности на финансируемые из казны «Донские областные ведомости», газету областного значения, в то время как тираж издававшегося на частные средства «Голоса казачества» колебался в районе 300 экземпляров¹²³. Во-вторых, четко придерживаясь основной программы ВНС, его донские сторонники имели лучшие шансы на политическое признание. Наконец, судя по всему, местная националистически настроенная интеллигенция не была склонна к поддержке идеи обособленной «казачьей партии», поставив ее приверженцев в положение политических маргиналов.

Но несмотря на эти благоприятные условия, организационное становление новой политической структуры затянулось. Сообщения о новочеркасском отделе националистов как о функционирующем появились в прессе в августе, но его юридическое оформление состо-

¹²² Холмский С. Предполагаемая программа Думской казачьей группы // Там же. 19 сентября, 1912. № 47.

¹²³ Хотя эти данные исходят из «Донских ведомостей», выступавших тогда против «Голоса казачества», и могли быть сознательно занижены, однако вряд ли такое занижение было значительным.

власть только 10 сентября, когда с утверждением устава был зарегистрирован Донской Союз Националистов¹²⁴, то есть менее чем за месяц до избрания выборщиков. Если «Донские областные ведомости» послужили своеобразным идеологическим центром ДСН, то основным поставщиком кадров, судя по всему, стал местный отдел СРН, переживавший не лучшие времена. Вся структура СРН была расколота событиями 1911 г., когда шло разделение между «дубровинцами» и «обновленцами»¹²⁵. В Новочеркасске противники дубровинской платформы не стали организовывать новый отдел СРН, а перешли в штаб новообразованного ДСН. Кроме того, его ряды пополнили некоторые из местных октябристов. Это дало повод противникам националистов из кадетского лагеря упрекать их в оппортунизме: «Были они и октябристами, числились и в союзе русского народа, приставали и к нравовому порядку. <...> Теперь националисты в фаворе, в моде — надо и им поспешить записаться в националисты»¹²⁶. Чтобы избежать подобных упреков, донским националистам пришлось даже отмежеваться от ВНС: ««Донской союз националистов» есть организация совершенно самостоятельная и независимая от «Всероссийского Союза Националистов», скорее всего это организация краевая, что и выражено в самом начале Устава»¹²⁷. Между тем устав ДСН был составлен по образу и подобию своего «всероссийского» аналога, его «задачи» полностью копировали аналогичный раздел в уставе ВНС, только в конце добавился пункт о содействии «развитию и совершенствованию краевой жизни Донских казаков в соответствии с особенным образом служения их родине»¹²⁸. И хотя ДСН не входил в число вновь открытых отделов ВНС¹²⁹, очевидно, что отношения с ним должны были выстраиваться так же, как у Киевского Клуба Русских Националистов и прочих локальных националистических организаций, сохранявших внутреннюю самостоятельность, но действовавших «единым фронтом» с ВНС.

Вместе с регистрацией ДСН была утверждена и его структура. Председателем совета стал генерал-лейтенант в отставке инженер-

¹²⁴ Донские областные ведомости. 11 сентября 1912. № 193.

¹²⁵ В 1911 г. лидер СРН А. И. Дубровин, оттесненный от руководства, организовал новый Всероссийский Дубровинский Союз Русского Народа, не признававший институт Государственной думы. Прежний СРН, во главе которого теперь стал И. Е. Марков, признавал необходимым участие в Думе «для борьбы с бюрократией, отделяющей монарха от народа», и стал именоваться «марковским» или «обновленческим».

¹²⁶ Донской. Политические Хлестаковы // Новочеркасская речь. 22 сентября 1912. № 5.

¹²⁷ Националист. Ответ г. Донскому // Донской край. 28 сентября 1912. № 1.

¹²⁸ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 681 (Устав Донского Союза Националистов). Л. 1–2.

¹²⁹ См. Обзор деятельности Всероссийского национального Союза за 1912–1913.

академик К. С. Чернокнижников, товарищем председателя был утвержден местный землевладелец Н. М. Туроверов, секретарем — войсковой старшина И. И. Сутулов, а казначеем — Х. И. Попов. В то же время «Приазовский край» называл главными инициаторами создания ДСН некоего конторщика страхового общества «Россия» Пильчикова, действующего редактора «Донских ведомостей» Г. П. Янова и «инициатора выступлений против местных прогрессистов» члена Городового комитета Новочеркасска В. С. Иванова¹³⁰.

23 сентября состоялось первое собрание членов ДСН в присутствии представителей донского духовенства, на котором обсуждался список кандидатов от националистов на предстоящих выборах. По сообщению «Донских ведомостей», помимо членов ДСН собрание посетили и многочисленные гости, по его окончании также записавшиеся в Союз. По сведениям «Ведомостей», общее число присутствовавших достигло 150 человек¹³¹. Оппозиционная печать, однако, говорила о том, что на собрании присутствовали «новочеркасский полицмейстер, его помощник, пристава, околоточные надзиратели и до 50 челов[ек] отставных генералов, полковников, войсковых старшин и несколько штатских, дряхлых стариков»¹³². Вскоре, 26 сентября, состоялось еще одно собрание, на котором было принято решение об основании собственного печатного органа, газеты «Донской край», первый номер которой вышел уже 28 сентября¹³³. Ее издателем стал Х. И. Попов, а функции редактора были возложены на Н. Ф. Быковского.

Таким образом, из двух националистических групп этап предвыборной самоорганизации был успешно преодолен только донскими националистами. Фактически борьба велась за право стать «казачьим отделом ВНС», хотя обе группы старательно доказывали свою само-

¹³⁰ Приазовский край. 28 августа 1912. № 226.

¹³¹ Донские областные ведомости. 26 сентября 1912. № 205. Для сравнения: Новочеркасский отдел Союза Русского Народа в период с 1907 по 1916 г. последовательно сокращался с 550 до 94 членов. Крупнейшая политическая организация Донской области, ростовский отдел СРН, в этот же период стабильно насчитывал примерно 4500 членов. См.: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России... С. 81–82.

¹³² Южный телеграф. 25 сентября, 1912. № 3439. Собрание 23 сентября ознаменовалось скандалом. В том же номере «Южного телеграфа» сообщалось, что на собрании присутствовало «несколько человек из местной интеллигенции», явившихся «из любопытства». Однако после замечания одного из националистов о неуместности их присутствия эти лица были выведены полицией. «Донские областные ведомости» в ответ сообщали, что единственным удаленным с собрания человеком был корреспондент «Южного телеграфа» М. А. Левшин, явившийся без приглашения, к тому же, по мнению «Ведомостей», его нельзя было причислить к интеллигенции. См.: Донские областные ведомости. 26 сентября 1912. № 205.

¹³³ Донской край. 28 сентября 1912. № 1.

стоятельность. Эта конкуренция превратила людей, некогда сотрудничавших в «Донских ведомостях», в непримиримых врагов. С. А. Холмский обвинял своих оппонентов в том, что они вносят раскол в националистическое движение, не поддержав идею «казачьей партии», которая «уже с первых шагов встречает враждебное к себе отношение со стороны тех <...> коих святая обязанность была бы и поддержать, и оказать братскую помощь нарождающемуся на национальных основах объединению российского могучего казачества»¹³⁴. В свою очередь Г. П. Янов считал, что «не сепаративные начала, не автономные вождения, а общее единение в государстве суть ее [России] благо <...>. Экономические интересы края — не должны иметь политическую окраску, ибо они сильны только творчеством, а не борьбой»¹³⁵. Замысел «казачьей партии», таким образом, в корне отвергался.

С приближением сроков выборов противостояние между двумя группами националистов все более выходило за рамки приличий, превращаясь во взаимную газетную травлю. Причем «Голосу казачества» в большей мере приходилось защищаться, в то время как донские националисты постоянно ужесточали свою риторику. В середине августа в своей редакционной колонке С. А. Холмский назвал последних «квасными патриотами» и писал, что это «пигмеи, мнящие себя гигантами печати», для которых «главную роль играет мелочное честолюбие». Они «по недоразумению носят фамилию на «ов» и под шумок забрались «на теплые местечки»»¹³⁶, под которыми Холмский, очевидно, подразумевал «Донские ведомости».

Ответ «Ведомостей» был гораздо более жестким. Спустя несколько дней после появления статьи С. А. Холмского на страницах газеты появился фельетон некоего Филонова под названием «Хамелеон», в котором в сатирической форме С. А. Холмскому выдвигался целый ряд обвинений¹³⁷. Он характеризовался как незадачливый карьерист: «Он рвет и мечет. / Как, меня, того-кто и т. д. основал казачью партию в проекте и вдруг не понимают! / Здесь ругают. / В Петербурге держат под сукном. <...> Видит чудные сны: / Он член Государственной Думы».

Следующим упреком было то, что С. А. Холмский оказался вовсе не казаком, родом не из Войска Донского и, более того, евреем, что, учитывая уровень антисемитизма среди националистов того времени,

¹³⁴ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 18 августа 1912. № 40–41.

¹³⁵ Янов Г. Смыкайте ряды // Донские областные ведомости. 12 сентября 1912. № 194.

¹³⁶ Голос казачества. 18 августа 1912. № 40–41.

¹³⁷ Филонов. Хамелеон // Донские областные ведомости. 22 августа 1912. № 180.

стало особенно тяжелым обвинением, своеобразным ударом ниже пояса: «Во сне — он преданный казак. / Забыл иерусалимские корни своего родового древа. / Забыл Ставропольскую губернию». И, пародируя одну из статей Холмского: «К зеркалу. / Уставился лбом. Спрашивает: / Кто я? / "Правый"? / Нет. / "Левый" / Нет. / "Беспартийный"? / Нет. / "Кто же"? / — Из ставропольских мещан, хочу быть казаком»¹³⁸.

Наконец, Холмский обвинялся в политической неразборчивости, перечеркивающей его карьеру: «Метнулся к "левым". / Не помогли!.. / Метнулся к "правым". / Не выгорело. / Поставили диагноз: / Обречен на постепенное умирание».

Ответ С. А. Холмского был относительно мягок. В своей обзорной статье, посвященной донской периодике, он писал: «Войсковая газета обрушилась всею наличной силой на казачью партию и на редактора журнала "Голос казачества". Не было недостатка ни во лжи, ни в клевете: в конце концов, дошли до всякого предела приличия в своем стремлении облить помоями казачью идею. Конечно, "Голос казачества" не может обеспокоить стая завистливых беззубых шавок, визгаво твьякающих из-под областной подворотни»¹³⁹.

Но этот ответ, кажется, еще больше раззадорил его оппонентов, тем более что дела у них шли, что называется, в гору. В том же номере «Донских ведомостей», в котором сообщалось о регистрации ДСН, была помещена статья, посвященная «Голосу казачества», с говорящим названием «Живой труп»¹⁴⁰. Ее автор, Н. Борисов, разразился почти площадной бранью в адрес этого журнала и лично Холмского, повторив обвинения, выдвинутые в «Хамелеоне», и добавив к ним новые. Начал свою статью Борисов с пересказа слуха о том, что в скором времени «Голос казачества» должен прекратить свое «жалкое существование». Затем он поставил под сомнение право авторов журнала говорить от имени всего казачества: «Лица, неизвестно откуда появившиеся, дотоле неизвестные казакам со стороны их национального облика, вдруг стали в роли защитников казачьих интересов». Вслед за этим Борисов перешел к личности Холмского и идее «казачьей партии»: «Тот же, многостороннее одержимый, С. Азь начал "обогащать" родную литературу поэтическими произведениями, писал дрянненькие стихи, портил прекрасные казачьи песни, перекраивая их под свою неуклюжую мерку. Вслед за "воскрешением самобытности" последовала озарившая вдохновителя журнала идея о создании революционной "казачьей" партии. <...> Эта "идея" <...>, оказавшись

¹³⁸ Оригинальный текст Холмского см. в гл. II, § 2.

¹³⁹ С. Азь. Печать в казачестве // Голос казачества. 5 сентября 1912. № 44–45.

¹⁴⁰ Борисов Н. Живой труп (Посвящается «Голосу казачества») // Донские областные ведомости. 11 сентября 1912. № 193.

“вне времени и пространства”, явилась потерянной для кучки маленьких дельцов-честолюбцев. Читатели, следившие пока за шагами детища-урода, которого еще в детстве мамка ушибла, попали в трясину и сразу отрезвели». Далее Борисов вновь в едко сатирической форме указывал на политическую непоследовательность, которой, по его мнению, отличался «Голос казачества»: «И бродит этот странный журнал между трех сосен: сепаратизмом, политическим социализмом и национализмом (не правда ли, какая тесная связь?) и в сотый раз раздумывает, на какой бы из них лучше повеситься». Напоследок Борисов обвинял Холмского в «тройной бухгалтерии».

Новый ответ С. А. Холмского был довольно оригинален. В очередном номере своего журнала он поместил стихотворение «Предвыборный шабаш», в котором представил противников в образе нечисти, собравшейся на совещание для составления плана действий против «Голоса казачества» и самого «Аза»:

– «ий» фамильи окончанье...
 Так валяй, — что «Аз» то саном
 Был всегда в дворянском званье
 «Поляком, вельможным паном»!¹⁴¹
 – Скажем: в Думу «Аз» то метит,
 И с намереньем нечистым...
 Ему верят только дети!..¹⁴²
 Пусть он будет «карьеристом»!
 – Стойте! Родом он с Кубани,
 Так распишем, будет чисто!
 В ставропольские мещане
 Превратим мы «карьериста»!
 – Да еще посадим веред:
 «От жидов, мол, происходит»!..
 Казаки темны, поверят; —
 Этот люд в потемках бродит!¹⁴³

Новый печатный орган ДСН «Донской край» также повел кампанию «черного пиара» против «Голоса казачества», хотя начал довольно мягко: «<...> в большинстве статей [«Голоса казачества»] есть верные взгляды и честные мысли, но все это впечатление ликвидируется последней страницей обложки, напоминающей собой еврейские рекла-

¹⁴¹ Подобным эпитетом наградил Холмского Филонов в «Хамелеоне».

¹⁴² Указание на еще один риторический прием из «Хамелеона».

¹⁴³ С. Азъ. Предвыборный шабаш // Голос казачества. 15 сентября 1912. № 46.

мы из города Лодзи...»¹⁴⁴ Упоминание «верных взглядов и честных мыслей», видимо, было обусловлено тем обстоятельством, что некоторые авторы, как, например, донские историки и общественные деятели В. Пузанов и П. Юдин, уважаемые обеими группами, сотрудничали и с «Донскими ведомостями», и с «Голосом казачества». В дальнейшем редакция «Донского края» сконцентрировала внимание на личностях С. А. Холмского и поддерживаемого им и «Голосом казачества» бывшего предводителя областного дворянства А. П. Леонова, выдвинутого в качестве кандидата в выборщики от новочеркасского станичного сбора. Последнего автор, скрывшийся под псевдонимом «Казак», иронически характеризовал как «великого патриота казачества, рекламируемого иерусалимским дворянином г. С. Азом из "Голоса казачества", а на самом деле из скрытого революционного журнальчика, существовавшего на "всякие средства"»¹⁴⁵.

Наконец, в статье посвященной первому году издания «Голоса казачества», журналу выносился вердикт: «Много дельных мыслей, много сокровенных мечтаний высказано было даровыми сотрудниками <...> великое им за то спасибо [реверанс в сторону упомянутых авторов. — Б. К.]. По прочтении всех номеров, мы пришли к тому заключению, что это не идейное, а спекулятивное издание, поход на тощие карманы наших не богатых казаков». Далее, ссылаясь на статью «Казак» в предыдущем номере, неизвестный автор вновь говорил о «сомнительном» происхождении Холмского: «Итак, радетель и печальник за славное наше казачество "иерусалимский дворянин" или, попросту говоря, *жид* [курсив автора. — Б. К.] <...> А что означает таинственная буква "С", Сережа или Сруль?»¹⁴⁶

Все же масштабы этой взаимной неприязни не стоит преувеличивать, так как одновременно с разразившимся на страницах газет спором «Голос казачества», «Донские ведомости» и «Донской край» в то же время вели дружную агитационную кампанию против кадет и прогрессистов — главных противников националистов на предстоящих выборах. Объем пропаганды против них многократно превышал взаимную перебранку соперничающих националистических групп.

Хотя представители ДСН выражали полную уверенность в победе на близящихся выборах в Государственную думу, одновременно они искали возможных союзников, что вполне объяснимо, учитывая молодость организации. Новочеркасский отдел СРН, придерживаясь дубровинской платформы, отказался от участия в выборах, а местные октябристы решили действовать самостоятельно. В результате един-

¹⁴⁴ Донской край. 3 октября 1912. № 4.

¹⁴⁵ Казак. Если Вам нравится — то?!! // Там же. 24 октября 1912. № 17.

¹⁴⁶ Там же. 25 октября 1912. № 18.

ственной организацией, открытой для альянса с ДСН, стало местное духовенство. Как и в целом по стране, донские православные церковные служители приняли непосредственное участие в выборах 1912 г. В начале июля, для того чтобы «руководить предвыборной кампанией по епархии, давая необходимые указания и разъяснения», был образован Донской епархиальный комитет (далее — ДЕК) во главе с архиепископом Донским и Новочеркасским Владимиром и епископом Аксайским Гермогеном¹⁴⁷. Вскоре ДЕК выпустил обращение к православным жителям донской епархии, содержащее проект предвыборной программы, в котором наряду с сугубо церковными вопросами обозначалась и общеполитическая позиция донского духовенства. Вместе с провозглашением традиционного лозунга «Православие, Самодержавие, Народность» в программе в то же время отводилось место защите «интересов, чести и достоинства русского народа» и «укреплению мощи русского государства путем возведения армии и флота на должную высоту». Также уделялось внимание казачеству, в интересах которого предполагалось заботиться «о сохранении прав и привилегий войска Донского»¹⁴⁸. В августе ДЕК определился с собственными кандидатами в выборщики, из которых наиболее серьезной фигурой был епископ Гермоген¹⁴⁹.

В августе же начались переговоры между ДЕК и ДСН о предвыборной коалиции. Стороны далеко не сразу пришли к взаимопониманию. Националисты хотели получить в совместном кандидатском списке как можно больше мест, а духовенство по каким-то причинам было настроено против одного из лидеров ДСН В. С. Иванова¹⁵⁰. Достигнутый к середине сентября компромисс нельзя назвать удачным решением для блока ДСН/ДЕК. Националисты получили в совместном списке четыре места из шести, но епископ Гермоген, а также двое других выдвиженцев духовенства вовсе отказались от роли выборщиков. В результате двумя представителями от ДЕК стали не известные широкой публике окружной наблюдатель церковно-приходских школ А. Н. Васильев и учитель новочеркасского духовного училища И. Н. Голуб¹⁵¹. Видимо, в угоду духовенству в список все-таки не был включен В. С. Иванов, вынужденный стать самовыдвиженцем¹⁵². Слабыми представляются и фигуры кандидатов в выборщики от ДСН. Имя

¹⁴⁷ Донские областные ведомости. 7 июля 1912. № 144.

¹⁴⁸ Обращение Донского Епархиального Комитета к православным жителям донской епархии // Там же. 19 июля 1912. № 154.

¹⁴⁹ Южный телеграф. 24 августа 1912. № 3410.

¹⁵⁰ Приазовский край. 28 августа 1912. № 226.

¹⁵¹ Там же. 14 сентября 1912. № 242.

¹⁵² Некий. Каких выборщиков в Государственную Думу хочет Новочеркасск // Новочеркасская речь. 2 октября 1912. № 13.

Н. С. Колесникова ничего не говорило рядовым избирателям. Плюсом главного генерал-лейтенанта К. С. Чернокнижника был его высокий армейский чин, но на Дону он также не пользовался известностью. Более знакомы новочеркасцам были активный общественный деятель, противник иногороднего населения, землевладелец Н. М. Туроверов и Х. И. Попов. Однако фигура последнего вызвала со стороны оппозиционной прессы ряд саркастических замечаний, связанных с его возрастом (21 сентября Х. И. Попову исполнилось 78 лет): «Он, правда, далеко не современник св. Сергию Радонежскому или Александру Невскому¹⁵³, но все же старец весьма древний»¹⁵⁴. Тем не менее на собрании 23 сентября список кандидатов в выборщики от блока ДСН/ДЕК был окончательно утвержден. По первому съезду городских избирателей¹⁵⁵ выдвигались К. С. Чернокнижников, Н. М. Туроверов, И. И. Голуб и Х. И. Попов; по второму съезду выдвигались: по первому отделению¹⁵⁶ — Н. С. Колесников, по второму¹⁵⁷ — А. Н. Васильев.

Одновременно ДСН выпустил воззвание к избирателям, в котором излагалась его программа, повторяющая предвыборную программу ВНС¹⁵⁸. От себя составители воззвания писали, что «партия национа-

¹⁵³ Явная отсылка к предвыборному возванию ДСН.

¹⁵⁴ *Искит*. Каких выборщиков в Государственную Думу хочет Новочеркасск.

¹⁵⁵ По первой курии голосовали лица, имеющие дома, оцененные не ниже 1000 рублей; занимающиеся торговлей и имеющие промысловое свидетельство 1 или 2 разряда; владеющие промышленными заведениями с промысловыми свидетельствами 1–5 разрядов.

¹⁵⁶ По первому отделению второй курии имели право голосовать мелкие землевладельцы (стоимость дома ниже 1000 рублей); торговцы с промысловым свидетельством ниже 2 разряда; владельцы промышленных заведений ниже 5 разряда.

¹⁵⁷ По второму отделению второй курии имели право голоса лица, нанимающие квартиру и платящие квартирный налог, получающие содержание по службе, пенсию или имеющие свидетельство на личное промысловое занятие.

¹⁵⁸ В программе ВНС в качестве задач значилось: «1) Величие и достоинство господствующей православной церкви. Укрепление и расширение соборного начала в жизни церкви. Обеспечение духовенства вполне достаточным государственным содержанием. 2) Всемерное содействие росту боевой мощи России. 3) Национально-патриотическое и религиозное направление народного образования. Широкое содействие развитию низшего ремесленного, технического и сельскохозяйственного образования. 4) Содействие широкому развитию мелкого сельскохозяйственного (крестьянского, мещанского и для других землевладельцев), ремесленного и торгово-промышленного кредита. 5) Обслуживание средствами Государственного банка дешевым и подвижным кредитом преимущественно русской торговли, промышленности и землевладения. Законодательные акты и правительственные мероприятия, обеспечивающие интересы и развитие русской торговли, промышленности и кредита. 6) Недопущение какого бы то ни было расширения прав евреев. Пересмотр законов в целях более действительной борьбы с еврейством». См.: Предвыборная программа русских националистов // Окраины России. 3 марта 1912. № 9.

листов — это самая старинная русская, чисто народная партия». Далее к ней причислялись Сергей Радонежский, Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов, Александр III и другие персонажи российской истории: «все это были русские националисты, которые оставили нам заветы о благе русского государства и о защите его не только от внешних, но и от внутренних врагов»¹⁵⁹. Подобный прием вызвал со стороны оппозиции ряд саркастических замечаний и даже возмущение: «Для вящей вразумительности не постыдились даже пристегнуть к своему черному, грязному имени святых. <...> Недопустимое кощунство!»¹⁶⁰ Тем не менее националисты выражали полную уверенность в своей победе на выборах, считая, что кадеты и прогрессисты совершенно утратили доверие народа¹⁶¹. Этому настроению должно было способствовать избрание 29 сентября членом Государственного совета бывшего начальника таганрогского округа генерал-майора Н. И. Клунникова, придерживавшегося правых взглядов¹⁶².

Однако состоявшееся 2 октября голосование по выборщикам завершилось полным поражением националистов и оглушительным успехом оппозиции в лице прогрессистов. Лучший результат по первой курии от представителей блока ДСН/ДЕК показали К. С. Чернокужников и Х. И. Попов — 89 голосов при 542 бюллетенях, признанных действительными. Н. М. Туроверов получил 87 голосов, а И. Н. Голуб — 82 голоса. В то же время худший результат у прогрессистов — 340 голосов за Н. И. Елкина. Более того, список националистов проиграл и октябристам, правда, всего на несколько голосов¹⁶³. Результаты по второй курии были столь же неутешительными. А. Н. Васильев и В. С. Иванов, баллотировавшиеся по второму отделению, набрали 213 и 104 голоса соответственно, в то время как за победившего прогрессиста М. С. Воронкова было подано 870 записок¹⁶⁴. Кандидат, выставленный ДСН/ДЕК по первому отделению, Н. С. Колесников, получил всего 9 голосов¹⁶⁵.

Несколько успешнее выступили коллеги донских националистов из Ростова и Таганрога. В Ростове представители местного отдела ВНС, конфликтуя с черносотенцами, вступили в блок с октябристами и от-

¹⁵⁹ Воззвание «Донского Союза Националистов» к избирателям гор. Новочеркаска и Черкасского округа. Новочеркасск, 1912.

¹⁶⁰ Грановский В. Святцы националистов // Южный телеграф. 23 сентября 1912. № 3437.

¹⁶¹ См.: Борисов Н. «Кадетское» самозабвение // Донские областные ведомости. 25 сентября 1912. № 204; Сергеев Г. Основы кадет // Там же. 26 сентября 1912. № 205; Националист. Ответ г. Донскому // Донской край. 28 сентября 1912. № 1. Донской край. 3 октября 1912. № 4.

¹⁶³ Новочеркасская речь. 4 октября 1912. № 15.

¹⁶⁴ Южный телеграф. 5 октября 1912. № 3448.

¹⁶⁵ Приазовский край. 5 октября 1912. № 261.

исшли от руководства ростовского комитета русских избирателей председателя отдела СРН, городского голову М. И. Кирьянова, поставив на его место лидера националистов И. С. Кошкина¹⁶⁶. Состоявшиеся выборы по первому съезду городских избирателей не принесли победы ни одной из сторон. Четверка кандидатов от СРН получила в среднем 349 записок, прогрессисты — 246.5, а блок националистов и октябристов — 234.25, в то время как для победы требовалось 466 голосов. В результате были назначены перевыборы¹⁶⁷. По второй курии победа досталась оппозиции, но итоги голосования были оспорены, это привело к отмене их результата и назначению новых выборов. Такое положение неустойчивого равновесия было нарушено компромиссом, достигнутым между национально-октябристской коалицией и отделом СРН, вынужденными на данном этапе примириться. Результатом стало образование «черно-лилового блока», выставившего на перевыборы совместную четверку по первой курии: от СРН — М. И. Кирьянова и И. М. Сафонова, а от ВНС и октябристов — И. С. Кошкина и В. К. Севастьянова¹⁶⁸. Итоги повторного голосования были успешны для новой коалиции: все ее кандидаты получили более 500 голосов, в то время как лучший результат представителя прогрессистов П. Е. Паримонова не превысил 192 записок¹⁶⁹. Перевыборы по второй курии также позволили «черно-лиловому блоку» провести в число выборщиков своего кандидата — Г. Н. Биркина¹⁷⁰.

Преодолеl первый этап выборов и лидер таганрогских националистов Н. А. Реми. Первоначально он баллотировался по первой городской курии, но при голосовании занял только третье место с 32 голосами¹⁷¹, тогда как первые места достались прогрессистам, лучший результат которых — 305 записок за Н. А. Егорова¹⁷². В то же время баллотировавшийся по второй городской курии националист А. А. Степанов получил лишь 50 (по другим данным — 60) голосов, а занявший первое место прогрессист А. А. Бударин — 980¹⁷³.

Тогда Н. А. Реми, а также его брат В. А. Реми и бывший редактор-издатель «Призыва» Н. В. Кутейников выставили свои кандидатуры на съезде крупных землевладельцев и уполномоченных от мелких землевладельцев и настоятелей церквей Таганрогского округа¹⁷⁴.

¹⁶⁶ Там же. 23 августа 1912. № 223.

¹⁶⁷ Там же. 4 октября 1912. № 260.

¹⁶⁸ Там же. 6 октября 1912. № 262.

¹⁶⁹ Там же. 16 октября 1912. № 272.

¹⁷⁰ Там же. 21 октября 1912. № 277.

¹⁷¹ Таганрогский вестник. 4 октября 1912. № 259.

¹⁷² Приазовский край. 4 октября 1912. № 260.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Таганрогский вестник. 6 октября 1912. № 261.

Из 640 избирателей на съезд явились всего 72 человека, которые проголосовали по заранее согласованному списку. В результате Н. А. Реми получил 45 голосов, В. А. Реми — 40, Н. В. Кутейников — 39, и все трое прошли в выборщики¹⁷⁵.

В число националистов, ставших выборщиками, попал и А. П. Леонов, избранный от новочеркасского станичного сбора, хотя его партийная принадлежность не раз вызывала едкие замечания: «с прогрессистами — прогрессист, с правыми — правый»¹⁷⁶.

Общие итоги первого этапа голосования оказались неутешительными для националистов. На предстоящем 25 октября в Новочеркасске съезде выборщиков Донской области они оказались представленными всего 3–4 своими единомышленниками, в то время как общее число голосующих должно было составить 142¹⁷⁷. Даже при наличии на съезде 45 правых¹⁷⁸ и примкнувших к ним нескольких правых октябристов, составивших «черно-лиловый блок», шансы этого альянса преодолеть сопротивление оппозиции, получившей большинство мест, были незначительными.

Особенно болезненно в стане ДСН, разумеется, были восприняты результаты голосования 2 октября по Новочеркаску и Черкасскому округу. Главный редактор «Донских ведомостей» считал виновником поражения националистов обывателя, не пошедшего на выборы¹⁷⁹. Этот же фактор, в свою очередь, делал сомнительной, по мнению Г. П. Янова, победу прогрессистов¹⁸⁰. Далее он выражал полное непонимание того факта, что казаки выбирают в Государственную думу людей, не имеющих, по его словам, ничего общего с казачеством и, более того, враждебных самодержавию, притом что жители Войска не раз выражали преданность императору: «Взгляните на них, ваших ле-

¹⁷⁵ Таганрогский вестник. 7 октября 1912. № 262.

¹⁷⁶ Новочеркасская речь. 19 сентября 1912. № 2.

¹⁷⁷ Из них 20 — от станиц, 11 — от волостей, 79 — от крупных землевладельцев, 29 — от городских избирателей, 3 — от рабочей курии. См.: Донские областные ведомости. 19 июля 1912. № 154.

¹⁷⁸ К числу правых пресса причисляла и 10 немцев-колонистов, однако при голосовании они руководствовались не столько партийным, сколько этническим критерием, проведя в Государственную думу И. И. Циммера (См.: Приазовский край. 22 октября 1912. № 278). Партийная принадлежность последнего в различных источниках варьируется от октябристов к прогрессистам. Таким образом, наличный состав «черно-лилового» блока был еще слабее.

¹⁷⁹ Проблема явки избирателей действительно стояла остро. Наиболее ярко это проявилось на голосовании по съезду землевладельцев Черкасского округа, куда из более чем 100 человек, имевших право участвовать в выборах, явилось всего двое, Г. В. Хотневич и священник Фомин. «Избрали друг друга и разошлись», — констатировала «Новочеркасская речь». См.: Новочеркасская речь. 4 октября 1912. № 15.

¹⁸⁰ Янов Г. Вам лучше видно // Донские областные ведомости. 11 октября 1912. № 215.

важ представителей <...> — что найдете вы в них казачьего? Ничего!.. <...> Вы посылаете, вы выбираете левых депутатов, а рядом с этим полные преданности и любви телеграммы Монарху. Как сопоставить такие две величины?.. Как?!» Ответственность за все возможные последствия такого выбора Г. П. Янов возлагал на избирателей: «И когда там, в Таврическом дворце, ваши доверенные присоединяются к антигосударственному направлению левого крыла Думы — вина преданность дискредитируется, вы теряете доверие, ибо вы послали, вы выбрали!..»¹⁸¹

Тем не менее донские националисты все еще рассчитывали на благоприятный для себя исход решающего голосования, чему в немалой степени способствовали действия властей, отменивших или опротестовавших итоги выборов по многим съездам. Особую активность в этом проявлял генерал А. А. Смагин, исполнявший обязанности войскового наказного атамана после отставки П. И. Мищенко, последовавшей в сентябре. Среди прочих А. А. Смагин 17 октября опротестовал и результаты выборов по первому съезду городских избирателей Новочеркасска. 21 октября Сенат, действуя чрезвычайно быстро, удовлетворил его жалобу и отменил итоги голосования. Так как до съезда выборщиков оставалось всего несколько дней, перевыборы было решено не назначать¹⁸². Постановление Сената было воспринято донскими националистами как собственный успех, и один из авторов «Донского края», еще не зная, чем закончилось решающее голосование, торжествующе писал: «Выборы по г. Новочеркаску отменены. Несмотря на все интриги, хитрости, подпольные усилия, обман и всевозможные подлости [со стороны кадет/прогрессистов] <...> все рухнуло в одно мгновение — ибо здание было построено на песке»¹⁸³. Это был последний номер «Донского края».

Упоывая на помощь местных и центральных властей, донские националисты и сами не сидели сложа руки. Для усиления газетной агитации в октябре «Донские ведомости» стали рассылаться в станичные правления «для ознакомления»¹⁸⁴. Одновременно, также «для ознакомления», проводилась ежедневная бесплатная раздача 100 экземпляров «Донского края»¹⁸⁵. Помимо обычной предвыборной пропаганды орган ДСН выступил с двумя взаимосвязанными инициативами. Во-первых, в номере от 6 октября появился проект соединения монархических организаций Новочеркасска. Его автор, констати-

¹⁸¹ Янов Г. Вам лучше видно (окончание) // Там же. 12 октября 1912. № 216.

¹⁸² Приазовский край. 22 октября 1912. № 278.

¹⁸³ *Националист*. Не рой другому яму — сам в нее попадешь // Донской край. 26 октября 1912. № 19.

¹⁸⁴ Донские областные ведомости. 7 ноября 1912. № 237.

¹⁸⁵ Донской край. 23 октября 1912. № 16.

руя, что ДСН «еще не столько окреп, чтобы мог вести самостоятельную борьбу», предлагал в преддверии выборов объединить усилия местных националистов, черносотенцев и октябристов и создать сначала «Общий Соединенный совет», а в дальнейшем и «Общий Монархический Союз»¹⁸⁶. Во-вторых, видимо с целью содействия такому объединению, редакция «Донского края» объявила об открытии особого отдела «Среди союзов», приглашая все монархические организации помещать в нем отчеты о своих заседаниях и работах¹⁸⁷.

Наконец, непосредственно перед началом работы съезда выборщиков газета выступила с обращением к ним: «Привет выборщикам. Сегодня и завтра прибываете Вы в г. Новочеркасск для выборов членов Государственной Думы 4-го созыва. Все русские люди шлют Вам сердечный привет и низкий поклон. По примеру всей России избирайте людей честных, правых, разумных, богобоязненных, твердых в Вере православной, любящих Царя Самодержавного и дорогую Родину нашу Россию. Выбирайте крепких духом казаков, которые постояли бы за "Тихий Дон", за его вековые права и устои. И да поможет Вам в этом великом деле Господь Бог Всемогущий!»¹⁸⁸

Одновременно от имени казаков-выборщиков обратился к съезду и С. А. Холмский, видимо, все еще надеявшийся на создание правой думской казачьей группы, сжатую программу которой он и изложил в своем «открытом письме»: «Итак, вот краевые казачьи вопросы, которые надлежало бы поставить к разрешению нашим будущим членам Государственной Думы: 1-е) поднятие экономического быта казачества, 2) упорядочение денежных дел Войска, т. е. того же Донского казачества, 3-е) урегулирование земельного вопроса и в 4-х) введение хозяйственного самоуправления на самых широких началах»¹⁸⁹. В будущей Думе С. А. Холмский хотел видеть «безукоризненно честных, умных, житейски-опытных людей, идущих на столь тяжелую ответственную службу Царю и народу русскому во имя высокой идеи благоустройства, государственного управления на благо населения обширной разноплеменной России»¹⁹⁰.

Однако надеждам обеих националистических групп не суждено было сбыться. Несмотря на то, что оппозиция значительно ослабела вследствие отмены результатов некоторых выборов, ее общий перевес

¹⁸⁶ Гриф. Проект соединения монархических организаций в городе Новочеркасске // Там же. 6 октября 1912. № 6.

¹⁸⁷ Там же. 16 октября 1912. № 13.

¹⁸⁸ Там же. 23 октября 1912. № 16.

¹⁸⁹ Открытое письмо группы казаков-выборщиков выборщикам в Государственную Думу от Донской области // Голос казачества. 24 октября 1912. 2-е приложение к № 48.

¹⁹⁰ Там же.

над «черно-лиловым блоком» сохранился. По данным «Приазовского края», из 126 выборщиков, прибывших в Новочеркасск, правых было 44, националистов 4, октябристов 4, прогрессистов 36, представителей партии народной свободы 16, беспартийных левых 4, социал-демократов 4 и беспартийных 9¹⁹¹. Иные данные публикует «Донской край»: 45 правых, 3 националиста, 16 октябристов, 11 беспартийных, 27 прогрессистов, 13 кадет и 19 левых, всего — 134 человека¹⁹². Такие колебания объясняются постоянно менявшимися данными по отмене и(или) утверждению некоторых результатов выборов первого этапа, в результате чего некоторые уже приехавшие в Новочеркасск народные избранники оказывались не у дел. Что касается разночтений в численности партийных групп, то это явление было обусловлено размытостью границ между кадетами, прогрессистами, левыми октябристами, так что одни и те же лица в разных источниках причислялись то к одной, то к другой, то к третьей партии. В любом случае, объединенные силы оппозиции, включавшей, кроме того, левых и беспартийных, значительно превосходили коалицию правых, националистов и правых октябристов, между которыми к тому же на всем протяжении выборной кампании не было сплоченности и происходили многочисленные конфликты.

Как следствие, «черно-лиловые» потерпели полное поражение. Прежде чем выставлять свою кандидатуру, выборщикам следовало подкрепить свои притязания сбором записок среди присутствующих. Лучшие других это удалось А. П. Леонову, получившему 35 таких записок. М. И. Кирьянов набрал 22, Г. Н. Биркин — 8, а И. С. Кошкин и В. К. Севастьянов — по 7 записок. Увидев такие плачевные результаты, они вовсе отказались от баллотировки¹⁹³. Победа оппозиции была безоговорочной. Все двенадцать депутатов Государственной думы 4-го созыва от Донской области были выбраны из ее среды: кадеты/прогрессисты М. С. Аджемов, М. С. Воронков, В. А. Харламов, А. А. Назаров и А. П. Саватеев, октябристы Е. Д. Логвинов, В. Ф. Черячукин, октябрист/прогрессист И. И. Циммер, прогрессист/мирнообновленец И. Н. Ефремов, беспартийный прогрессист Ю. М. Лебедев, левый И. Н. Туляков и крайне левый А. Г. Афанасьев¹⁹⁴.

¹⁹¹ Приазовский край. 22 октября 1912. № 278.

¹⁹² Донской край. 24 октября 1912. № 17. Там же дается и разделение выборщиков по социальному и этническому критериям: от казачьих станиц 18, от крестьянских волостей 11, землевладельцев 77, в том числе 2 священника и 2 баптиста, от городских избирателей 25 и от рабочих 3; лиц казачьего сословия 68, невойскового сословия русских 57, немцев 11, армян 3, евреев 2 и один латыш.

¹⁹³ Южный телеграф. 27 октября 1912. № 3469.

¹⁹⁴ Оппозиция торжествует // Донские областные ведомости. 27 октября 1912. № 228; Члены 4-й Государственной Думы // Окраины России. 3 ноября 1912. № 44.

Хотя эта неудача ясно указывала на провал думской кампании националистов и вообще правых Донской области, некоторые из них еще надеялись повернуть ход событий в нужное для себя русло. А. П. Леонов совместно с еще одним выборщиком И. А. Родионовым написали жалобу «на неправильность выборов в члены Думы по Области войска Донского»¹⁹⁵, в которой указывали на ряд допущенных, по их мнению, нарушений со стороны председательствовавшего на собрании выборщиков, исполняющего обязанности областного предводителя дворянства генерала Павлова. Так, если верить жалобе, были нарушены статьи Положения о выборах в Государственную думу № 120 (в помещении, где проходили выборы, «были допущены посторонние лица: женщина и двое мужчин, приносивших <...> различного рода припасы»¹⁹⁶), № 129 (превышено число счетчиков голосов), № 119 (не сделаны необходимые перерывы в работе, в результате чего «некоторые выборщики были крайне утомлены», притом что в помещении было трудно дышать, «ибо зал был буквально наполнен табачным дымом»¹⁹⁷), № 130 (допущены рассуждения, не относящиеся к производству выборов, — таковыми А. П. Леонов и И. А. Родионов посчитали возмутившее всю правую часть собрания выборщиков заявление председателя о том, что обнаружившийся при баллотировке А. А. Назарова «лишний» шар был похищен на сентябрьских выборах в Государственный совет и теперь специально подброшен с целью сорвать выборный процесс¹⁹⁸), № 122 (нарушен порядок голосования, в результате чего некоторые из выборщиков могли «по ошибке положить два шара одному и тому же баллотирующемуся лицу»¹⁹⁹). Далее жалобщики заявляли: «Все эти нарушения и привели к тому, что почти все левые элементы и прошли в Государственную Думу»²⁰⁰, почему результаты выборов должны быть отменены и назначены новые выборы.

Вместе с тем для пересмотра итогов прошедших выборов был задействован и «административный ресурс». 9 ноября 1912 г. председателю Государственной думы пришло письмо от временно исполнявшего должность войскового наказного атамана Войска Донского А. А. Смагина, в котором тот сообщал, что после первого этапа выборов им была образована комиссия, которая обнаружила завышение имущественного ценза у ряда выборщиков Усть-Медведицкой станции, в результате чего итоги выборов по станции были отменены. Далее А. А. Смагин писал: «В настоящее время ввиду имеющихся у меня

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 20. Л. 30.

¹⁹⁶ Там же. Л. 30 об.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же. Л. 30 об.—31.

¹⁹⁹ Там же. Л. 32 об.

²⁰⁰ Там же. Л. 33.

ДОНСКИЕ ВЕДОМОСТИ

ОБЛАСТНЫЕ

74072 КОМПЬЮТЕРЫ

Выходят дважды в неделю, кроме дней восприимчивости.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНА

В год по 1 рублю 50 копеек, в квартал по 37 копеек, в месяц по 12 копеек, в день по 4 копейки.

Подписка принимается на все сроки, начиная с 1-го января.

Владельцы: **И. И. Мухоморов**, редактор: **В. В. Мухоморов**.

Адрес: **Донецк, ул. Пушкина, № 10.**

Объявления принимаются в редакцию по адресу: **Донецк, ул. Пушкина, № 10.**

За доставку экземпляров по почте — 1 рубль в год, в том числе 10 копеек за доставку посылки.

Копия газеты отсылается бесплатно, кроме почтовых расходов, по 10 копеек в год, по 3 копейки в день.

За печать объявлений редакцией взимается по 10 копеек в день.

Зимний Театр.

Временный Новинно-Бюджетного Театра

Въ Кисловодске, 28-го октября.

Группа драматических артистов

ПСИЩА

Вопрос

Постановка: **В. В. Мухоморов**.

Владельцы: **И. И. Мухоморов**, редактор: **В. В. Мухоморов**.

Адрес: **Донецк, ул. Пушкина, № 10.**

Продажа Антрацита

Вушицкий Грушевичих Рудниковъ

В. К. ПЕРИДИ

продать по самой дешевой цене

Вушицкий Грушевичих Рудниковъ

Вушицкий Грушевичих Рудниковъ

Вушицкий Грушевичих Рудниковъ

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

Области войска Донского.

на 1912 годъ.

В издательстве издательского товарищества «Донские ведомости» в 1912 году.

Выходила по 10 копеек в месяц.

Всего 10 копеек.

Всего 10 копеек.

Содержание № 278.

О деле въ Высочайшемъ присутствіи.—Самозванъ Роден въ Митаве.

Вопросъ въ Горахъ Дзугъ.—Давно ли.—Наша.—9 избирательныхъ округовъ.—С. Исаева.—Въ очередь.

Артисты Кисловодска.

Вопросъ въ Горахъ Дзугъ.—Давно ли.—Наша.—9 избирательныхъ округовъ.—С. Исаева.—Въ очередь.

Телеграммы

«Донецкія Вѣдомости»

Самозванъ Роден въ Митаве.

Вопросъ въ Горахъ Дзугъ.—Давно ли.—Наша.—9 избирательныхъ округовъ.—С. Исаева.—Въ очередь.

Делегаты и уполномоченные депутаты отъ Двухъ Дзугъ.

Вопросъ въ Горахъ Дзугъ.—Давно ли.—Наша.—9 избирательныхъ округовъ.—С. Исаева.—Въ очередь.

Самозванъ Роден въ Митаве.

Вопросъ въ Горахъ Дзугъ.—Давно ли.—Наша.—9 избирательныхъ округовъ.—С. Исаева.—Въ очередь.

Въ коммунальномъ округѣ

Вопросъ въ Горахъ Дзугъ.—Давно ли.—Наша.—9 избирательныхъ округовъ.—С. Исаева.—Въ очередь.

данных о том, что подобного рода злоупотребления практиковались и в других округах, мною образованы комиссии для проверки имущественного ценза домовладельцев окружных станиц в Донецком, Первом и Втором Донском округах»²⁰¹.

24 ноября 1912 г. в связи с поступлением жалобы от А. П. Леонова и И. А. Родионова, а также заявлением А. А. Смагина на заседании VIII отдела Государственной думы было принято решение об образовании комиссии для рассмотрения итогов выборов по ОвД²⁰². Однако временный донской атаман не унимался и телеграммой от 28 ноября просил «задержать рассмотрение полномочий членов Думы от Донской области»²⁰³. Вскоре в очередном письме на имя председателя Государственной думы он сообщил, что по результатам проверки выяснились факты завышения имущественного ценза многих домовладельцев в Первом Донском округе, в результате чего они незаконно участвовали в выборах²⁰⁴. Более того, А. А. Смагин отдал распоряжение «о привлечении к уголовной ответственности станичного атамана Константиновской станицы (ныне члена Государственной Думы) Еврафа Дмитриевича Логвинова <...> за выдачу удостоверений с заведомо неправильными сведениями»²⁰⁵. Наконец, телеграммой от 1 декабря А. А. Смагин сообщал, что член Государственной думы М. С. Воронков «исключен областной комиссией из числа выборщиков»²⁰⁶.

8 декабря 1912 г. на заседании 3-й комиссии VIII отдела Государственной думы было решено, что «все указания жалобщиков на процессуальные неправильности в областном избирательном собрании являются несущественными и что выборы членов Государственной Думы от Области войска Донского должны быть признаны произведенными правильно и подлежащими утверждению»²⁰⁷. Таким образом, жалоба А. П. Леонова и И. А. Родионова была отклонена. Вместе с тем в заключении комиссия признала, что «в случае, если подтвердятся сообщенные войсковым наказным атаманом области войска Донского сведения о злоупотреблениях, происшедших при составлении списков лиц, участвующих в выборах I-й инстанции, то виновные в злоупотреблениях будут привлечены к законной ответственности»²⁰⁸. Но уже 12 декабря Первая Донская окружная комиссия по делам о выборах в Государственную думу признала, «что выборы по съезду зем-

²⁰¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 8. Д. 20. Л. 38 об.

²⁰² Там же. Л. 40–41.

²⁰³ Там же. Л. 43.

²⁰⁴ Там же. Л. 57.

²⁰⁵ Там же. Л. 58.

²⁰⁶ Там же. Л. 59.

²⁰⁷ Там же. Л. 68 об.

²⁰⁸ Там же. Л. 70 об.

владельцев Первого Донского округа отмене не подлежат»²⁰⁹. 19 декабря аналогичное решение приняла Донецкая окружная комиссия²¹⁰.

9 февраля 1913 г. на заседании VIII отдела Государственной думы жалоба А. П. Леонова и И. А. Родионова вновь была признана необоснованной. «Что касается указания наказного атамана на обнаруженные им неправильности в оценке цензов у некоторых выборщиков, то отдел признал, что лица, участвовавшие в областном избирательном собрании, признавались во время выборов обладавшими правильными цензами и, потому, правильно участвовавшими в таковых»²¹¹. Выборы М. С. Воронкова и Е. Д. Логвинова, равно как и других членов Государственной думы от ОвД, были признаны произведенными правильно²¹².

Наконец 29 апреля 1913 г., спустя полгода после выборов, в этом затянувшемся бюрократическом деле была поставлена точка. На очередном 38-м заседании 1-й сессии IV Государственной думы постановили: «выборы членов Государственной Думы от области войска Донского признать произведенными правильно»²¹³. А за месяц до этого, 22 марта, в Константиновское станичное правление поступило письмо с просьбой уведомить Е. Д. Логвинова о прекращении следствия против него «за отсутствием состава преступления»²¹⁴.

Следует отметить, что бюрократическая возня, затеянная А. П. Леоновым, И. А. Родионовым и А. А. Смагиным, оставалась их личной борьбой, так как всему остальному «правому Дону» был ясен полный провал на октябрьских выборах. Поражение тяжело сказалось на новочеркасских националистах из обоих лагерей. Сразу после того, как стали известны результаты голосования 25 октября, прекратил свое существование орган ДСН «Донской край», временно был приостановлен выпуск «Голоса казачества»²¹⁵. Из всей правой печати Новочеркаска только «Донские ведомости», оставаясь на государственном содержании, продолжали свою работу. Авторы этой газеты, хотя и признавали, что «фактически победа осталась за кадетами», в то же время оставляли за собой право на «победу моральную»: «Ведь русский избиратель в массе своей далеко не космополит. Здоровое национальное чувство у него, безусловно, есть». Говоря о том, почему это обстоятельство не отразилось на итогах выборов, Н. Борисов обвинял во всех бедах левую печать, устроившую, по его мнению, травлю ДСН²¹⁶.

²⁰⁹ Там же. Л. 119 об.

²¹⁰ Там же. Л. 121.

²¹¹ Там же. Л. 73–73 об.

²¹² Там же. Л. 73 об.

²¹³ Там же. Л. 79 об.

²¹⁴ Там же. Л. 115.

²¹⁵ Первый номер второго года издания появился только 27 января 1913 г.

²¹⁶ Борисов Н. Заметки // Донские областные ведомости. 28 октября 1912. № 229.

Давний товарищ Х. И. Попова Ф. К. Траилин, утешая своего друга в связи с неудачей на выборах, объяснял их итоги «растлением новых поколений». «Что же остается нам? — Произнести: “прости им. Не знают, что творят”»²¹⁷. — сокрушался он в своем письме.

В образованную с началом работы Думы нового созыва казачью группу вошли 14 человек: 9 кадетов, 3 прогрессиста, 1 беспартийный и 1 «монархист-демократ»²¹⁸. Такой состав оставлял программу думской казачьей группы, разработанную С. А. Холмским, совершенно не востребованной. Сам он, уже спустя полгода после выборов, рассуждая о неудаче националистов, приводил разнообразные ее причины и, помимо кадетских «происков», указывал в качестве таковых невысокий культурный уровень казачества и взаимно ослабляющую борьбу друг с другом правых партий, и без того ограниченных как в финансовом, так и в кадровом плане: «Во-первых, почти полное неумение казаков выборщиков разбираться в политических партиях, во-вторых, крайне стесненное экономическое положение казачества и природное добродушие казаков, в простоте души верящих широким обещаниям ловких и беззастенчивых кадет и, в-третьих, в главных, неорганизованность правых партий, отсутствие инициативы и материальной поддержки, а также малое понимание ими нужд казака»²¹⁹.

Нельзя не признать разумности приведенных С. А. Холмским доводов, особенно в той части, что касается «неорганизованности партий». Помимо постоянных газетных дразг, которые, безусловно, серьезно подрывали еще не устоявшийся авторитет националистов, в провале их думской кампании значительную роль сыграло то обстоятельство, что организационное оформление ДСН завершилось менее чем за месяц до начала выборов. Кроме того, хотя в их руках находился донской официоз, в общем националисты обладали незначительными информационными ресурсами, а главное, и в этом вопросе действовали с запозданием. «Донской край» начал выходить всего за несколько дней до голосования по Новочеркасску и Черкасскому округу, так что националистическая агитация попросту не успевала мобилизовать сколько-нибудь значительного числа сторонников. Нельзя признать успешным и решение по предложенному избирателям списку выборщиков от ДСН/ДЕК, в котором оказалось слишком много слабых, то есть не известных широкой публике фигур, не способных привлечь на свою сторону обладающее правом голоса население.

Существовали и более фундаментальные причины поражения националистов. Социальная база национализма на Дону оказалась

²¹⁷ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1029 (Письма к Х. И. Попову за 1913 г.). Л. 8.

²¹⁸ Приазовский край. 20 ноября 1912. № 306.

²¹⁹ Обзор печати // Вестник казачества. 19 мая 1913. № 1.

слишком узкой для того, чтобы ВНС или «группа Холмского» могли провести своих кандидатов в Государственную думу. В историографии утвердилось мнение, что главной опорой националистов было крупное поместное дворянство западных и юго-западных губерний Российской империи, перешедшее к интенсивным формам ведения хозяйства²²⁰. Однако позиции этого слоя российского общества в ОвД были относительно слабы, но, главное, С. А. Холмский и ДСН апеллировали в первую очередь к рядовому казачеству, а в отношениях со значительной частью донского дворянства у местных националистов имелись серьезные противоречия. Идеология национализма не пользовалась сколько-нибудь серьезной поддержкой рядового казачества, так же как крестьянства и других групп, стоявших на нижних ступенях социальной иерархии российского общества начала XX в. Таким образом, ставка на донцов-общинников в предвыборной кампании, судя по всему, изначально обрекала ее на неудачу. Наконец, еще одной причиной поражения донских националистов можно назвать отсутствие значительного числа «инородческого» населения в Новочеркасске, в отличие от Таганрога и Ростова, где существование крупных армянских и еврейских общин порождало этническое противостояние и ксенофобские настроения, что обеспечивало электоральную поддержку местным правым организациям.

Отсутствие симпатий к националистам среди новочеркасских избирателей еще раз подтвердилось на выборах в учреждаемую согласно новому городовому положению городскую думу, которые проходили 14–21 декабря 1912 г. Из 60 мест более двух третей досталось оппозиции, а все выставлявшиеся на думских выборах кандидатуры от блока ДСН/ДЕК вновь оказались «забаллотированы»²²¹. ДСН, организация которого изначально была рассчитана на участие в выборах и формирование собственного представительства в Государственной или хотя бы в городской думе, не смог оправиться от этих неудач и, провалив политическую составляющую проекта донских националистов, прекратил свое существование.

Все вышесказанное в полной мере справедливо и для «группы Холмского», хотя волею судеб ее лидеру еще представилась возможность взять своеобразный реванш. 11 января 1913 г. новый войсковой наказной атаман Войска Донского В. И. Покотило «за распространение ложных сведений» уволил с арестом на 7 суток редактора «Донских

²²⁰ См.: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия...; Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России...; Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX вв. М., 1995.

²²¹ Приазовский край. 19 декабря 1912. № 333.

областных ведомостей» Г. П. Янова²²². Освободившееся место, вероятно, также не без указания со стороны новых властей, занял С. А. Холмский, по-прежнему остававшийся редактором-издателем «Голоса казачества». Вскоре объявление о подписке на «Голос казачества» появилось на страницах донского официоза, что еще за несколько месяцев до того казалось немыслимым. Правда, превращения «Донских ведомостей» в оплот казачьего национализма все же не произошло, так как новому редактору, видимо, приходилось считаться с государственным заказом. В то же время дела у «Голоса казачества» шли неважно. Несмотря на то, что В. И. Покотило приказал рекомендовать журнал к выписке в станичные и хуторские правления ОвД²²³, его финансовое состояние оставляло желать лучшего и к маю 1913 г. издание «Голоса казачества» прекратилось. Вместо него подписчикам стали рассылать более дешевый «Вестник казачества», сохранивший идеологическую направленность своего предшественника, а также и редактора-издателя в лице С. А. Холмского. Последняя попытка возродить «Голос казачества» была предпринята в конце 1913 г., однако после выхода восьми номеров к февралю следующего года журнал окончательно закрылся. С началом 1914 г. прекратилось и самостоятельное существование неофициальной части «Донских областных ведомостей». Через полгода началась Первая мировая война, С. А. Холмский был мобилизован и вскоре принял участие в боях в Восточной Пруссии²²⁴.

Таким образом, оба националистических проекта, так и не реализовавшиеся в своей политической системообразующей части, фактически рассыпались, а умеренно правое движение в последний предвоенный год находилось в состоянии полного упадка. Уже в 1916 г. один из бывших участников националистического движения М. Б. Краснянский в докладной записке атаману Войска Донского описывал удручающую картину деградации правой печати на территории ОвД: «В Донской области нет казачьей печати, а если есть русская печать, то она содержится на средства евреев (Приаз[овский] Край) или иногородних (Ростовская Речь, Южный Телеграф и Ростовский Листок)»²²⁵; «на Дону, правда, есть официальная газета "Дон[ские] Обл[астные] Вед[омости]", но она умирает от худосочия»²²⁶.

²²² Донские областные ведомости. 12 января 1913. № 10.

²²³ Там же. 7 марта 1913. № 53.

²²⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35869.

²²⁵ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3523 (Докладная записка Наказному атаману, затрагивающая вопросы историко-археологического исследования Дона, печати и др.). Л. 2.

²²⁶ Там же. Л. 2 об.

глава II. идеология казачьих и донских националистов

Влияние атаманства Ф. Ф. Таубе на
формирование националистической
идеологии на Дону²²⁷

Дореволюционный русский национализм как политическое движение своим становлением во многом был обязан П. А. Столыпину. Националисты, в свою очередь, оказывали премьер-министру сильную помощь в Государственной думе. Более того, столыпинская программа реформ в основных своих чертах стала частью идеологии, пропагандируемой ВНС. Сам же Столыпин имел у националистов непререкаемый авторитет, который после трагической гибели премьер-министра приобрел почти сакральный характер. Образно говоря, П. А. Столыпин стал «иконой» дореволюционного русского национализма.

²²⁷ См. Корниченко Б.С. Донской атаман Ф. Ф. Таубе: превращение имперского чиновника в икону казачьего национализма // Ab Imperio. 2009. № 1. С. 227–257.

Нечто подобное, но в меньших масштабах, можно было наблюдать и в ОВД, где в этот период особой популярностью среди правых пользовался войсковой наказной атаман Ф. Ф. Таубе. Личность Таубе, его заявления и деятельность имели большой вес в пропагандистских текстах местной периодики правого толка, а неожиданная смерть атамана, как и в случае со Столыпиным, придала его почитанию оттенок сакральности, сделав его идеализированный образ «иконой» для местных националистов. Каким же образом Ф. Ф. Таубе, происходивший из прибалтийских немцев²²⁸ и к тому же правивший менее двух лет, сумел завоевать симпатии консервативно настроенной части местного населения, в том числе сторонников зарождавшегося на Дону националистического движения?

***

Барон Федор Федорович фон Таубе происходил из древнего вестфальского дворянского рода, одна из ветвей которого в XIV в. переселилась в Прибалтику. На момент назначения войсковым наказным атаманом Войска Донского ему был 51 год (родился 15 июня 1857 г.), и к этому времени он успел сделать вполне успешную военную карьеру, дослужившись до генерал-лейтенанта. Впрочем, в военных действиях он участвовал только в пору своей молодости, когда, едва окончив Павловское военное училище, был направлен в действующую армию и стал участником русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В одном из первых же боев в июле 1877 г. Ф. Ф. Таубе был ранен пулей в плечо и контужен в грудь осколком гранаты и в дальнейших военных действиях участия не принимал²²⁹. Вместе с тем, судя по всему, Ф. Ф. Таубе не видел себя вне военной службы, о чем свидетельствует характерный эпизод из его жизни. В апреле 1885 г. он по состоянию здоровья был вынужден подать в отставку — вероятно, ранения, полученные в 1877 г., давали о себе знать. Однако всего через месяц Ф. Ф. Таубе восстановился на службе и уже в декабре командовал ротой 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка²³⁰. Трудно судить о мотивах его возвращения, но можно предположить, что, не имея привычки к гражданской жизни, Ф. Ф. Таубе предпочел вернуться к более знакомой ему жизни военного. Крайне редко и всегда на непродолжительное время Ф. Ф. Таубе вступал в непосредственное командование воинскими частями. После того как в 1884 г. он окончил по 1-му раз-

²²⁸ Ф. Ф. Таубе был всего лишь вторым в истории Войска Донского этническим немцем, занимавшим должность войскового атамана. Первым был П. Х. Граббе в 1862–1866 гг. Третьим в 1916–1917 гг. стал его внук, М. Н. Граббе.

²²⁹ И атаман, и губернатор // *Вечерний Оренбург*. 16 апреля 1998. № 16.

²³⁰ *Семенов В.Г., Семенова В.П.* Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 306.

ряду Николаевскую академию Генштаба²³¹, чаще его назначали на различные штабные должности. Совершенно особый этап жизни Ф. Ф. Таубе пришелся на 1889–1898 гг., когда он занимал должность военного агента в Бухаресте и Белграде и периодически сопровождал коронованных особ (египетские принцы Аббас-бей и Махмед-Али-бей, сербский король Александр I Обренович, король Румынии Карл I) во время их пребывания в России²³². Ф. Ф. Таубе был удостоен множества турецких, сербских, черногорских, греческих, румынских и французских медалей и орденов. Кроме того, он получил ряд российских наград²³³. Безусловно, Ф. Ф. Таубе нельзя причислить к «боевым офицерам». Судя по фактам биографии, правильнее было бы отнести его к «штабистам». Вероятно, административно-дипломатическая работа ему импонировала больше, чем прямое руководство воинским соединением. Относительно частая смена места службы, опыт работы за рубежом, как представляется, выработали у Таубе способность быстро осваиваться в новых условиях, что он и продемонстрировал находясь на посту донского атамана. С другой стороны, к моменту назначения на этот пост Ф. Ф. Таубе уже имел опыт управления казачьим войском. В 1903 г. в звании генерал-майора он был назначен начальником войскового штаба оренбургского казачьего войска, а в апреле 1906 г. стал Оренбургским губернатором и наказным атаманом оренбургского казачьего войска²³⁴. Впрочем, уже через полгода Ф. Ф. Таубе был отозван в столицу, где возглавил Корпус жандармов. Это назначение стало возможным во многом благодаря умелым и решительным действиям Ф. Ф. Таубе по предотвращению крупных беспорядков в Оренбуржье²³⁵.

В феврале 1909 г. должность командира Корпуса жандармов была объединена с должностью товарища министра внутренних дел (на тот момент им являлся П. Г. Курлов). В связи с этим возникла необходимость устроить новое назначение барону Ф. Ф. Таубе. П. А. Столыпин пытался договориться с военным министром В. А. Сухомлиновым, сначала через Курлова, а затем лично, о предоставлении Ф. Ф. Таубе

²³¹ Донские областные ведомости. 24 февраля. 1911. № 43.

²³² И атаман, и губернатор...

²³³ Ф. Ф. Таубе был полным кавалером ордена Св. Станислава, награжден орденами Св. Анны III и II степеней и Св. Владимира IV и III степеней.

²³⁴ И атаман, и губернатор...

²³⁵ Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. С. 311–312. В частности, были увеличены гарнизоны Оренбурга, Челябинска и Верхнеуральска, усилена охрана в цехах Главных мастерских ташкентской дороги, проведены многочисленные аресты среди участников забастовок; революционное шествие по улицам Оренбурга 19 октября 1906 г. за счет умелого воздействия на него было прервано в кратный ход.

соответствующей должности по военному ведомству. Сухомлинов, однако, считал, что «так как барон фон Таубе оставил военное министерство и перешел в администрацию с должности командира полка, <...> ему могла быть предоставлена в крайнем случае только бригада, что далеко не соответствовало бы занимаемому им посту»²³⁶. Решение пришло после того, как стало известно о новом назначении бывшего на тот момент донским атаманом А. В. Самсонова²³⁷: «военный министр испросил высочайшее повеление на замену ушедшего атамана генералом бароном фон Таубе»²³⁸.

17 марта 1909 г. Ф. Ф. Таубе был назначен войсковым наказным атаманом Войска Донского. 3 апреля он был представлен Николаю II²³⁹ и только 26 мая прибыл в пределы Донской области²⁴⁰. В это время единственным донским периодическим изданием правого толка были официозные «Донские областные ведомости», которые до приезда Ф. Ф. Таубе ограничивались лишь скупой официальной информацией о его перемещениях, избегая как-либо комментировать назначение нового атамана. С прибытием Ф. Ф. Таубе ситуация практически не менялась еще несколько месяцев. Исключением стали подробные отчеты о приеме, который устроил атаман для местной военной и гражданской администрации 27 и 28 мая, а также о его встрече с новочеркасским духовенством 30 мая. Особое внимание печати привлекали произносимые им речи.

Несмотря на официальный характер этих речей, предназначением которых было налаживание контакта с новыми подчиненными и выражение преданности существующему строю²⁴¹, из их содержания можно сделать некоторые выводы о том, как Ф. Ф. Таубе смотрел на свое назначение, как он воспринимал донское казачество и как оценивал социально-экономическую ситуацию на Дону. Комментируя свое появление на посту главы Войска Донского, Таубе заявил: «Я счастлив, что доверием Государя императора поставлен во главе старейшего и доблестнейшего казачьего войска <...> главнейшие мои заботы будут направлены к поддержанию всегдашней военной мощи Донского

²³⁶ Курлов П.Г. Гибель императорской России: Воспоминания. М., 2002. С. 139.

²³⁷ А.В. Самсонов был назначен туркестанским генерал-губернатором и войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска. В 1914 г., командуя 2-й армией, трагически погиб в ходе Восточно-Прусской операции.

²³⁸ Курлов П.Г. Гибель императорской России... С. 140.

²³⁹ Донские областные ведомости. 5 апреля 1909. № 69.

²⁴⁰ Там же. 27 мая 1909. № 106. До приезда Ф. Ф. Таубе должность атамана по-прежнему исполнял А.В. Самсонов.

²⁴¹ Так, выступая перед новочеркасским духовенством, Ф. Ф. Таубе не преминул выразить приверженность традиционному лозунгу «За Веру, Царя и Отечество». См.: Донские областные ведомости. 31 мая 1909. № 110.

войска и к его дальнейшему культурному и современному развитию»²⁴². Сложно судить, насколько его пиетет по отношению к донскому казачеству был искренен, но, по крайней мере, вполне вероятно, что назначение на пост атамана «старейшего» казачьего войска он мог рассматривать как важную государственную миссию. Обращает также на себя внимание традиционалистское восприятие атаманом казачества как источника «военной мощи» вопреки модернистским установкам на статусное сближение казаков с остальным населением. Наконец, нельзя оставить без внимания реверансы Ф. Ф. Таубе в сторону «культурного и современного развития», видимо, как дань либеральной риторике «в духе времени». Интересно, что, вступая в должность оренбургского губернатора весной 1906 г., когда в стране еще продолжалась Первая русская революция 1905–1907 гг., Ф. Ф. Таубе также ориентировался на текущую политическую конъюнктуру, называя своей «существенной задачей» «ограждение свободы личности и свободы труда»²⁴³. Иначе говоря (хотя, конечно, с большой долей условности), Ф. Ф. Таубе можно охарактеризовать как умеренного консерватора, воспринимавшего казачество прежде всего как военный институт, о содержании которого в надлежащем состоянии ему доверено заботиться. Эта позиция, вероятно, была подкреплена и соответствующими рекомендациями со стороны Военного министерства.

Оценивая в своей речи ситуацию на Дону, Ф. Ф. Таубе сравнил ее с болезнью и высказался за «внимательный и любовный уход», но не исключил «возможности прибегнуть и к хирургической операции»²⁴⁴. Опасения атамана были небезосновательны: как уже говорилось, в начале XX в. донское казачество переживало тяжелый кризис. К 1909 г. на повестке дня остро стояли два вопроса: аграрный и о введении на Дону института земства. Но от выдвижения конкретной программы действий Ф. Ф. Таубе отказывался до тех пор, пока детально не ознакомится с положением во вверенной ему области. Примечательно, что, принимая депутатов от местных гражданских и военных учреждений Оренбургской губернии в 1906 г., Ф. Ф. Таубе также отказывался высказать свою политическую программу, обосновывая это следующим образом: «я второстепенное колесо государственной машины и творю лишь волю пославшего меня»²⁴⁵. Метафора «машина» также была использована Таубе в речи перед донской администрацией, когда он давал характеристику собственным профессиональным навыкам: «Моя привычка работать <...> как бы в роде точно

²⁴² Там же. 28 мая 1909. № 107.

²⁴³ Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. С. 309.

²⁴⁴ Донские областные ведомости. 29 мая 1909. № 108.

²⁴⁵ Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. С. 309.

действующей штамповальной машины. Такая машина, между прочим, обладает и таким свойством, что в нее неосторожно пальца класть не следует — может прищемить и при том очень больно»²⁴⁶. Это отождествление себя с машиной, которая в то же время лишь колесо в другой — государственной машине, дает ключ к пониманию личности самого Ф. Ф. Таубе. По крайней мере, кажется допустимым утверждать, что главным объектом лояльности для него был именно имперский государственный аппарат.

Вскоре после первых торжественных приемов, ознаменовавших его приезд, Ф. Ф. Таубе отправился объезжать территорию Войска Донского, с тем чтобы ознакомиться с ситуацией на местах, и вернулся только к осени. На протяжении этого времени местная пресса по-прежнему не выказывала какого-либо интереса к личности атамана, ограничиваясь сообщениями о его перемещениях по области. Вероятно, местная общественность еще не выработала более или менее четкого мнения об этом новом на Дону человеке. Показателен в этом смысле эпизод, имевший место в ходе кавалерского праздника ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 26 ноября 1909 г. Обращаясь с речью к Ф. Ф. Таубе, хорунжий Пузанов предложил здравницу за него, «как боевого офицера, в свое время честно и смело ставившего себя под вражеские выстрелы за славу и достоинство России», после чего продолжал: «Рана руки вашего превосходительства и контузия груди красноречиво свидетельствуют нам о вашем героизме. Присутствующие пред вами были в объятиях смерти и потому умеют ценить того, кто честно жертвовал своею жизнью на поле брани»²⁴⁷. Трудно сказать, действительно ли за четыре месяца Таубе полюбился казакам настолько, что они готовы были принять его за своего, или хорунжий, за неимением других поводов, вспомнил о давних ранах атамана, только чтобы найти хоть что-то общее между ним и донцами. Однако очень скоро Таубе заставил о себе говорить: одних — в самых восторженных тонах, других — с нескрываемым раздражением.

Освоившись на новом месте, Ф. Ф. Таубе деятельно принялся за решение самого неотложного на тот момент вопроса — земельного. Предварительно ознакомившись с имеющимися предложениями по этому вопросу и, вероятно, наметив некоторые решения, он вынес его на обсуждение на специально созванном по этому поводу «Собрании представителей от всех станичных обществ Войска Донского для участия их в совещании по выработке общего плана использования свободных земель для нужд казаков малоземельных станиц»²⁴⁸, получив-

²⁴⁶ Донские областные ведомости. 28 мая 1909. № 107.

²⁴⁷ Там же. 27 ноября 1909. № 245.

²⁴⁸ Там же. 9 декабря 1909. № 255.

шего в дальнейшем краткое наименование «Войсковое совещательное собрание». Положение Военного совета по собранию для решения земельного вопроса было «Высочайше утверждено» еще 2 марта 1907 г., но почти три года оставалось не реализованным. Только с приходом Ф. Ф. Таубе на пост донского атамана документ «ожил», и уже летом 1909 г. предложения об использовании запасных войсковых земель для нужд казаков Войска Донского, разработанные в недрах атаманской канцелярии, стали рассылаться для ознакомления станичным обществам. В них рассматривалось два возможных решения вопроса: прирезка свободных земель к уже существующим юртам либо образование новых станиц, причем аргументировалась предпочтительность второго варианта²⁴⁹. В состав Войскового собрания вошли 180 человек, избравшихся по одному от станичного общества с населением менее 10 тысяч человек и по двое от обществ с большим населением. Среди выборных-станичников преобладали станичные атаманы. Кроме того, к участию в совещании были привлечены все окружные атаманы, советники областного правления и начальники отдельных управлений²⁵⁰. В роли председателя должен был выступить сам Ф. Ф. Таубе. Фактически решением земельного вопроса в ходе Войскового совещания должна была заниматься вся, как центральная, так и местная, администрация Донской области, за исключением представителей от донского крестьянства и иногородних.

Подобного рода собрание не было обычным элементом управления Войска Донского для начала XX в. Скорее, оно напоминало собой частичное возрождение традиций казачьего круга и многими из среды донских консерваторов именно так и воспринималось. Созывая Войсковое собрание, Ф. Ф. Таубе, как представляется, мог преследовать несколько целей. Принятые собранием решения, благодаря его неофициальному статусу казачьего круга, освящались таким образом донской традицией и становились выбором всего казачества. Как следствие, Ф. Ф. Таубе приобретал славу восстановителя донской старины, в то же время слагая с себя часть ответственности за выработанные постановления. Формат самого Войскового собрания фактически не допускал возможности формирования в его недрах оппозиции атаману и лоббируемым им решениям. Таким образом, опираясь на поддержку местной бюрократии, мнение представителей которой подавалось как мнение всего донского казачества, Ф. Ф. Таубе надеялся разрешить наболевший земельный вопрос именно так, как считал нужным. Впрочем, мнение самого Ф. Ф. Таубе, вероятнее всего, сформировалось под влиянием консервативной части донской админи-

²⁴⁹ Донские областные ведомости. 24 июля 1909. № 153.

²⁵⁰ Приазовский край. 10 декабря 1909. № 325.

страции. Высказать предположение о действительном авторстве проекта разрешения земельного вопроса дает основание признательность, которую на банкете по случаю окончания работы собрания Ф. Ф. Таубе выразил помощнику по гражданской части А. М. Грекову, младшему помощнику И. М. Добрынину, советнику областного правления И. Т. Семенову и начальнику межевого отделения А. Г. Грачеву²⁵¹. Вероятно, эти люди и составляли «команду» Ф. Ф. Таубе.

Войсковое совещательное собрание начало свою работу 8-го, а закончило уже 20 декабря 1909 г. В своей речи, открывавшей собрание, Ф. Ф. Таубе, упомянув ранее предлагавшиеся варианты решения земельного вопроса — либо за счет дополнительной нарезки из войскового земельного фонда к уже существующим станичным юртам, либо за счет образования новых станичных юртов, выдвинул альтернативу: образовать особый земельный фонд, доходы от которого будут идти на выкуп частновладельческих земель «с целью сохранить искони казачьи земли от заселения их крестьянским пришлым элементом или вообще иногородними»²⁵². Интересно, что, видимо, под влиянием столыпинской аграрной программы Ф. Ф. Таубе обращал особое внимание членов собрания на необходимость избегать чересполосицы, а также на пользу системы отдельных «хуторских довольствий».

Сторонниками первого из упоминавшихся Ф. Ф. Таубе вариантов стали участники либеральной «Донской казачьей группы членов Государственного Совета и Государственной Думы», которые направили атаману письмо с протоколом заседания группы, где приводились доводы в пользу дополнительной нарезки к уже существующим юртам²⁵³. Однако подавляющим числом голосов это предложение было отвергнуто, а на основании второго и третьего вариантов с учетом замечаний атамана Войсковое собрание приняло компромиссное решение: 423 513 десятин земли отвести для образования новых станичных юртов и отдельных хуторских довольствий — всего на 4 станицы, а 533 687 десятин сдать в аренду на десять лет с целью образования особого капитала для покупки частновладельческих земель нуждающимися станицами. Для исполнения этих решений должны были быть организованы окружные и войсковой земельные советы и войсковой кру²⁵⁴.

Кроме того, члены собрания высказались категорически против передачи гражданского управления Донской областью из ведения Военного министерства в Министерство внутренних дел (далее — МВД),

²⁵¹ Донские областные ведомости. 23 декабря 1909. № 267.

²⁵² Там же. 9 декабря 1909. № 255.

²⁵³ Протокол заседания группы членов Государственного Совета и Государственной Думы от области Войска Донского, 6 декабря 1909 г. // Там же. 16 декабря 1909. № 261.

²⁵⁴ Проект положения о распределении между станицами Войска Донского свободных войсковых земель и о порядке заведования ими // Там же. 22 декабря 1909. № 266.

о которой ходатайствовал новый предводитель донского дворянства А. П. Леонов, а также потребовали «действия Крестьянского земельного банка в Донской области по покупке земель не казаками прекратить»²⁵⁵. Видимо, в подтверждение безусловного права казаков на донские земли редактор «Донских ведомостей» Х. И. Попов, «известный всему Дону любитель Донской старины, хранитель [Донского] музея, великий донской патриот», зачитал «Высочайшую грамоту от 27-го мая 1793 года, данную относительно земель всего войска Донского Императрицею Екатериною II»²⁵⁶. По указанию Ф. Ф. Таубе эта грамота, прилагавшаяся к «Карте всей земли Войска Донского» и даровавшая землю казакам «на вечные времена», была отпечатана в качестве приложения к «Донским областным ведомостям»²⁵⁷. В завершение работы Войскового собрания Ф. Ф. Таубе произнес фразу, которая, вероятно, оказала решающее влияние на восприятие его атаманства местными националистами: «Люблю играть — карты на стол. Мой девиз единственный и простой — Дон для донцов и ни для кого больше!» После этого, как писали «Донские ведомости», взбудораженные члены Войскового собрания на руках вынесли атамана из залы совещаний²⁵⁸.

По большому счету внимание привлекает не само решение земельного вопроса, разработанное Войсковым совещательным собранием, а то, в какие сроки оно было принято и какой имело антураж. На протяжении многих лет аграрный кризис продолжал усугубляться, но никаких решительных действий со стороны властей для его ликвидации не предпринималось. Теперь же, благодаря инициативе Ф. Ф. Таубе, данный вопрос, как показалось многим, успешно разрешился, причем на это потребовалось всего каких-нибудь две недели. Более того, этот успех был достигнут не бюрократическими усилиями центральной администрации, а выборными от казачьих станиц, что преподносилось как восстановление вольной донской старины — казачьего круга. Такой оценке событий во многом способствовало и постановление об организации особых учреждений для осуществления проекта земельной реформы, которые хотя и должны были носить скорее технический, к тому же временный характер, но виделись возрождением традиционного казачьего самоуправления и альтернативой всеобщему земству, против которого выступали донские правые. Надежды

²⁵⁵ Там же. 23 декабря 1909. № 267.

²⁵⁶ Краснов П. Как решили на Дону земельный вопрос и вопрос о земстве // Русский инвалид. 16 января 1910. № 12; перепечатано: Донские областные ведомости. 26 января 1910. № 20.

²⁵⁷ К сожалению, обнаружить это приложение к «Донским областным ведомостям» пока не удалось, но о его существовании говорят многочисленные ссылки в периодике того времени.

²⁵⁸ Донские областные ведомости. 23 декабря 1909. № 267.

на скорое возрождение казачьего круга были прямо высказаны участниками Войскового собрания на его заключительном заседании. Один из выборных, А. А. Назаров, заявил буквально следующее: «Заботы вашего превосходительства [Таубе] о поддержании славных традиций донского казачества, нашей старины, дали нам надежду на восстановление старинного казачьего Войскового Круга, и мы твердо уверены, что в вашем ходатайстве Царь-Батюшка вам не откажет»²⁵⁹. То есть на атамана фактически возлагалась обязанность хлопотать о возрождении круга непосредственно перед императором. Наконец, очевидно, что особый эффект должен был произвести лозунг, провозглашенный Ф. Ф. Таубе, таким образом ставшим проводником сугубо проказачьей политики в высших эшелонах власти и лидером консервативной части донского общества. Последняя, правда, на тот момент на организационном уровне была представлена только Донским отделом СРН, о котором Ф. Ф. Таубе также не забывал, в частности, почтив своим присутствием освящение собственного дома местных черносотенцев²⁶⁰.

Между тем у новоявленного лидера казаков-консерваторов нашлось достаточно много влиятельных противников, которые не были согласны с предложенным решением земельного вопроса, выступали за перевод гражданского управления из Военного министерства в МВД, за введение на Дону земства по общероссийскому образцу и не возражали против деятельности Крестьянского банка. Такими противниками являлись уже упоминавшиеся выше представители «Донской казачьей группы членов Государственного Совета и Государственной Думы», а также значительная часть донского дворянства во главе со своим предводителем А. П. Леоновым, которых условно можно обозначить как либеральную оппозицию атаману Ф. Ф. Таубе. Донская оппозиция могла рассчитывать на серьезную поддержку со стороны либеральной части Государственной думы, 67 членов которой в конце 1909 г. вынесли на рассмотрение предложение о введении земства на Дону²⁶¹. Сама «Донская казачья группа членов Государственного Совета и Государственной Думы», как уже говорилось, попыталась вмешаться в работу Войскового собрания, но «непрощеным радетелям» указали на то, что они не уполномочены законом заботиться об улуч-

²⁵⁹ Донские областные ведомости. 22 декабря 1909. № 266.

²⁶⁰ Там же. 29 декабря 1910. № 278.

²⁶¹ Проблема введения земства на Дону имеет длительную историю. В 1876 г. вопрос уже был положительно решен, но с началом правления Александра III опыт был признан неудачным и реформу отменили. В дальнейшем представители донской общественности не раз просили о новом введении земства, но решение вопроса постоянно затягивалось. См. подробнее об этом: *Волаженко А.А.* Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области войска Донского...; *его же.* Восстановление донского земства...

шении жизни казаков²⁶². Затем оппозиция организовала дворянскую депутацию к императору для ходатайства о введении земства без предварительного опроса казаков и о передаче управления Донской областью в МВД, однако военный министр В. А. Сухомлинов попросту не допустил ее к Николаю II. В январе 1910 г. открылось Областное собрание донского дворянства, в ходе которого было принято решение ходатайствовать «о скорейшем введении в Донской области земских учреждений», а заодно принести жалобу Правительствующему Сенату на действия военного министра²⁶³.

Пытаясь воспрепятствовать курсу Ф. Ф. Таубе, донская оппозиция решила обратиться за поддержкой к председателю Совета министров, и 3 апреля 1910 г. П. А. Столыпин принял депутацию членов Государственной думы и Государственного совета от Донской области. «Депутаты Захарьев и Ефремов коснулись общего положения, на котором находится Дон, и той политики, которую в последнее время насаждает новый наказный атаман Фридрих Фридрихович [sic! — Б. К.] фон-Таубе. Как оказывается, под его влиянием составляются приговоры, в которых говорится о необходимости выселения всех жителей, не принадлежащих к казакам, из живущих в городах крестьян и жидов». Согласно сообщению газеты «Речь», П. А. Столыпин возразил: «Но ведь евреи не имеют права жить на Дону», на что Н. А. Захарьев ответил: «это только может служить ярким доказательством целесообразности агитации, которая с такой энергией ведется наказным атаманом фон-Таубе». «В заключение, — продолжала «Речь», — депутаты изложили полнейшую невозможность выселить полтора миллиона иногородних обывателей Дона, по выражению фон Таубе, за Урал». П. А. Столыпин, сославшись на то, что Войско Донское находится в подчинении Военному министерству, заявил, что имел лишь поверхностные сведения о нем, но обещал обратить внимание правительства на эту ситуацию. В то же время премьер-министр оговорился, что «должен по этому вопросу запросить и другую сторону — административную власть»²⁶⁴. Трудно сказать, насколько утверждения представителей донской оппозиции отражали действительное положение, сложившееся тогда на Дону. Безусловно, в официальной обстановке Ф. Ф. Таубе не мог себе позволить делать такие громкие заявления, как призывы выслать всех неказаков «за Урал», но в то же время нельзя исключать возможности, что подобные слова могли быть сказаны в частном порядке. Таким образом Ф. Ф. Таубе, подыгрывая ксенофобским настроениям, вполне мог добиться еще большей популярности

²⁶² Краснов П. Как решили на Дону земельный вопрос и вопрос о земстве.

²⁶³ Донские областные ведомости. 28 января 1910. № 22; 30 января 1910. № 24.

²⁶⁴ Члены Гос. Думы и Гос. Совета у П. А. Столыпина // Речь. 4 (17) апреля 1910. № 121.

сти у местных правых. Однако, учитывая характер источника информации, говорить об этом с достаточной долей уверенности нельзя.

С другой стороны, в первые месяцы 1910 г. станичные общества на своих собраниях действительно выносили один за другим приговоры, сочувственные атаману и направленные против предложений оппозиции. В приговоре Верхне-Чирской станицы говорилось: «мы надеемся, что старания нашего дорогого Атамана к нам, казакам, не останутся бесследны; эти заботы придадут нам бодрость и поднимают в нас веселый казачий дух»²⁶⁵. Старогригорьевский станичный сбор просил своего окружного атамана «сказать Царю-Батюшке, что всякое улучшение нашего казачьего быта может быть только тогда, когда мы на своих общественных сборах всесторонне обсудим каждое новшество, но навязывать нам общее земство для нас, казаков, не только что нежелательно, а даже и вредно»²⁶⁶. Со старогригорьевцами перекликались жители Трех-Островянской и Кобылянской станиц, которые хотели «ходатайствовать пред Его Императорским Величеством об отмене выработанного проекта группой членов Государственной Думы земского самоуправления; если же земство в области войска Донского и необходимо, то просить Его Императорское Величество предоставить нам право обсудить этот вопрос своей казачьей семьей в Войсковом Кругу под председательством господина Наказного Атамана Войска Донского [т. е. Ф. Ф. Таубе. — Б. К.], как и обсуждался вопрос о распределении свободной войсковой земли между нуждающимися малоземельными станицами»²⁶⁷. О том, что Ф. Ф. Таубе воспринимался уже как член «казачьей семьи», свидетельствуют такие приговоры: «его превосходительство войсковой наказной атаман генерал-лейтенант барон Федор Федорович Таубе горячо, как истый, прирожденный казак, отнесся к нуждам вверенного ему края, <...> желая сохранить в памяти молодого поколения нашего столь дорогое ныне сердцу нашему имя его, как горячего сторонника интересов Донского казачества, с душою истинного казака, <...> мы единодушно постановили: просить его превосходительство не отказать принять звание почетного казака и гражданина нашей станицы»²⁶⁸. О том же просили жители Цымлянской станицы²⁶⁹.

²⁶⁵ Приговор казачьего общества станицы Верхнее-Чирской от 4 марта 1910 года // Донские областные ведомости. 11 апреля 1910. № 81.

²⁶⁶ Приговор Старогригорьевского станичного сбора // Там же. 8 апреля 1910. № 78.

²⁶⁷ Приговор Трех-Островянской и Кобылянской станиц от 21-го и 23-го февраля 1910 года // Там же. 11 апреля 1910. № 81.

²⁶⁸ Приговор Перекопского станичного правления Усть-Медведицкого округа // Русский инвалид. 26 февраля 1910. № 46.

²⁶⁹ Приговор Цымлянского станичного сбора // Донские областные ведомости. 30 апреля 1910. № 90.

Что бы ни утверждала оппозиция, в приговорах не содержалось требований о высылке иногороднего населения. Наиболее жестким в этом смысле стал приговор Трех-Островянской и Кобылянской станиц, в котором говорилось, что «в области войска Донского настолько много иногороднего пришлого элемента, что он превышает чисто казачье население: пришлые расселись на наших казачьих землях, завоеванных нашими предками и утвержденных Высочайшими грамотами в вечное наше владение, за что мы, казаки, по завету наших предков, преданные Престолу наших Самодержавных Царей и Отечеству, своими личными средствами справляем своих сыновей на службу Его Императорского Величества Самодержавного Царя-Батюшки; в введении же такового земства мы видим новый обход наших казачьих прав, сопряженный с пожертвованием средств на пришлый иногородний элемент, так как при введении земских учреждений, согласно выработанного проекта членами Гос. Думы, мы, казаки, станем в обязанность обслуживать и оплачивать своими средствами и пришлый иногородний элемент»²⁷⁰. Остается неясным, насколько подобного рода приговоры отражали действительное настроение рядового казачества и насколько они были инспирированы самой властью. Все же они формировали представление о широкой поддержке атамана Ф. Ф. Таубе и его деятельности среди донцов, с одной стороны, и о неприятии донцами реформ, предложенных оппозицией, — с другой. Как бы то ни было, вскоре после обращения депутатов Государственной думы от Донской области к П. А. Столыпину публикации приговоров станичных обществ в прессе прекратились.

Ф. Ф. Таубе встретил содействие не только в станичных обществах. Донские консерваторы усиленно защищали мероприятия, проводимые атаманом. Не говоря уже о безусловной поддержке, оказанной ему со стороны членов Войскового собрания, нашлись сторонники Ф. Ф. Таубе и среди представителей донского дворянства. Лидером консервативной его части стал генерал-майор Клуников. На Областном собрании дворянства он заявил, что в решении вопросов о введении земства и переводе в ведомство МВД дворянство должно опираться на мнение рядовых казаков, которые в ходе декабрьского Войскового собрания, по мнению Клуникова, ясно выразились против этих реформ²⁷¹. Итоговое постановление Областного собрания дворянства, предлагавшее ходатайствовать об ускорении введения на Дону земства, было опротестовано группой из 46 человек во главе с полковником И. Я. Какуриным. Смысл протеста заключался в том, что дворянство, согласно имевшемуся законодательству, не имело права ходатайствовать об изменении существующих законов о местном

²⁷⁰ Приговор Трех-Островянской и Кобылянской станиц от 21-го и 23-го февраля 1910 г.

²⁷¹ Донские областные ведомости. 28 января 1910. № 22.

общественном устройстве, тем более касающихся интересов и прав «неподведомственных» дворянству других сословий Империи²⁷². Еще один протест был направлен в адрес газеты «Русское слово», перепечатавшей статью из «Речи» «Донские депутаты у П. А. Столыпина»²⁷³. Авторы открытого письма выражали надежду, что депутаты не могли делать Столышину заявлений, не соответствующих, по их мнению, действительности, а потому редакция газеты должна нести ответственность за распространение ложных сведений²⁷⁴.

Мнение о возможных реформах на Дону, заявленное от имени рядового казачества, полностью разделяло и Военное министерство: «Не будучи отнюдь противниками самоуправления, они [казаки. — Б. К.] однако желают, чтобы оно было для них не хуже, а лучше нынешнего положения. Для этого они желали бы оставить в укладе местного самоуправления много казачьих особенностей, а потому в настоящее время этот вопрос тщательно вырабатывается на местах, и к общим началам земского самоуправления стараются притесать особенности казачьих потребностей, которые сложились на местах»²⁷⁵. Военное министерство вообще негативно воспринимало предложения донского дворянства, ущемлявшие его ведомственные интересы, как в случае с инициативой оппозицией по передаче МВД гражданского управления на территории казачьих войск.

26 февраля 1910 г. проект, выработанный Войсковым совещательным собранием, представленный донским атаманом через Главное Управление казачьих войск и рассмотренный Военным советом, «удостоился Высочайшего утверждения»²⁷⁶. С мест шли телеграммы, призывавшие поскорее реализовать проект Войскового Земельного совета, «так как прибывшими крестьянами южных губерний сильно скупаются земли»²⁷⁷. Наконец, 22 июня 1910 г. совет начал функционировать. В состав его членов в основном вошли представители станиц, бывшие участниками Войскового совещательного собрания по земельному вопросу в декабре 1909 г. Вскоре было принято решение назвать одну из вновь образующаемых станиц «Таубевскою», «на каковое название его превосходительство изъявил свое согласие»²⁷⁸.

²⁷² Там же. 30 января 1910. № 24.

²⁷³ Донские депутаты у П. А. Столыпина // Русское слово. 1910. № 77.

²⁷⁴ ГАРО. Ф. 55. Д. 98 (Копия открытого письма депутатам от Донской области). Л. 1.

²⁷⁵ Смета расходов главного управления казачьих войск на 1910 год // Русский ишвалд. 9 января 1910. № 6.

²⁷⁶ Донские областные ведомости. 25 марта 1910. № 67.

²⁷⁷ Телеграмма окружного Атамана Хонерского округа на имя Войскового Наказного Атамана Войска Донского от 4 июня 1910 года // Там же. 6 июня 1910. № 118.

²⁷⁸ Войсковой Земельный Совет (окончание) // Там же. 3 июля 1910. № 139. Оставшиеся три станицы были названы «Цесаревичевская» (в честь цесаревича Алек-

Решение аграрного вопроса на Дону пошло, таким образом, по пути, предложенному Ф. Ф. Таубе. Однако оставалась нерешенной проблема земства. Несмотря на то что некоторые консерваторы надеялись подменить его учреждениями, созданными по итогам Войскового собрания, неизбежность введения земства на Дону казалась очевидной. Открытым оставался вопрос о том, каким оно будет. Последовательно проводя курс на сохранение казачества как военной силы, а значит, на укрепление его социально-экономических и политических позиций, Ф. Ф. Таубе взялся за разработку такого проекта донского земства, который бы учитывал специфику региона, иначе говоря, охранял бы в первую очередь интересы казачества.

Местные правые не оставались безучастными к будущему земству и предлагали властям свое видение проблемы. Ярким примером может послужить записка, поданная Ф. Ф. Таубе одним из будущих основателей ДСН В. С. Ивановым²⁷⁹. Автор записки задавался вопросом, на каких основаниях должно вводиться местное самоуправление на Дону. Если бы Дон был обычной губернией, то и земство можно было бы организовывать на общих основаниях, но «казачество есть ценный вклад истории в сокровищнице Русской государственности и <...> его как в интересах короны, так и всей Империи необходимо всемерно сохранять и культивировать»²⁸⁰. Далее В. С. Иванов доказывал, какое важное значение имеют казаки: «Во всегда готовое к бою войско, в котором бойцы от рождения воспитываются в соответствующем духе и которому незнакомы слабости, присущие регулярной армии, формируемой на основе воинского призыва; казаки дешево обходятся казне. На этом основании В. С. Иванов предостерегал от обложения казаков непосильными налогами, из-за чего они не смогут нести своей службы. Автор опровергал мнение тех, кто считал, что казачество выполнило свою миссию защиты от кочевников и что в современных условиях нужды в нем нет. Наоборот, на взгляд В. С. Иванова, в условиях милитаризации всего мира казачий пример являлся «идеалом воспитания всех российских граждан»²⁸¹. Этот идеал достигался «совокупностью

сея, являвшегося Августейшим Атаманом всех казачьих войск), «Краснощековская» (в память донского героя XVIII в. И. М. Краснощекова) и «Орловская» (в память донского атамана 1796–1801 гг. В. П. Орлова). Летом 1915 г., когда германофобия достигла своего максимума, станичный сход Таубевской станицы вынес приговор, направленный окружному, а затем и наказному атаману, о переименовании станицы в Николаевскую (в честь великого князя Николая Николаевича). См.: Новое время. 24 июля 1915.

²⁷⁹ Записка по вопросу предстоящих реформ в войске Донском, представленная бывшему войсковому Атаману этого войска Барону Таубе Коллежским Советником В. С. Ивановым. Б. м., [191-?].

²⁸⁰ Там же. С. 2.

²⁸¹ Записка по вопросу предстоящих реформ в войске Донском... С. 4.

всех условий их [казаков] жизненного склада, в том числе и исторически сложившимися формами и порядками их общежития»²⁸², которые нельзя было нарушать. «Враги порядка, тайные и явные, для которых казачество является непреодолимым камнем преткновения в достижении ими своих преступных целей»²⁸³, хотели ослабить казачество путем внедрения «постороннего неказачьего элемента»²⁸⁴.

Ф. Ф. Таубе учел подобные замечания, и к концу октября проект введения земства на Дону был представлен. Его преамбула так обосновывала особое положение казачества в будущих органах земского самоуправления: «Для того чтобы какая-либо реформа <...> могла привиться и оказаться жизнеспособной, необходимо, прежде всего, чтобы она отвечала назревшим на месте запросам и не вносила ломки в исторически сложившиеся формы военной и гражданской жизни местного казачества, которому в крае принадлежит первенствующая и руководящая роль во всех главнейших проявлениях местной жизни». Более того, остальной России, по словам составителей проекта, есть чему поучиться у донцов: «Казачья община есть та идеальная земская единица, о создании которой в других местах Империи только задумываются»²⁸⁵. Согласно проекту Таубе, на Дону вводились следующие земские учреждения: а) окружные земские советы, б) областной земский совет, в) окружные земские правления, г) областное земское правление. Состав окружных советов определялся выборами на станичных сборах. Из числа избранных формировалось окружное правление, а также определялись делегаты для участия в областном совете, который, в свою очередь, определял состав областного правления. «Число выборных (гласных), посылаемых населением того или другого округа в окружной земский совет, поставлено в строго пропорциональную [курсив автора. — Б. К.] зависимость от общей суммы оценочной стоимости всех принадлежащих населению округа земель и других недвижимых имуществ, обложенных земскими сборами»²⁸⁶. Таким образом, казаки получили бы превосходство в большинстве округов, кроме Ростовского и Таганрогского, где уступали и крестьянам, и частным собственникам, а также Сальского, где имели равенство в числе выборных с частными собственниками. В целом из 322 членов окружных земских советов казаки должны были быть представлены 191 человеком, от частных собственников (крупных земельных и других) — 108 (91+17), от кре-

---

²⁸² Там же.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же. С. 5.

²⁸⁵ К вопросу о земском управлении на Дону (продолжение) // Донские областные ведомости. 31 октября 1910. № 232.

²⁸⁶ Там же. 2 ноября 1910. № 233.

стьянских обществ — всего 23²⁸⁷. Понятно, что при таком раскладе казаки получали бы большинство и в остальных земских учреждениях. В областном земском совете, по проекту Таубе, из 34 человек 22 должны были представлять войсковое сословие, 8 — невойсковое, еще 4 могли представлять как тех, так и других (избирались от Сальского округа, где могли быть выбраны калмыки или коннозаводчики)²⁸⁸.

Согласно же проекту, представленному членом Государственной думы В. А. Харламовым²⁸⁹, из 318 членов окружных земских собраний казаками должны были быть только 149 человек, 83 человека представляли бы крупных землевладельцев, 39 — крестьян и еще 47 — других собственников. В сумме число представителей невойскового сословия (169), таким образом, превышало бы количество членов окружных собраний от казаков. При этом, по раскладке Харламова, из 100 рублей земских налоговых сборов 77 приходились бы на землю и только 23 — на другое имущество. При том, что из 15 миллионов десятин донской земли 12 принадлежали войску и станицам и лишь 3 миллиона — крестьянам и землевладельцам, основная тяжесть земского налога, согласно расчетам противников проекта, неизбежно приходилась на казачье население²⁹⁰. В этой связи становятся понятными приговоры станичных обществ, утверждавших, что «такое земство нам не нужно».

Трудно сказать, был бы принят к реализации проект донского земства, разработанный Ф. Ф. Таубе, и как далеко продвинулся бы в будущем донской атаман на пути укрепления позиций казачьего сословия, если бы не его неожиданная смерть. Вместе с ним умерла и разработанная им модель устройства земства на Дону²⁹¹. До начала Первой мировой войны вопрос о введении земства так и не был решен.

Помимо активного участия Ф. Ф. Таубе в решении аграрного и земского вопросов интересен еще один аспект его деятельности в период атаманства на Дону. Он уделял немало внимания специфическим коммеморативным акциям, направленным на идеализацию историче-

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ Хлебников В. К докладу В. А. Харламова (О земстве на Дону) // Там же. 14 января 1911. № 10.

²⁸⁹ Непосредственным автором думского проекта введения земского самоуправления на Дону был И. Н. Ефремов.

²⁹⁰ Хлебников В. К докладу В. А. Харламова...

²⁹¹ Проект Таубе был передан на утверждение в Военное министерство, затем в Совет министров, после чего попал в комиссию законодательных предположений при Государственном совете. В 1913 г. администрация нового донского атамана В. И. Покотило разработала новый проект земского положения для Области войска Донского. См.: Волвенко А. А. Восстановление донского земства...

ского прошлого Войска Донского, в частности созданию «мест памяти» (как в физическом, так и в идеологическом пространстве). Публикация грамоты Екатерины II не была единственным примером такого рода. Еще в 1906 г. генерал Родионов начал ходатайствовать о перенесении праха героя сражения при Лейпциге 1813 г. генерал-лейтенанта И. Е. Ефремова в Новочеркасск²⁹². В тот момент это ходатайство легло под сукно, но в 1910 г. Ф. Ф. Таубе возобновил его, добавив к списку генералов Я. П. Бакланова (героя Кавказской войны) и В. В. Орлова-Денисова (героя Отечественной войны 1812 г.)²⁹³. «Придавая огромное моральное значение такому историческому в Войске Донском событию», Ф. Ф. Таубе распорядился «для осуществления этого святого дела составить комиссию из самых почетных наших стариков», в число которых вошел и Х. И. Попов²⁹⁴, ставший в итоге наиболее деятельным организатором кампании по переносу праха донских героев²⁹⁵. Однако дожить до самого этого события Таубе было не суждено. Легендарные останки (к ним добавился прах М. И. Платова и архиепископа Донского и Новочеркасского Иоанна) были перенесены в усыпальницу Войскового кафедрального собора в Новочеркасске уже при атамане П. И. Мищенко.

Еще одной постоянной заботой Ф. Ф. Таубе было составление истории Войска Донского, к которому он также привлекал Х. И. Попова²⁹⁶ (вообще, судя по всему, между Таубе и Поповым, редактором «Донских областных ведомостей», основного консервативного издания на Дону, сложились достаточно теплые отношения). Не забывал Ф. Ф. Таубе и о воспитании подрастающего поколения «в казачьем духе». В частности, донской атаман планировал организовать специальные войсковые школы, переведя их в подчинение Военному министерству²⁹⁷. Иными словами, Ф. Ф. Таубе уделял внимание не только

²⁹² ГАРО. Ф. 55. Д. 252 (О перенесении в столицу Дона праха героев, создавших славу Войску Донскому). Л. 1.

²⁹³ Там же. Л. 2.

²⁹⁴ ГАРО. Ф. 55. Д. 1026. Л. 58.

²⁹⁵ См., например, благодарственное письмо нового донского атамана П. И. Мищенко: «Милостивый государь, Харитон Иванович. Считаю особенно приятным своим долгом выразить Вашему Высочородию от себя и от Войска Донского сердечную благодарность за Ваши труды и заботы по исполнению обязанностей члена комиссии по перенесению останков Донских героев». ГАРО. Ф. 55. Д. 1027. Л. 106.

²⁹⁶ ГАРО. Ф. 55. Д. 1026. Л. 57; Д. 1027. Л. 95. Впрочем, составление официальной истории казачьих войск было инициировано имперскими властями еще на рубеже XIX–XX вв. См. подробнее об этом: Волвенко А. А. Как донским казакам историю хотели написать...

²⁹⁷ РГИА. Ф. 1672 (Шварц А. Н.). Оп. 1. Д. 622 (Письма попечителя Харьковского учебного округа Соколовского П. 1908–1910). Л. 7об.

экономической, но и идеологической составляющей благополучия казачьего сословия.

Кончина Ф. Ф. Таубе была неожиданной для всех. Еще за пять дней до смерти он принимал участие в очередном светском мероприятии, но вскоре слег с «рожистой флегмоной» (воспалением крови) и больше уже не встал. По сообщению «Приазовского края», воспалительный процесс начался от незначительного нарыва в виде экземы на правой стороне шеи²⁹⁸. Смерть наступила в 8 часов 55 минут 23 февраля 1911 г.²⁹⁹ Среди 86 венков, возложенных к гробу покойного, большинство из которых было от различных коллективов бывших сослуживцев и подчиненных Таубе, нашлось место венку лично от Х. И. Попова. Возложили венок и представители СРН³⁰⁰. Трагический уход донского атамана из жизни оказался настолько внезапным, что вызвал и печальные недоразумения. Этнический немец Ф. Ф. Таубе был лютеранином, и епископ Аксайский Гермоген отказался служить панихиду. Не разрешил этой ситуации и Святейший Синод. Лишь после ходатайства вдовы Ф. Ф. Таубе перед Николаем II митрополит Антоний дозволил панихиду³⁰¹. По той же причине не удалось похоронить атамана в Новочеркасске, как того хотели его почитатели: тело Ф. Ф. Таубе отправили поездом в Новый Петергоф, где он был погребен при церкви 148-го Каспийского полка³⁰².

***

Атаманство Ф. Ф. Таубе стало знаковым для развития правой идеологии на Дону. Его действия на посту донского атамана давали все новые и новые поводы для обсуждения на страницах местной периодической печати. Учитывая то обстоятельство, что Донской отдел СРН в начале 1910-х гг., как и весь Союз Русского Народа, переживал тяжелый кризис, связанный с разделением на «обновленцев» и «дубровинцев», и не имел собственного печатного органа, а националистическое движение, напротив, набирало обороты, достигнув своего пика в 1912 г., для формирования именно националистического дискурса правление Ф. Ф. Таубе имело особое значение. Собственно в 1909–

²⁹⁸ Приазовский край. 24 февраля 1911. № 51.

²⁹⁹ Донские областные ведомости. 24 февраля 1911. № 43.

³⁰⁰ Надпись на венке от Х. И. Попова гласила: «Высокоочтимому Атаману Войска Донского, Барону Ф. Ф. Таубе. От преданного и глубоко признательного Х. И. Попова». Надпись на венке от СРН была более лаконичной: «Верному Царскому слуге. "Союз Русского Народа"». (См.: Донские областные ведомости. 26 февраля 1911. № 45).

³⁰¹ Приазовский край. 26 февраля 1911. № 53.

³⁰² Там же. 28 февраля 1911. № 55. 148-м Каспийским полком Ф. Ф. Таубе командовал в 1900 г.

Войсковой наказный атаманъ войска дон-
ского генералъ-лейтенантъ баронъ
Федоръ Федоровичъ фонъ-Таубе.

(Скончался 23 февраля с. г.)

1911 г. сформировались основные идеологические конструкты, которые стали основой политических проектов «казачьей партии» и ДСН в период выборов 1912 г. Можно выделить следующие информационные поводы, вызвавшие наибольший отклик в правой печати: работа Войскового совещательного собрания и его итоговые решения, вопрос о введении земства, действия донской оппозиции и, наконец, смерть атамана Ф. Ф. Таубе. Стоит также отметить, что эти темы оказались во многом взаимосвязаны.

Войсковое совещательное собрание стало образцовым для консервативной части донской общественности по многим аспектам: по составу и характеру работы — в его составе не было деятелей оппозиции, в результате чего представители станиц быстро приняли проект использования свободных войсковых земель; по итоговому решению — оно, судя по всему, устраивало всех донских консерваторов; наконец, по идеологическому обрамлению — возрождалась традиция казачьего круга, а под конец было заявлено об «исторических правах» казаков на донские земли и прозвучал лозунг «Дон — для донцов». П. Н. Краснов, один из наиболее ярких и активных донских идеологов правого толка³⁰³, характеризовал членов собрания следующим образом: «Собрались люди старые, умудренные житейским опытом, выдавшие много на своем веку. Тут были уважаемые почетные граждане, старые войсковые старшины, после тяжелой строевой службы осевшие на землю и вместе с казаками-хуторянами живущие одною жизнью, были подъесаулы, <...> были вахмистры, были урядники, были простые казаки. В просторной зале областного правления виднелись широкие лица, обросшие окладистыми бородами, видны были казачьи прически, и мундир с галунами преобладал над штатским сюртуком»³⁰⁴. Эти идеальные депутаты, представлявшие непосредственно рядовое казачество, которые «самостоятельно, без посторонних влияний, без учителей и непрошенных советчиков» решали земельный вопрос, противопоставлялись «отщепенцам, которые оторвались от родного края, погнались за чужим, изменили складу казачьей жизни,

³⁰³ Редакция «Донских областных ведомостей» (в лице Х. И. Попова) настолько ценила публицистический дар П. Н. Краснова, что перепечатывала почти каждую его новую статью в «Русском инвалиде». Свидетельством особой благосклонности к нему может служить, например, такой комментарий к очередной его статье: «Хорошо осведомленный в тех вопросах, которые за последнее время все чаще и чаще зарождаются, хотя и в северном Петербурге, но тепло и бесспорно в интересах казачества, П. Н. Краснов, истый, до мозга костей, казак, чутко отзывается на них со всем пылом казачьей крови» (см.: Донские областные ведомости. 12 февраля 1911. № 34).

³⁰⁴ Интересно, что сам Краснов этой картины не видел, так как находился в то время в Санкт-Петербурге, где был сначала слушателем Офицерской кавалерийской школы, а затем возглавлял один из ее отделов.

замечтали быть кем угодно, лишь бы не казаками». В таком виде Краснов преподносил «непрошенных радетелей», посмеявшихся вмешаться в работу Войскового собрания — депутатов Государственного совета и Государственной думы от Донской области. Именно из-за этого различия выборных в Войсковое собрание, с одной стороны, и в российский парламент — с другой, произошел конфликт по поводу пути разрешения земельного вопроса. Донское дворянство, оппозиционное Ф. Ф. Таубе, по мнению Краснова, было просто не в состоянии понять настоящие интересы казаков: «Получая воспитание в Петербурге, Москве или за границей, живя вдали от хуторов и станиц, усвоивши себе идеи антимилитаризма, идеи интернационала, они остались казаками только по происхождению»³⁰⁵.

Работа Войскового собрания не оставила безучастными и столичных националистов. Один из главных идеологов ВНС М. О. Меньшиков посвятил донскому казачеству серию очерков под общим заглавием «Казацкая сила», в которых часто и с абсолютным доверием ссылался на Краснова. Говоря об основных проблемах казачества, вопросах о земле и земстве, он доказывал, что донцам угрожала серьезная опасность со стороны невойскового сословия, «подрывающего воинский дух казаков». В подтверждение своих слов он приводил «страшные цифры», согласно которым войскового сословия уже меньше, чем «пришлого сброда из крестьян, инородцев и пр.». Между тем, по мнению Меньшикова, сохранение силы казачества, доказавшего свою преданность престолу, в том числе в ходе революции 1905–1907 гг., требовало предоставления ему обширных земель для ведения специфического казачьего хозяйства³⁰⁶. По этой же причине, считал публицист, ни в коем случае нельзя вводить на Дону земство: «Вот реформа, можно сказать, вполне антигосударственная, которой следует искренно пожелать блистательного провала»³⁰⁷. Право казаков на земли ОвД доказывалось их историческими заслугами, в то время как аналогичное право инородцев в силу их враждебности русскому государству отвергалось: «Ведь в самом деле эта земля есть их земля, земля донских казаков, отвоеванная отвагою их предков у татар. <...> Что же тут справедливого: землю добывали казаки, а в хозяева ее теперь подбираются Евреи, Поляки, Хохлы, Греки, Армяне и всякий сброд? Казачество не на словах только, а на бесчисленных полях сражений — от севера Финляндии до Арарата, от Парижа до Пекина проливало

³⁰⁵ Краснов П. Как решили на Дону земельный вопрос и вопрос о земстве.

³⁰⁶ Меньшиков М. Казацкая сила. I // Новое время. 15 (28) декабря 1909. № 12128; перепечатано: Донские областные ведомости. 25 декабря 1909. № 268.

³⁰⁷ Меньшиков М. Казацкая сила. II // Там же. 17 (30) декабря 1909. № 12130; перепечатано: Донские областные ведомости. 29 декабря 1909. № 269.

кровь свою за Царя и Россию, а втершиеся инородцы в это время пакостили России сколько могли, — и вот теперь объявляется равноправие: что казаку, то Еврею или Татарину, одна честь. Неужели же в этом есть хоть тень справедливости?» «Казачество, — писал далее Меньшиков, — крайне важный орган государственности»³⁰⁸. Забота о нем в глазах М. О. Меньшикова становилась, таким образом, важной задачей правительства Империи, «иначе великий орден славянской расы [sic! — Б. К.] изнеможет и распухнет в чуждых ему стихиях, и Россия лишится одной из наиболее могучих охранительных сил»³⁰⁹. Интересно также, что еще до чтения грамоты Екатерины II перед членами Войскового собрания Меньшиков уже апеллировал к авторитету этого документа. Беспокойство ведущего автора «Нового времени» о судьбах Войска Донского не осталось незамеченным, и станичный сбор Александровской станицы Черкасского округа, «высоко ценя литературную деятельность отставного лейтенанта Михаила Осиповича Меньшикова, проникнутую горячим патриотизмом и любовью к казачеству, за его неизменную преданность Престолу и Отечеству, приговором 7 марта сего [1910] года, постановил: просить его принять звание почетного казака Александровской станицы»³¹⁰.

В дальнейшем созыв Войскового собрания еще несколько лет оставался для консерваторов примером идеального разрешения вообще каких бы то ни было проблем в Войске Донском: «Войсковой круг или войсковое собрание, как официально назывался он, прошел, как выразился Войсковой Наказной Атаман, без недоразумений и без инцидентов. Оппозиционная печать потом говорила, что совещание это прошло под давлением Начальства. Но участники совещания были, видимо, очень довольны результатами своей работы. <...> Само население, видимо, тоже очень довольны, что видно из многочисленных, сравнительно, приговоров станичных обществ, в которых выражалась Атаману благодарность и в которых население выражало желание о принятии к себе Атамана почетным казаком». В этой связи даже предлагалось созвать аналогичное собрание для решения вопроса о земстве³¹¹.

Темы консервативного дискурса, обозначившиеся в публикациях, посвященных Войсковому собранию, получили свое продолжение

³⁰⁸ Меньшиков М. Казацкая сила. III // Там же. 19 декабря 1909 (1 января 1910). № 12132; перепечатано: Донские областные ведомости. 31 декабря 1909. № 271.

³⁰⁹ Меньшиков М. Казацкая сила. I. М. О. Меньшиков, наряду с И. А. Сикорским, был наиболее последовательным сторонником расовой версии национализма. См. подробнее: Могильнер М. Homo imperii...

³¹⁰ Призыв. 20 марта 1910. № 5.

³¹¹ Хоперский И. Необходимость нового войскового совещания на Дону // Там же. 25 декабря 1910. № 44.

в последующей газетной войне с донской оппозицией по поводу введения земства. Впрочем, Краснов обозначил наиболее радикальную правую точку зрения по этому вопросу еще во время работы собрания, когда стало известно о внесении на рассмотрение Государственной думы проекта введения земства на Дону: «Боюсь, что с земством придет и сядет в донскую станицу и хохол, и еврей, и поляк и поведут свои речи, и заведут свою культуру. <...> Будет земство — не станет Атаманов, не будет и казаков. Это нужно, необходимо для маленькой партии инородцев, но вряд ли уничтожение казачества входит в программу жизни Российской империи»³¹².

Если Краснов и в дальнейшем оставался противником введения земства, то другие публицисты из правого лагеря были готовы согласиться на подобную реформу, но только если она будет направлена по пути, намеченному Ф. Ф. Таубе. В то же время проект введения земства, предложенный оппозицией, отвергался с негодованием: «Естественно, что каждый казак, которому дороги интересы своей родины, кто сознает колоссальную тяготу пред Государством в форме поголовной воинской повинности, лежащей на казачьем населении, и в ком не угасла хоть капля справедливости, тот должен отдать предпочтение проекту положения о земском самоуправлении в области Войска Донского Войскового Наказного Атамана барона Ф. Ф. Таубе пред проектом земства, выработанным членами Государственной Думы, нашими же казаками, которые казачьи деньги и казачьи интересы хотят отдать в распоряжение людей, ничего общего с казаками не имеющих, и тем самым еще больше закабалить обездоленное казачество»³¹³.

Донская оппозиция вообще очень часто подвергалась жесткой критике со стороны правых, особенно после визита ее представителей к П. А. Столыпину, в котором консерваторы, вероятно вполне справедливо, усматривали попытку свергнуть атамана Ф. Ф. Таубе. Как всегда, наиболее ярко и пространно в его защиту выступил П. Н. Краснов: «В лице своего Войскового Наказного Атамана казаки нашли человека, любовно и с уважением отнесшегося к казакам, отметившего хорошие черты казачьего быта и обещавшего их поддержать»³¹⁴. Отдав должное личности Ф. Ф. Таубе, Краснов вновь акцентировал внимание на «исконности» прав казаков на донские земли, которые попираются пришлым населением: «казаки видели, что те земли,

³¹² Краснов П. К вопросу о земстве на Дону // Русский инвалид. 1909. № 267; перепечатано: Донские областные ведомости. 16 декабря 1909. № 261.

³¹³ Хлебников В. К докладу В. А. Харламова.

³¹⁴ Краснов П. Непрошенные ратители // Русский инвалид. 25 апреля 1910. № 89; перепечатано: Донские областные ведомости. 1 мая 1910. № 91.

которые вековыми кровавыми столкновениями с татарами казаки удержали за собою, земли, утвержденные за ними Царскими грамотами, переходят в аренду и в собственность пришлому населению. Это пришлое население благоденствовало на казачьих землях, а казаки целыми тысячами выселялись в Уссурийский край вследствие безземелья у себя, на Дону»³¹⁵. И вот, как раз когда Ф. Ф. Таубе взялся за исправление ситуации, «кому-то нужно подорвать доверие к <...> атаману, обвинить его в сепаратизме. В чем же заключается сепаратизм теперешнего атамана, и когда это он собирался выселить полтора миллиона крестьян за Урал?»³¹⁶ Атаман Ф. Ф. Таубе, считал П. Н. Краснов, только постарался восстановить справедливость: «донские казаки, наконец, получили возможность *наравне* с крестьянами покупать земли у помещиков, т. е. их только-только сравнивали в правах с крестьянами, а раньше у них этих прав было меньше, чем у крестьян»³¹⁷.

Что же заставило донских депутатов пойти против своего атамана? По мнению П. Н. Краснова, их напугал приговор Трех-Островянской и Кобылянской станиц, содержание которого они исказили в беседе со Столыпиным: «Теперь, если верить газете "Речь", они не остановились перед клеветой на своего атамана и на казаков. Как будто нужно во что бы то ни стало остановить пробуждение казачьего духа, прекратить этот прекрасный патриотический подъем, который замечается в последние годы на Дону»³¹⁸. Конечно, такие депутаты являются «не представителями и защитниками интересов войскового казачьего населения, но проводниками идей своей партии, чуждыми заботы о славе и процветании Донского казачества»³¹⁹. Как же так получилось, что именно они представляли Войско Донское в российском парламенте? Согласно П. Н. Краснову, иначе и быть не могло, ведь «цвет донского образованного общества весь на военной службе и потому не имеет права ни быть избирателями, ни быть избираемыми; на Дону остались как таковые лишь лица свободных профессий, давно утратившие всякую связь с казаками и озабоченные больше участью своих бывших крепостных крестьян, являющихся арендаторами их земель, нежели участью казаков, да интересами своих клиентов греко-армяно-еврейского происхождения, сосущих кровь этих самых казаков»³²⁰. Таким образом, Краснов рисует негативный образ оппозиции — донское дворянство, оторвавшееся от своих «корней» и экономически заинтересованное в союзе с крестьянством и инородцами, в том числе евреями,

³¹⁵ Краснов П. Непрошенные радители.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Там же.

предает родное казачество, противодействуя заботам Ф. Ф. Таубе о благополучии Войска Донского.

Интересно интерпретировал визит оппозиции к Столышину некий «односум» в газете таганрогских националистов «Призыв». «Давно я так хорошо не смеялся <...> как после прочтения выдержек из кадетской "Речи" <...> касающихся жалобы донских депутатов на то, что Атаман насаждает на Дону... *сепаратизм*», — понижал он до нелепого действия оппозиции и вкладывал в уста одного из ее представителей, члена Государственного совета А. А. Донецкого, такую фразу: «[Таубе] объявляет себя большим казаком, чем мы, депутаты!»³²¹ Ирония автора заключалась в том, что этнический немец Таубе, по убеждению донских консерваторов, действительно «большой казак», чем избранные от области Войска Донского депутаты Думы, и винить в этом они, по мнению «односума», должны только себя. Но автору было мало высмеять оппозицию — он хотел также показать, что ее обвинения в адрес донского атамана беспочвенны, и для этого он сглаживал эффект от провозглашенного Таубе экстремистского лозунга: «Взявши отправным пунктом подлинные слова Атамана, что "его девиз — Дон для донцов", они [депутаты] ловко обернули этот чисто *экономический* лозунг <...> *политическим* флером собственного изобретения»³²². Таким образом, не только обелялся Ф. Ф. Таубе, слова которого наполнялись новым содержанием, но и ответственность за мнимое извращение их смысла возлагалась на оппозицию. На кого пытались произвести впечатление противники атамана этим «обманом»? «Напугали ли они Столыпина, не знаю, но евреев в вашем Таганроге — наверное, а больше всего, говорят, крестьян»³²³, — пишет «односум», так же как и П. Н. Краснов, связывая оппозицию с интересами иногородних и инородцев. Между тем Ф. Ф. Таубе, с точки зрения автора, действовал подлинно демократическими методами, опираясь на мнение рядового казачества, представленное Войсковым собранием/кругом и приговорами станичных обществ, чего не признавали его противники. Это, в свою очередь, даже создавало своеобразный парадокс: «смешнее всего для меня во всей этой кутерьме то, — заканчивал свою статью «односум», — что наш барон [Таубе] оказался по казачьему вопросу... левее левых депутатов. <...> Отсюда, по-видимому, и гнев, и зависть»³²⁴.

Тема противостояния с оппозицией оставалась востребованной и в дальнейшем. Как и раньше, наиболее заметными оставались публикации П. Н. Краснова. Он по-прежнему выдвигал тезис о разделе-

³²¹ «Односум». «Революционный» атаман // Призыв. 22 мая 1910. № 13.

³²² Там же.

³²³ Там же.

³²⁴ Там же.

нии донского общества на защитников и врагов казачества: «На Дону, как и во всей России, тоже идет борьба двух партий — партии государственной, желающей Дону полного благополучия, и партии противоправительственной; так сказать, правой и левой»³²⁵. Довольно четко Краснов определял состав этих «партий» и их «программы». «Правую партию» представляли «Войсковой Наказной Атаман и его сотрудники, крупные старые именитые дворяне Войска Донского, потомки атаманов и казаки станиц и хуторов, казаки земледельцы, рыболовы, скотоводы и коневоды», которые «смотрят на землю Войска Донского и на казаков, как на тесно слившееся с Россией, преданное ей и ее Самодержавному Государю население, веками своей боевой жизни приспособившееся к конной военной службе и в ней имеющее самый смысл своего существования»³²⁶. То есть фактически это — традиционалистская программа, в которой казачеству отводится роль военно-служилого сословия. Говоря о «левой партии», Краснов характеризует ее сторонников следующим образом: «Мелкое донское дворянство, сыновья служилых офицеров, бросившие военное дело, ставшие учителями, адвокатами, чиновниками, “интеллигентами”». Когда же он перелагает «программу» левых, перед нами предстает вполне (а кое-где и ультра) модернистская система взглядов: «Смешно, говорят они [левые], теперь, в 20-м веке, различать: казак и не казак. Казаки имели смысл тогда, когда земля их непосредственно граничила с татарами, и они должны были воевать. При нынешних социальных условиях войн не должно быть. <...> а если и будет война, то не казаки же с их дреколем (пиками) будут бороться, но воздушный флот — аэропланы и дирижабли. Иные из них идут еще дальше. Они отрицают не только слово и понятие — казак, но говорят, что и русских не должно быть: должны быть только люди, равные и свободные, поддерживающие свое человеческое достоинство, <...> по возможности всем одинаковая жизнь — без богатых и бедных, без знатных и простых; выборное, на самых широких началах, управление; общий труд над общей землей; словом — социальный рай»³²⁷. Тон Краснова не оставляет никаких сомнений в том, что такую «программу» он считал совершенно утопичной и вредоносной, а сам был целиком на стороне «правой партии». «Левый Дон» не только теоретически несостоятелен, но и практически опасен, так как, по мнению П. Н. Краснова, «этим людям казаки и правительство — помеха. В годы смуты [революции 1905–1907 гг. — Б. К.] <...> они устраивали шумные, пьяные

³²⁵ Краснов П. Донские дела в 1910 году // Русский инвалид. 1911. № 29; перепечатано: Донские областные ведомости. 12 февраля 1911. № 34, 13 февраля 1911. № 35.

³²⁶ Краснов П. Донские дела в 1910 году.

³²⁷ Там же.

выборы депутатов и посылали от Дона либо людей, ничего общего с донским казачеством не имеющих, либо совершенно запуганных, простых, темных и потому бессловесных»³²⁸. К выдвинутому ранее тезису о том, что в Государственную думу и Государственный совет выбраны «не те» казаки, таким образом, добавлялось обвинение в сомнительности самой процедуры выборов и, следовательно, их итогов. Опасность же заключалась в том, что правительство начинало судить о ситуации на Дону со слов прибывших оттуда депутатов. «Картина разрушения военного Дона в Петербурге получалась полная», — сетовал П. Н. Краснов³²⁹.

Эту же мысль проводил один из респондентов Х. И. Попова: «Депутаты эти избраны удивительнейшим образом, они как будто подсунуты какою-то неведомою сверхъестественною силою; главная ко-ренная масса населения их не избирала и не могла даже допустить мысли об их избрании»³³⁰. Он же давал убийственную характеристику деятельности депутатов Государственной думы от ОвД: «По станицам и хуторам области идут теперь нескончаемые толки о том, как быть и что делать с членами Думы — этим новым, еще невиданным, наказанием Божиим за грехи»³³¹.

Показательно для периода правления Ф. Ф. Таубе, что одним из средств улучшения положения в Донской области П. Н. Краснов называл увеличение роли атамана, «который как доверенное лицо Государя Императора, должен быть во всех отраслях единственным хозяином земли донских казаков»³³². Более того, атаманская власть, считал Краснов, должна была быть расширена не только вглубь, но и вширь: «Назревает вопрос об усилении власти атамана, о предоставлении ему действительных прав. Казалось бы, что три однородные настоящие войска, Донское, Кубанское и Терское следовало бы объединить под властью Донского атамана, дав ему право решать дела местные, не сносясь с Петербургом»³³³. Кроме того, П. Н. Краснов по-прежнему не забывал о «воспитании и образовании казачьей молодежи в особом,

³²⁸ Краснов П. Донские дела в 1910 году.

³²⁹ Там же.

³³⁰ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 297 (О выборах выборщиков в областное собрание и членов Государственной думы). Л. 3.

³³¹ Там же. Л. 4.

³³² Краснов П. Донские дела в 1910 году.

³³³ Там же. Предрасположенность Краснова к увеличению атаманской власти наблюдались и ранее: «Нет, Бог с ним, с самоуправлением! Дайте нам умных правителей, которые любили бы Дон и его процветание и славу, и с такими правителями Дон процветет!» (См.: Краснов П. К вопросу о земстве на Дону). Сам П. Н. Краснов, став атаманом «Всеволодского Войска Донского» в 1918 г., также стремился максимально расширить собственные полномочия и пытался создать союз Донского, Кубанского и Терского казачьих войск.

казацьем духе», а также о символическом закреплении донских земель за казачеством: «Самое название "Донская область", "Область Войска Донского" <...> пора заменить старым, так много говорящим казакам, названием "*Земля донских казаков*" [курсив автора. — Б. К.]»³³⁴.

Консервативный дискурс в донской периодической печати, а также в центральных изданиях, затрагивавших казачий вопрос, в правление атамана Ф. Ф. Таубе приобрел, таким образом, легко узнаваемые очертания. Казаки признавались единственными законными хозяевами донских земель, право на которые подкреплялось как их историческими заслугами (отвоение этих земель у татар, а также участие донцов в многочисленных войнах на других территориях в составе русской армии), так и юридически, посредством апелляции к царским грамотам XVIII в. Успехами на полях сражений, а также ролью донцов в поддержании внутреннего порядка и подавлении революционного движения аргументировалась необходимость сохранения казачества как военно-служилого сословия. В свою очередь, это подразумевало ряд мер по поддержанию необходимых условий для исполнения казаками своих сословных функций: сохранения земельного довольствия рядового казачества, воспитания новых поколений в «казацьем духе», а также местного самоуправления на основе старинного казачьего круга, не допускающего иногородних и инородцев к решению внутренних вопросов.

Ясным становился и «образ врага»: это иногородние, крестьяне и инородцы, захватывающие «исконно казачьи» земли и «благоденствующие» на них. Более того, в таком контексте именно «неблагодарные» иногородние, особенно инородцы — евреи, армяне, поляки и «хохлы», желая еще больше «пить кровь» казаков и русских, попытались устроить революцию. Когда же донцы разогнали «революционные толпы», инородцы решили отомстить и уничтожить казачество, воздействуя на него через органы государственной власти. В этом им стали помогать «отщепенцы», потерявшие всякую связь с донцами и только по ошибке называемые казаками. Донское дворянство, экономически заинтересованное в сотрудничестве с крестьянством и инородцами, воспользовавшись тем, что «цвет донского общества» из-за военной службы не может участвовать в выборах, обманом и подкупом провело своих кандидатов в Государственную думу и Государственный совет, где те стали лоббировать «вредные» для донского казачества законопроекты, в первую очередь о введении всесословного земства.

Таковы основные конструкты сформировавшегося в 1909–1911 гг. консервативного дискурса. Но здесь следует сделать два замечания.

³³⁴ Там же.

Во-первых, похожие идеи имели хождение и раньше, ксенофобия по отношению к иногородним вообще была характерной чертой казаков, представление о казачестве как военно-служилом сословии тоже возникло достаточно давно. Однако в данном случае важно еще и то, что эти конструкты вкупе в новыми, выкристаллизовавшимися уже при атамане Ф. Ф. Таубе, стали частью массового печатного дискурса, приобретающего черты политической программы³³⁵. Во-вторых, очевидно, что далеко не все элементы консервативного дискурса непосредственно связаны с личностью Ф. Ф. Таубе, но, так или иначе, их появление связано с его деятельностью в качестве атамана Войска Донского. Правая печать либо прямо апеллировала к авторитету Ф. Ф. Таубе, либо заимствовала те или иные идеологемы, не ссылаясь на атамана, либо выводила их из обсуждения различных вопросов, возникавших в связи с информационными поводами, которые давало его правление. Кроме того, главное периодическое издание на территории Донской области, «Донские областные ведомости», являлось официозом местной администрации, назначение главного редактора непосредственно зависело от воли донского атамана, который, таким образом, во многом мог влиять и на содержание газеты. Когда Ф. Ф. Таубе прибыл на Дон, то не стал вмешиваться в работу редакции, так как ее глава, Х. И. Попов, судя по всему, вполне его устраивал. Иначе говоря, на протяжении всего атаманства Ф. Ф. Таубе «Донские ведомости» оказывали поддержку курсу атамана, предоставляя идеологическое обоснование его мероприятий.

Последним информационным поводом, вызвавшим появление ряда публикаций, стала смерть Ф. Ф. Таубе. Неожиданно обнаружилось, что среди правых у него были и противники. Х. И. Попов получил совершенно германофобское письмо от некоего «постоянного читателя Ведомостей», который писал: «50 лет проживши на свете вдруг прочитать такую вещь в Донской Газете, будто покойный барон Таубе был порядочный человек. Ведь все же знают, что это был самый ловкий немец-еретик, при том остзейский — ГЛАВНЫЙ КАЗАЧИЙ ВРАГ [так в тексте. — Б. К.]. Проклятые немцы — они забрались не только в Петербург к Трону, но как зараза лезут во все щели народной

³³⁵ Часть обозначенных идеологем уже применялась СРН для привлечения в свои ряды казаков. В частности, использовались сюжеты военных подвигов казачества («Предки ваши, нескончаемую боевою жизнью своею, стоя на грани Всей Руси, кровью своею обогрели: горы, поля и долины»), враждебности инородцев и верности казаков престолу («Оттого-то и подаются голоса во всех жидами закупленных газетах о поголовном выселении казаков в Азию <...> чтобы свести с лица земли, покоренной предками казаков, истинных слуг Государевых»), а также апелляция к царским грамотам («[земля] укреплялась Высочайшими грамотами за завоевателями казаками»). См.: Союз Русского Народа. Славному казачеству. СПб., 1906.

жизни — теперь на погибель казаков прислали барона — всякой сволочи было много, не хватало барона казакам [подчеркнуто Х. И. Поповым (?)] — Б. К.]»³³⁶.

Конечно, это не в меру ксенофобское письмо «читателя» не попало на страницы «Донских ведомостей», общий тон которых не позволял усомниться в том, что «правый Дон» потерял своего лидера. «Мир праху твоему, неутомимый, честный и бескорыстный труженик, так горячо любивший от полноты сердца Дон и казачество, так свято хранивший заветы его славного прошлого, сумевший так чутко разгадать его идеалы и призвание, отдавший ему все свои силы, здоровье и самую жизнь»³³⁷, — писал в некрологе Ф. Ф. Таубе Х. И. Попов, который, таким образом, даже смерть атамана, никак не связанную с его работой, преподносил как жертву, принесенную покойным на благо казачества. Конечно, смерть такого преданного Дону человека представлялась невосполнимой утратой: «Беспощадная смерть безжалостною рукою вырвала у нас жизнь человека, которого Дон успел горячо полюбить, к которому так сильно привязались здесь, которого успели уже оценить по достоинству, с именем которого было связано столько казачьих надежд, упований и уверенности»³³⁸. Отмечая его заслуги в обеспечении материального и морального благополучия казачества, редактор «Донских ведомостей» сокрушался, что «покойный не дожил до осуществления проекта казачьего земства, нового городского положения, реформы воспитания и образования казачьей молодежи на началах строго патриотических и национально-бытовых»³³⁹. Практически сразу же появилось и стихотворение «Памяти Войскового Наказного Атамана Барона Ф. Ф. Таубе», художественные качества которого, увы, соответствовали поспешности его написания. Автор сокрушался: «Ударил час, и вдруг свершился / Удел судьбины роковой: / На век от нас переселился / Ты в вечный, лучший мир иной»; и также отмечал заслуги Таубе перед Доном: «Немного ты здесь краем правил, / Но много сделал для станиц, / И в нашей памяти оставил / Черту благую средь страниц»³⁴⁰.

Решение похоронить Ф. Ф. Таубе за пределами Войска Донского совершенно не устраивало его почитателей, а потому самому Таубе приписывали желание быть похороненным именно на Дону (хотя вряд ли успешно продвигавшийся по карьерной лестнице Ф. Ф. Таубе

³³⁶ ГАРО. Ф. 55. Д. 675 (Статья на смерть барона Таубе). Л. 1.

³³⁷ Донские областные ведомости. 24 февраля 1911. № 43.

³³⁸ Памяти Барона Ф. Ф. Таубе // Там же. 25 февраля 1911. № 44.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Шестаков Ф. И. Памяти Войскового Наказного Атамана Барона Ф. Ф. Таубе // Там же. 26 февраля 1911. № 45.

думал закончить свои дни на посту казачьего атамана, пусть даже и старейшего войска), тем более что заодно решалось и недоразумение с его религиозной принадлежностью: «А покойный мечтал долго пожить на Дону, мечтал, умирая, быть здесь же похороненным, чтобы и его прах покоился наряду с другими атаманами Дона в кафедральном соборе [Новочеркаска. — Б. К.]. Будучи искренно преданным православию, он всегда так хотел быть погребенным здесь по православному обряду и, расставаясь с жизнью, оставил этот завет своей семье»³⁴¹. Память об умершем и уважение к его семье, конечно, должны были убедить читателя в необходимости похоронить Ф. Ф. Таубе в Новочеркасске. Только автор, а это, вероятно, был Х. И. Попов, скорее, выдавал желаемое за действительное, так как маловероятно, чтобы Ф. Ф. Таубе, далеко еще не старый человек (он умер в 53 года), серьезно размышлял о том, как его будут хоронить, и делал какие-то распоряжения на этот счет. А если бы в последние часы жизни он все же захотел перейти в православие, вряд ли кто-нибудь стал этому препятствовать. Вопрос о месте похорон был решен не в пользу почитателей Ф. Ф. Таубе, и «бесконечные вопросы многотысячной массы народа, почему увозят прах Атамана с Тихого Дона на далекий Север, почему и после смерти он не остался среди казаков, которым он принадлежит по праву, остались без ответа неразгаданными»³⁴².

Интересно, что и смерть Ф. Ф. Таубе попытались использовать с целью добиться от верховной власти продолжения намеченного покойным курса. Всеподданнейшая телеграмма казаков отдавала дань памяти атаману: «Он первый приободрил упавший дух казачества, приниженный современными деяниями и реформами прежних лет, явно направленными к приведению общественного строя казаков к общему в Империи уровню, а следовательно и уничтожению казачества — этой вековой твердыни, покоящейся на исторически сложившихся особенных формах и порядках общежития. Он вдохнул в нас твердую надежду, что в грядущих краевых реформах, устраивающих быт пришлых на Дону людей, не будут пренебрежены справедливые интересы казачьей общины и не будут также нарушены ее исконные права, утверждающиеся на государственных законах и Царских грамотах»³⁴³. Уже в этом коротком отрывке виден целый ряд идеологем, следующий здесь сразу за похвалами Ф. Ф. Таубе: и протест против возможного превращения Войска Донского в обычную губернию, идущий еще с 1860–1870-х гг., и отстаивание специфического уклада

³⁴¹ Донские областные ведомости. 27 февраля 1911. № 46.

³⁴² Там же. 1 марта 1911. № 47.

³⁴³ Всеподданнейшая телеграмма казаков (от собрания казаков Войска Донского) // Там же. 12 марта 1911. № 57.

казацкой жизни, и противодействие «пришлым людям», и апелляция к «исконным правам» со ссылкой на «Царские грамоты». Далее авторы телеграммы указывали, в чем именно они видят угрозу казачеству, присоединяясь к критикам проекта введения земства от оппозиции: «недальновидные люди, противники самобытного общественного строя казаков, напрягают все силы к введению в войске всесословного земства на общих основаниях, а в войсковом городе Новочеркасске также всесословного городского общественного самоуправления. В наших глазах эти нововведения есть не что иное, как замаскированные подводные камни, о которые неизбежно должен разбиться и безвозвратно погибнуть казачий корабль»³⁴⁴. Конечно, «при таких условиях казаки будут быстро поставлены в невозможность нести для Тебя, Государь, и Отчества службу»³⁴⁵, предостерегали составители телеграммы верховную власть от невнимания к проблемам казачества. Лишь в конце текста вновь упоминался виновник послания: «Искренно скорбя о потере данного Тобю, Государь, нам атамана, на которого мы возлагали все свои надежды, мы признали наилучшим способом достойно почтить его память, высказать тебе, Государь, то, чем был для нас покойный Федор Федорович, и что мы все в лице его потеряли»³⁴⁶. То есть личность умершего атамана в каком-то смысле сакрализировала требования казаков, придавая им характер завещания барона Таубе, выполнение которого становилось священной обязанностью.

«Еще долго Дон будет переживать идеи, посеянные покойным»³⁴⁷, — писал в одной из своих редакционных статей Х. И. Попов и был прав, по крайней мере, в отношении «правого Дона» предвоенных лет. С популяризацией и ростом националистического движения в важнейших городах Донской области общий консервативный дискурс постепенно перешел в специфически националистический, который в качестве преконструктов заимствовал идеологемы, оформившиеся и эксплуатировавшиеся в 1909–1911 гг.

И все же почему «иконой» казачьего национализма стал именно Таубе? Ведь, скажем, П. И. Мищенко, сменивший его на посту войскового наказного атамана, казалось, больше подходил на эту роль. На протяжении большей части своей военной карьеры он командовал различными казачьими частями, а в ходе русско-японской войны был одним из немногих российских полководцев, снискавших себе доброе имя, и считался боевым генералом. «Срам и позор донцам, если оста-

³⁴⁴ Там же.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Там же. 27 февраля 1911. № 46.

нутся равнодушны к лицу единственному прославившемуся в битве японцев — героя, ныне нашего атамана»³⁴⁸, — писал Х. И. Полюву его постоянный респондент Ф. К. Траилин. Но его опасения были напрасны. Назначение Мищенко было восторженно встречено правыми, что видно уже во всеподданнейшей телеграмме казаков, составленной по случаю смерти Ф. Ф. Таубе: «Сегодня телеграф принес нам весть о назначении к нам атаманом героя минувшей войны, генерала *Мищенко*. С восторгом приветствуем это назначение, как знак особой милости твоей к нам, донцам, знающим этого генерала по военным подвигам и полюбившим его еще на кровопролитных полях Манчжурии»³⁴⁹. Сдержанный энтузиазм проявил и М. О. Меньшиков: «В качестве главного атамана донских казаков ген. Мищенко, надо думать, поднимет несколько упавший знаменитый орден»³⁵⁰. Прочувственную речь по случаю прибытия П. И. Мищенко в Новочеркасск произнес епископ Гермоген, причем в данном случае он выступал не столько как лицо, облеченное духовным саном, сколько как представитель казачьего сословия: «Как же нам не радоваться, как не ликовать при мысли о том, что <...> в качестве <...> начальника атамана-отца призывается славный витязь, богатырь герой, доблестными подвигами своими на поле бранном стяжавший в сердцах народа русского неизгладимую память. Атаман! Я донской казак, и мне ведомо, какую глубокою радостью всколыхнулась грудь казацкая молодецкая, когда впервые от Престола Царского донеслась до нас весть о твоём назначении Войсковым Атаманом Донским»³⁵¹. Однако эйфория первых дней после назначения П. И. Мищенко скоро закончилась, новых поводов для привлечения повышенного внимания к своей персоне он не давал, и его отъезд после полутора лет управления на Дону остался почти не замеченным в националистической печати, гораздо больше увлеченной предвыборной кампанией³⁵².

Выбор националистами Дона Ф. Ф. Таубе в качестве своеобразного знамени можно объяснить несколькими обстоятельствами. Если попытаться определить специфику правления Ф. Ф. Таубе согласно

³⁴⁸ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1027. Л. 27 — 27об.

³⁴⁹ Всеподданнейшая телеграмма казаков.

³⁵⁰ Меньшиков М.О. Крупные люди // Письма к ближним. СПб., 1911. С. 192.

³⁵¹ Речь епископа Гермогена, vicария Донской епархии на встрече П. И. Мищенко в Новочеркасском кафедральном соборе 26 марта 1911 года // Донские областные ведомости. 29 марта 1911. № 70.

³⁵² В последующем П. И. Мищенко в ходе Первой мировой войны командовал 2-м Кавказским армейским и 31-м армейским корпусами. После Февральской революции уволен с военной службы. В 1918 г., когда в его доме представителями советской власти был произведен обыск и конфискованы погоны и боевые награды, покончил с собой.

Атаман Войска Донского генерал П. И. Мищенко.

классификации, предложенной К. Мацузато³⁵³, то можно назвать его «генералом-политиком» (хотя к атаманской власти, отличной от власти генерал-губернаторов, термин может быть применен с высокой степенью условности): Донская область не относилась к «внутренним губерниям» Империи, «политический» характер носили даже хозяйственные мероприятия атаманской администрации, а в целом ее действия обладали хотя и слабым, но демократизирующим эффектом. Прекрасно подходил на роль «генерал-политика» и сам Ф. Ф. Таубе — жесткий политик и искушенный конструктивист, обладавший харизмой и умевший выступать на публике³⁵⁴. Возможно, этому способствовало его происхождение из прибалтийских немцев и воспринятая от них культура косвенного управления через местную элиту. В то же время затруднительным представляется применение аналитического конструкта, выдвинутого Мацузато, в полном его объеме, то есть вряд ли можно говорить о Ф. Ф. Таубе как о «генерале-этнополитике». В пределах Войска Донского не было традиционных народов — «уважаемых врагов»³⁵⁵, против которых атаману следовало направлять свои действия в первую очередь. Коренным населением этой территории считались казаки, остававшиеся в глазах властей, вопреки мнению казачьих националистов, только особым сословием, которое, между прочим, можно было использовать и в целях колонизации новых земель³⁵⁶. Главными конкурентами донских казаков были так называемые иногородние, в основной своей массе крестьяне, выходцы из «внутренних губерний» России. В результате в Донской области складывалась парадоксальная ситуация: такой, обычно «желательный», элемент, как русские (в том числе переселявшиеся сюда в большом количестве малороссы-«хохлы»), превращались в нежелательных «уважаемых врагов», от которых следовало защищать другой «желательный элемент» — казаков.

В таких обстоятельствах на первый план выходил не столько этнический, сколько сословный вопрос, стоявший в начале XX в. следующим образом: нужно ли России казачество как военно-служилое

³⁵³ К. Мацузато. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. и сост.: И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Мозильнер, А. Семенов. Казань, 2004. С. 427–458.

³⁵⁴ Там же. С. 455.

³⁵⁵ Еврейские и армянские общины Ростова-на-Дону и Таганрога ввиду особого статуса этих городов нельзя было считать действительной угрозой прочности положения Империи на Дону.

³⁵⁶ О свойствах казаков как колонизаторов см.: Ремнев А., Суворова Н. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // *Ab Imperio*. 2008. № 2. С. 157–222.

сословие? Военное министерство, в ведении которого находились казачьи войска, отвечало на этот вопрос утвердительно и, учитывая возрастающую активность сторонников либеральных преобразований в Донской области, в том числе передачи контроля над ней МВД, вынуждено было предпринимать ответные меры, заключавшиеся в закреплении сословного статуса казачества с одновременной адаптацией его к новым социально-экономическим условиям. Мероприятия, предпринятые донской администрацией в период атаманства Ф. Ф. Таубе, были, таким образом, последовательным исполнением общего курса, намеченным Военным министерством. В этих условиях консервативно настроенная часть донской общественности, представители которой также стремились сохранить казачество как сословие, неизбежно становилась союзником атамана, благодаря чему Ф. Ф. Таубе, не упуская случая подыграть ксенофобским настроениям, получил мощную идеологическую поддержку и выступил в роли харизматического лидера «правого Дона».

Именно при нем были проведены мероприятия, жизненно важные, с точки зрения правых, для казачества. Тому же П. И. Мищенко оставалось только констатировать правильность принятых решений: «Прочитав отчет о бывшем в 1909 году Войсковом Советании по распределению земельного запаса для наделения казаков малоземельных станиц с сохранением в то же время крупного запаса для будущего поколения и принятием мер для наращивания войсковой земли, я проникся сознанием мудрости решений, принятых Войсковым Кругом и утвержденных уже Государем Императором. Порадовала меня также передача всего распорядка земельным фондом и капиталами этого фонда в ведение войскового и окружных земельных советов, организованных на выборном начале». Собственные действия П. И. Мищенко на посту донского атамана, в частности реформирование системы образования, также совершались по намеченному ранее пути: «Святой долг школы привить юношеству нравственные основы, построив их на примерах исторической доблести и самоотверженности Донцов, стяжавших в долгие века своего существования неуязвимую славу»³⁵⁷. То же касается и области коммеморации: перенос праха донских героев, как уже писалось выше, был задуман и практически подготовлен в период правления Ф. Ф. Таубе, а идею П. И. Мищенко открыть в ОвД отдел Императорского Русского военно-исторического общества можно рассматривать как продолжение планов Ф. Ф. Таубе по написанию истории донского казачества. То есть программа

³⁵⁷ Речь П. И. Мищенко перед представителями войсковых частей, войсковых управлений, учреждений и заведений 27 марта 1911 года // Донские областные ведомости. 29 марта 1911. № 70.

действий, легшая в основу националистической идеологии, была в общих чертах намечена и частично реализована именно в 1909–1911 гг. Как следствие, это привело к тому, что основные конструкты собственно националистической идеологии также оформились при атамане Ф. Ф. Таубе в рамках общего консервативного дискурса. Наконец, сам Ф. Ф. Таубе, ставший благодаря своей политике и стилю поведения харизматическим лидером «правого Дона», занимал одно из ведущих мест в пропагандистских текстах. Иными словами, националистический дискурс заимствовал из предшествующего ему общеконсервативного дискурса вместе с другими идеологемами и почитание личности Ф. Ф. Таубе.

Национальные программы «группы Холмского» и «Донского союза националистов»³⁵⁸

Националистический проект, впрочем, как и любой другой политический проект, не может существовать без программы конкретных действий, которые должны улучшить положение общества, в нашем случае представляющего предполагаемую нацию казаков. Организация особой «казачьей партии» С. А. Холмским и его сторонниками в преддверии выборов в IV Государственную думу обусловила еще бóльшую актуальность выработки такой программы, которую можно было бы транслировать для привлечения избирателей на свою сторону. Она должна была быть достаточно умеренной и не отражать всех требований националистического проекта прежде всего по политическим мотивам, среди которых на первом месте: предполагавшееся сотрудничество с ВНС, стремление избежать обвинений в сепаратизме и представить «казачью партию» как партию, борющуюся исключительно за экономическое благополучие казачества. Главным создателем программы, безусловно, был сам С. А. Холмский, именно в его

³⁵⁸ Частично опубликовано ранее. См.: Корниенко Б. С. Идеология казачьего национализма в начале XX века: анализ программы «группы Холмского» // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 10. Ставрополь, Пятигорск, 2008. С. 105–123.

статьях появлялись различные варианты такого текста. В то же время ее рождение предварялось целым рядом публикаций по вопросам, нашедшим в дальнейшем отражение в программе. Среди наиболее активных авторов «Голоса казачества» можно отметить В. Пузанова, П. Рвачева, П. Скачкова, а также публициста, скрывавшегося под псевдонимом «А. Г.»³⁵⁹ Таким образом, можно говорить о редакторе-издателе журнала как о выразителе мнения круга активистов, входивших в «группу Холмского»³⁶⁰.

Первым шагом на пути создания собственно программы стало обозначение «главных задач» будущей партии в № 24 «Голоса казачества» от 18 марта 1912:

«У нас [у «казачьей партии». — Б. К.] три главных задачи:

- 1) Поднять материальное состояние казачества на высоту зажиточности.
- 2) Развить казачье самосознание путем образования и культуры до крайних пределов.
- 3) Во что бы то ни стало сохранить в неприкосновенности боевую казачью силу [курсив мой. — Б. К.], возродить идеи казачества и слить его в единую кровную семью»³⁶¹.

Вопрос о сохранении «боевой казачьей силы» возник еще в 60-х гг. XIX в., когда под руководством Д. А. Милютина осуществлялась военная реформа, вызвавшая подозрения «казакоманов» в отношении Военного министерства. Они опасались, что преобразования будут направлены на «рассказачивание» и превращение ОвД во внутреннюю губернию России под предлогом военной несостоятельности служилого сословия казаков³⁶². С течением времени страх перед грядущим

³⁵⁹ Пузанов В. Землевладение Донцов // Голос казачества. 23 ноября 1911. № 8. Рвачев П. К вопросу о выходе из общины // Там же. 23 ноября 1911. № 8. Скачков П. Военное воспитание школьной казачьей молодежи // Там же. 23 января 1912. № 16. 12 марта 1912. № 23. «А. Г.» Быть ли земельной общине на Дону? // Там же. 1 октября 1911. № 1. 8 октября 1911. № 2.

³⁶⁰ Сам С. А. Холмский в примечании ко второму варианту программы, уже после отказа от организации «казачьей партии», писал по поводу авторства, что она выработана им самим «при содействии и помощи уважаемых казаков общественных деятелей» и одобрена «казаками станичниками, внесшими лишь незначительные поправки». См.: Холмский С. Предполагаемая программа Думской казачьей группы...

³⁶¹ С. Азб. [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 18 марта 1912. № 24.

³⁶² Самарина Н. В. Реформы 60–70-х годов XIX в. на Дону и казачество // Юго-Восток России в XIX — нач. XX в. Ростов-н/Д., 1994; Топчий А. Т. Буржуазные реформы 60–80-х гг. XIX в. и проблемы казачества России // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов-н/Д., 1995. Следует уточнить, что в 1860-е гг. реформы носили не столько военный, сколько гражданский характер и были направлены преимущественно на развитие гражданского быта казачьих войск и слияние их с прочим населением». Только в 1870-х гг. министерство Д. А. Милютина, под воздействием изучения опыта франко-прусской войны 1870–1871 гг., стало больше

«расказачиванием», превращением казаков в «мужиков» и реорганизацией ОВД в обычную губернию только возростал, чему способствовали кризисные явления, действительно поразившие донское казачество во второй половине XIX в. и усугубившиеся к началу XX в.

Таким образом, сохранение военной организации должно было представляться необходимым условием дальнейшего существования казачества как такового, что характерно для всего националистического проекта «группы Холмского». В этой связи задача «поднять материальное состояние казачества на высоту зажиточности» представляется подчиненной по отношению к идее «неприкосновенности боевой казачьей силы». В свою очередь, улучшение материального состояния во многом предполагалось осуществить за счет «образования и культуры до крайних пределов», которые должны были повысить производительность труда казаков и увеличить доходность их паев. Такая конфигурация взаимозависимости «главных задач», когда на первом месте оказывается «боевая сила», подчеркивающая сословный статус, не типична для большинства идеологий национализма и позволяет говорить о своеобразном «синдроме сословности», наделяющем проект «группы Холмского» определенной спецификой³⁶³.

Следует признать, что «главные задачи» сформулированы довольно размыто. Остается неясным, что подразумевается под словами «казачьи идеи», а также почему задача «слить казачество в единую кровную семью» не выделена отдельным пунктом, а соседствует с «боевой казачьей силой».

В этой же статье редактор-издатель «Голоса казачества» попытался довольно оригинально определить место будущей «казачьей партии» в ряду прочих. В вымышленном диалоге с возможными недоброжелателями он обозначил совершенно особое ее положение среди политических партий того времени:

- «— Вы правые?
- Нет.
- Левые?
- Спаси Бог!
- Средние?
- Ничего подобного.
- Да кто же вы?
- Казаки.
- Значит, вы беспартийны?

уделять внимания собственно военному развитию казачьих войск. См.: Волвенко А. А. Формирование и эволюция правительственного курса в отношении казачьих войск Юга России в конце 50-х — нач. 70 гг. XIX века...

³⁶³ Подробнее см. в Гл. II, § 5.

— Ни в коем случае. Мы партия, и партия казачья. Нас объединяют казачьи надежды и воспоминания»³⁶⁴.

В данном случае интересен отказ признать себя правыми, хотя сам принцип организации по «национальному» принципу говорит скорее об обратном. Возможно, под правыми автор подразумевал только черносотенцев, и в таком случае причины отказа становятся вполне ясными. Однако более вероятной причиной такого пропагандистского хода скорее было стремление С. А. Холмского показать, что будущей «казачьей партии» чужды какие-либо «политические игры» и в Государственной думе нового созыва она будет заниматься исключительно казачьими вопросами.

Собственно программа была сформулирована в очередной публикации С. А. Холмского уже в следующем номере «Голоса казачества»³⁶⁵. Ее текст предварялся рассуждениями автора о том, какой характер она должна носить: «программу необходимо составить отвечающую, с одной стороны, жизни и требованиям *прогресса*, а с другой стороны, ни на волос не отступающую от главных заветов казачества: *преданности Царю, братства и равенства в гражданской жизни* [курсив мой. — Б. К.]»³⁶⁶.

Как видно из текста, автор апеллирует к идеям «прогресса», «гражданской жизни», а также известной еще со времен Великой Французской революции триаде, в которой место «свободы» отдано «преданности Царю», что вполне характерно для националистического дискурса межреволюционного периода. Иначе говоря, по замыслу автора, программа «казачьей партии» должна была быть написана на языке националистов, в общем с идеологией ВНС русле. Однако на деле составленная С. А. Холмским программа не нашла понимания у руководства русских националистов.

Она включала в себя шесть пунктов, из которых первые два касались общероссийских вопросов религии и государственного строя, а оставшиеся четыре — собственно казачьих вопросов, таких как устройство местного самоуправления, земельное обеспечение казачества, организация специфически казачьего образования и несение донцами военной службы.

По вопросу о религии С. А. Холмский выразил мнение, полностью совпадавшее с официальной позицией ВНС: «Русский народ хозяин государства, следовательно, и православие должно почитаться за религию **Государственную** [жирный шрифт автора. — Б. К.], т. е. закон,

³⁶⁴ С. Азъ. [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 18 марта 1912. № 24.

³⁶⁵ С. Азъ. [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 25 марта 1912. № 25.

³⁶⁶ Там же.

относиться с равным уважением ко всем религиям, должен православие брать под особую в исключительных случаях защиту»³⁶⁷.

Интересно, что в данном случае казачий националист С. А. Холмский обосновывает государственный статус православной религии через апелляцию к конфессиональной принадлежности вовсе не казачества, а «русского народа», что свидетельствует о колеблющейся идентичности автора, своеобразной «болезни роста» казачьего национализма³⁶⁸.

Взгляды С. А. Холмского на вопрос о государственном строе также совпадают с официальной позицией ВНС, выраженной во втором пункте программы русских националистов: «Незыблемость представительного образа правления. Законодательная власть Самодержавного Царя в единении с Государственной Думою и Государственным Советом. Наблюдение законодательных учреждений за законностью действий правительства»³⁶⁹. Это положение было закреплено и в предвыборной программе русских националистов, принятой на первом всероссийском съезде представителей ВНС в Санкт-Петербурге в феврале 1912 г.: «Всероссийский национальный союз, признавая народное представительство, дарованное нашим Государем, величайшим и необходимым благом, считает выборы в 4-ю Государственную Думу событием чрезвычайной важности для русского народа»³⁷⁰.

Текст программы «казачьей партии» гласит: «нормальная жизнь в Государстве возможна лишь при теснейшем единении Царя со своими подданными посредством народных депутатов. Только тогда мир и правда расцветут на Святой Руси»³⁷¹. Такая формулировка во многом созвучна с текстом пункта «в» Устава ВНС 1911 г., объявлявшего целью союза «упрочение русской государственности на началах самодержавной власти Царя в единении с законодательным народным представительством»³⁷².

Таким образом, в обеих программах лучшим государственным строем признается монархия с народным представительством, то есть существовавший на тот момент порядок вещей. И в этом случае мы видим апелляцию вовсе не к «Тихому Дону», а к «Святой Руси», что, впрочем, может свидетельствовать лишь о желании упредить возможные обвинения в сепаратизме, и тогда употребление подобных идеологических конструктов являлось тактическим шагом «группы Холм-

³⁶⁷ С. Азъ. [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 25 марта 1912. № 25.

³⁶⁸ Подробнее см. Гл. II, § 5.

³⁶⁹ Программа Всероссийского Национального Союза. Одесса, 1912.

³⁷⁰ Предвыборная программа русских националистов // Окраины России. 3 марта 1912. № 9.

³⁷¹ С. Азъ. [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 25 марта 1912. № 25.

³⁷² Устав Всероссийского Национального Союза. СПб., 1912. С. 1.

ского». Но вероятнее, что предполагаемые «уступки» программы и в самом деле являются отражением специфики всей идеологии данного националистического проекта, включающей в себя идею «славянства»³⁷³.

Третий пункт программы «казачьей партии», касающийся местного самоуправления, уже значительно отличается от установок ВНС. Вместо общероссийского института земства автор предлагает учредить самоуправление по традиционному для казачества принципу круга, выстраивая следующую пирамиду: хуторские круги — станичные круги — окружные круги — войсковой круг. При этом круги должны были заниматься решением исключительно хозяйственных вопросов, а иногородним разрешалось бы «земство» с совещательным голосом на окружном и войсковом кругах³⁷⁴.

Казачья специфика, отличающая проект «группы Холмского» от позиции ВНС, еще более заметна, когда автор программы «казачьей партии» обращается к вопросу о земле. Он отстаивает исключительное право Войска на всю землю. Те земли, которые перешли частным лицам или иногородним, по его мнению, подлежат выкупу. Кроме того, должен быть установлен «раз и навсегда» размер пая в 15 десятин³⁷⁵, а «излишки» населения нужно переселять на новые места за счет войсковой казны.

По вопросу об образовании программа С. А. Холмского может быть условно разделена на две части: собственно казачью и общероссийскую, заимствованную из программы русских националистов. Глава «Голоса казачества» предлагал предназначенную только для детей казаков систему обучения с 9 до 16 лет при обязательном преподавании на всех ее уровнях гимнастики, строя, истории и географии, а также верховой езды. Обучение должно было проходить в три этапа: хуторские курсы — станичные военные школы — станично-хозяйственные школы/станично-ремесленные школы³⁷⁶. То есть последняя стадия обучения вполне согласуется с предвыборной программой ВНС, предлагавшей «широкое содействие развитию низшего ремесленного, технического и сельскохозяйственного образования»³⁷⁷.

³⁷³ См. Гл. II, § 4.

³⁷⁴ С. Азб. [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 25 марта 1912. № 25.

³⁷⁵ По «Положению об управлении Донского Войска» 1835 г., рядовому казаку полагался пай в размере 30 десятин. К 1916 г. средний размер пая уменьшился до 12,8 десятин. Для сравнения: на одну крестьянскую душу мужского пола в том же 1916 г. крестьянской надельной земли приходилось около 1,25 десятины (1 десятина = 1,09254 га).

³⁷⁶ С. Азб. [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 25 марта 1912. № 25.

³⁷⁷ Предвыборная программа русских националистов // Окраины России. 3 марта 1912. № 9.

Говоря о военной службе донских казаков, «С. Азъ» не внес каких-то конкретных предложений, выразив вместо этого убеждение в том, что «с соблюдением вышеуказанных условий “справа” [т. е. снаряжение донцов на службу за собственный счет. — Б. К.] составит не обузу, а национальную гордость казачьего сословия, видящего в своей боевой мощи залог гражданского расцвета и успехов в культурных начинаниях»³⁷⁸.

Среди задач ВНС, сформулированных в предвыборной программе, перепечатанной в том числе и в «Голосе казачества»³⁷⁹, имелся и антисемитский пункт: «Недопущение какого бы ни было расширения прав евреев. Пересмотр законов в целях более действительной борьбы с еврейством». Антисемитизм являлся характерной чертой идеологии ВНС. Это утверждение справедливо и для проекта «группы Холмского». Однако в программе «казачьей партии» борьбе с «еврейством» места не нашлось. Скорее всего, причиной отхода от одной из доминирующих идеологием, а точнее ее замалчивания, была все та же подчеркнутая аполитичность партии, которая, как декларировали ее создатели, должна была заниматься исключительно казачьими вопросами.

Как уже указывалось выше, программа «казачьей партии» не нашла сторонников в ВНС. Между «группой Холмского» и русскими националистами возникли серьезные противоречия. В итоге руководство ВНС решило опереться на созданный в Новочеркасске ДСН, который фактически и стал региональным отделом русских националистов вместо несостоявшейся «казачьей партии».

Тем не менее «группа Холмского» не отказалась от идеи продвижения в Государственную думу своих сторонников и выступила за создание внутри Думы самостоятельной «Думской казачьей группы». Именно для этой группы С. А. Холмский разработал наиболее подробный и четкий вариант программы.

Ее текст, помещенный в одном из сентябрьских номеров «Голоса казачества»³⁸⁰, предварялся обоснованием необходимости организации такой особой группы: «Кзаки, имеющие свой обособленный уклад жизни, представляя с своего основания военную общину, служба которой ЦАРИЮ [так в тексте. — Б. К.] и Отечеству зиждется на особых началах, естественно, наряду с вопросами, касающимися общегосударственных нужд Российской Империи, как граждане этой последней, в то же время не могут не желать отстаивать проведение

³⁷⁸ Предвыборная программа русских националистов // Окраины России. 3 марта 1912. № 9.

³⁷⁹ Главный Совет. Всероссийский национальный союз. Русским избирателям // Там же. 29 июля 1912. № 35.

³⁸⁰ Холмский С. Предполагаемая программа Думской казачьей группы...

через государственные учреждения особых, касающихся исключительно своих нужд, казачьих вопросов, а потому, казачеству, для отстаивания этих своих интересов, необходимо сформировать из своих представителей близкую себе, свою особую казачью группу».

В отличие от первого варианта новая программа была более сложно структурирована. Она также состояла из шести главных разделов, однако каждый из них подразделялся на подпункты. На этот раз вопросы общегосударственного значения были вынесены в конец программы под заглавием «общие вопросы». Структура раздела повторяла лозунг «За Веру, Царя и Отечество», характерный в первую очередь для черносотенных организаций³⁸¹. Если пункт «Вера» в общем повторял текст соответствующего места из программы «казачьей партии», то следующие два пункта стали существенными дополнениями, своеобразным концентрированным изложением идеологии казачьего национализма, его «символом веры».

Пункт «Царь» в одном предложении содержал сразу несколько важных идеологем. Во-первых, общее для правых партий начала XX в. признание института монархии обязательным для России. Во-вторых, подчеркивание особой преданности императору именно казаков, готовых «защищать свою жизнь Трон Российских Монархов», как элемент «национального мифа». С одной стороны, этот миф утверждал особый характер отношений между казачеством и династией Романовых, с другой — подобную риторику можно оценить и как инструменталистское действие, направленное на достижение расположения со стороны имперских властей. В-третьих, апелляция к авторитету власти русских царей, «в целом ряде грамот выразивших казачеству свое отеческое о нем попечение», с целью подкрепить программные требования о закреплении за донцами всего земельного фонда ОВД.

Наконец, пункт «Отечество» содержал еще две идеологемы: устоявшийся в рамках националистического дискурса того времени конструкт «единой и неделимой» России, а также утверждение о необходимости «славянского [курсив мой. — Б. К.] национального направления во внутренней и внешней политиках Российского государства» как результат существующей проблемы в определении соотношения русского и казачьего населения.

Пункт, определяющий отношение казачьих националистов к институту Государственной думы, на этот раз не вошел в программу «Думской казачьей группы». Однако в абзаце, предваряющем изложе-

³⁸¹ Значительное «поправение» вообще характерно для предвыборной кампании националистов в 1912 г., что, судя по всему, связано с желанием привлечь на свою сторону более широкий круг избирателей.

ние «общих вопросов», ее автор уверил избирателей, что будущие депутаты от казачества следуют «заветам своего Державного Вождя, выраженным в манифесте 17 октября», то есть вновь подтвердил курс на «прогрессивное» развитие страны, невозможное без народного представительства. Что касается прочих «общих вопросов», то, согласно тексту программы, «казачья группа будет примыкать к существующим легальным организациям», сохраняя таким образом возможность все-таки наладить сотрудничество с лагерем умеренно правых.

Прочие пять разделов программы «Думской казачьей группы», к которым, помимо сохранившихся из предыдущего варианта, добавился пункт «о хозяйстве», касались непосредственно казачьих вопросов.

Вопрос «О земле» на этот раз занял в ней первое место. Первым пунктом вновь утверждалось исключительное право казаков на земли Войска Донского, основанное на «ВЫСОЧАЙШИХ [так в тексте. — Б. К.] грамотах, повелениях и указах». Минимальный размер земельного пая в новом варианте программы вырос с 15 до 20 десятин. Обеспечение казаков землей должно было осуществляться за счет мер, во многом повторявших решения Войскового собрания декабря 1909 г.: скупки частных земель, образования новых юртов и прекращения деятельности Крестьянского банка, а также путем выселения «излишков населения» на приобретенные за государственный счет земли. Предлагались и другие, менее значимые меры, призванные улучшить паевое довольствие казаков.

Следующий раздел «О хозяйстве», новый в программе казачьих националистов, включал ряд административно-хозяйственных решений, которые должны были, по замыслу автора, увеличить войсковой капитал. В частности, предлагалось перенести бремя расходов общегосударственного характера с войскового бюджета на казну, увеличить размер компенсации войсковому капиталу за отошедшие в доход казны питейные сборы, повысить вознаграждение Войску за пользование землями в Сальском округе Донской области частным коннозаводством, а в дальнейшем и вовсе его ликвидировать. Фактически эти меры должны были содействовать выделению независимого донского бюджета из общегосударственного и способствовать перенаправлению денежных потоков на удовлетворение собственно донских нужд. Среди этих нужд программа С. А. Холмского предполагала «всестороннее и широкое развитие добывающей и обрабатывающей промышленности в интересах казачества (на его землях) и более правильную постановку этого дела», впрочем, без указания конкретных путей решения этой задачи. Также отмечалась необходимость «широкого развития мелких кредитных товариществ и ссудо-сберегательных касс и упорядочения этого дела», что было общим местом в эко-

номической составляющей большинства националистических программ того времени³⁸².

Раздел «Об образовании» был расширен за счет включения пунктов о всеобщем обязательном начальном образовании, увеличении содержания и пенсий школьным учителям, а также о необходимости «проводить воспитание молодого казачьего поколения в духе воинских традиций казачества».

Раздел «О самоуправлении», состоявший всего из одного пункта, оказался более умеренным по сравнению с первым вариантом программы. Круг предполагался только общевоинской, в округах намечалась организация хозяйственных советов, в станицах должны были сохраниться станичные сборы, а хутора вообще не включались в эту систему. С. А. Холмский еще раз подчеркнул исключительно хозяйственный характер новых структур самоуправления. На этот раз автор умолчал о какой бы то ни было роли иногородних. Согласиться на равные с казаками права для них он, очевидно, не мог, а как-то ущемлять их интересы в программном документе не следовало ввиду возможных осложнений в отношениях с потенциальными политическими союзниками, в чем С. А. Холмский мог убедиться на собственном горьком опыте. Очевидно, поэтому он решил вовсе не касаться данной темы.

Раздел «О военной службе» был существенно изменен. Вместо общей декларации о том, что при соблюдении всех прочих мер служба для донцов перестанет быть им в тягость, составив «национальную гордость казачьего сословия», было предложено три пункта, первый из которых закреплял за казаками военно-сословный статус «с снаряжением на свой счет». Следующие два пункта носили конкретно-практический характер и были направлены на то, чтобы облегчить определенным категориям казаков исполнение воинской повинности.

Завершалась статья С. А. Холмского объяснениями, почему оказалось возможным обойтись без особой партии, ограничившись попыткой создания собственной думской фракции: «Из приведенного ясно каждому видно, что казачьи взгляды лишены какой-либо политической подкладки и всецело направлены только к улучшению экономического [еще раз подчеркивается аполитичный характер деятельности казачьих националистов. — Б. К.] существования казачества. И думается мне, что без образования какой-либо политической партии³⁸³, без ненужных воззваний и прокламаций, без какого бы то ни было политического ущерба своим интересам, без *“примыкания и оса-*

³⁸² См.: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 337–398.

³⁸³ Следует отметить, что нежелание признавать себя «политической партией» было характерно и для ВНС. См.: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 62.

живания” [возможно, имплицитное указание на несостоявшееся сотрудничество с ВНС, причем с негативной коннотацией в отношении последнего. — Б. К.], просто-напросто следует казакам выборщикам сплотиться между собой на почве высказанных взглядов и иметь главной задачей не политическое кривлянье с высоты думской кафедры и не прославление всевозможными путями своей личной персоны, а серьезную и спокойную работу на пользу и славу родного казачества».

Таким образом, разработка национальной программы «группой Холмского» прошла как минимум две стадии: стадию программы для так и не созданной «казачьей партии» и стадию программы для «Думской казачьей группы». Первая редакция, появившаяся в печати в мае 1912 г., представляла собой скорее заявление о намерениях, имея в своей структуре всего шесть пунктов, во многом декларативного содержания, причем без подразделения на общероссийские и специфически казачьи. В то же время содержание программы вызвало неприятие со стороны руководства ВНС, главного предполагаемого союзника будущей партии, «казачьим отделом» которого были согласны ее сделать собственными создателями. Это подтолкнуло «группу Холмского» к попытке создания в будущей Думе самостоятельной казачьей группы по результатам выборов без опоры на партийные структуры. Именно «Думская казачья группа» должна была, по замыслу казачьих националистов, бороться в новой Думе за реализацию программы, вторая редакция которой появилась на страницах «Голоса казачества» в сентябре 1912 г. Этот вариант был более детально разработан и четко структурирован, место декларативных заявлений заняли конкретные практические предложения. В то же время редакция «общих вопросов» «поправела», интегрировав лозунг «За Веру, Царя и Отечество», и приобрела большую идеологическую нагрузку как в смысле заимствования установок русского национализма, так и за счет включения идеологом национализма казачьего. Одновременно исчезли какие-либо упоминания об иногородних, оказавшихся камнем преткновения в переговорах между русскими и казачьими националистами. Видимо, умалчивали о них с целью сохранения возможности «примыкать к существующим легальным организациям», то есть к ВНС. Однако программа «Думской казачьей группы» не нашла исполнителей в составе новой Государственной думы.

Программа, предложенная С. А. Холмским, дополнялась публикациями на страницах «Голоса казачества», среди которых следует отметить статью автора, скрывавшегося под псевдонимом «А. Г.»³⁸⁴ Прежде всего автор постарался откrestиться от возможных обвинений в сепаратизме, а также возвращался к лозунгу «Дон для донцов», экс-

³⁸⁴ «А. Г.» Казачий национализм...

тримизм которого нивелировался путем его деполитизации: «Казачество, как идея, далеко не отжило еще свой век, и казачий “национализм”, как здоровое понятие, диктуется прямо-таки государственною точкою зрения, чуждою всякого намека на “сепаратизм”, в котором недавно еще вздумали, не без лукавства, обвинять “наши депутаты-кадеты” покойного Атамана Ф. Ф. Таубе за провозглашенный им в Войсковом Совещании экономический девиз: “Дон — для донцов”»³⁸⁵.

Далее «А. Г.» писал: «Как обывательский, так и государственный патриотизм, одинаково не мирится с положением, при котором у казаков отымается возможность быть служебно-исправными пред государством». Из этого пассажа очевидно, что, по мнению автора, казачество являлось военно-служилым сословием, необходимость которого обосновывалась государственными интересами. В свою очередь, это служило доводом в пользу особых прав донцов на землю в пределах Донской области: «Земля, добытая казаками и политая их кровью, должна переходить снова только к ним, а не к иногородним». В данном случае, впрочем, налицо повторение старой идеологии о праве завоевателя. В общем же статья «Казачий национализм» носила не столько программный, сколько агитационный характер.

В отличие от «группы Холмского» донские националисты не стали разрабатывать столь подробную программу улучшения жизни на Дону. Те или иные положения, которые члены ДСН считали необходимыми к исполнению, нашли свое частичное отражение в официальных документах этой организации, а также в различных публицистических статьях в периодике. Иначе говоря, донские националисты не создали единой национальной программы и отдельные ее положения оказались разбросанными среди многообразных по происхождению и статусу источников.

К официальным документам, в которых нашла отражение реконструируемая программа донских националистов, следует отнести устав и предвыборное воззвание ДСН. В уставе ДСН в качестве компонента национальной программы выделяются «задачи ДСН»³⁸⁶, практически полностью повторявшие аналогичный раздел в уставе ВНС и отводившие специфическим интересам казачества последнее место. Всего указывалось шесть задач, первой из которых была необходимость «содействовать господству русской народности в пределах Российской империи», четко указывавшая на то, что ДСН фактически презентировал себя как дочерняя организация русских националистов. Впрочем, очевидно, что эта «задача» носила декларативный характер, никаких конкретных путей, которыми она могла бы быть ре-

³⁸⁵ Там же.

³⁸⁶ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 681. Л. 1-2.

шена, не указывалось. То же самое можно сказать и об остальных четырех задачах, скопированных с устава ВНС: об укреплении сознания русского народного единства, устройстве русской бытовой самопомощи и развитии русской культуры, упрочении русской государственности «на началах самодержавной власти Царя в единении с Государственным Советом и Государственной Думой», а также о признании свободы веры на основах христианского государства с сохранением установленных преимуществ первенствующей православной церкви. Таким образом, донские националисты лишь повторяли своеобразный националистический «символ веры» начала XX в., подразумевавший преданность думской монархии третьейюньского образца и борьбу за преимущественное положение русских в границах Российской империи. Кроме того, повторение устава ВНС для организации, созданной донскими казаками, означало признание ими казачества частью русской нации.

Единственной «задачей», сформулированной собственно создателями устава ДСН, стал шестой пункт, который призывал содействовать «развитию и совершенствованию краевой жизни Донских казаков в соответствии с особенным образом служения их родине». Как видим, и в данном случае перед нами скорее декларативное заявление, чем конкретная программа действий. Тем не менее из анализа даже этого максимально ужатого призыва можно сделать некоторые выводы относительно того, каким видели будущее ОвД донские националисты. Во-первых, стремление к «развитию и совершенствованию», характерное для идеологии национализма в начале XX в., подчеркивает принципиальное отличие идеологии ДСН от охранительной идеологии черносотенных организаций и подразумевает дальнейший социально-экономический прогресс на территории Войска Донского (другое дело, что, как уже говорилось, конкретные меры для решения этой задачи в уставе ДСН не указывались). Во-вторых, употребление термина «краевая жизнь» указывает на признание ОвД неотъемлемой частью Российской империи и еще раз свидетельствует о единстве русского народа и казачества как целого и части. Наконец, в-третьих, подчеркивается особый статус казаков как военно-служилого сословия, поддержание эффективности которого требует специальных мер. В этом смысле устав ДСН продолжал линию, намеченную донскими правыми в период атаманства Ф. Ф. Таубе.

Воззвание ДСН к избирателям накануне выборов 1912 г. повторяло задачи, изложенные в уставе, и добавляло к ним своеобразное кредо националиста: «Националист, это человек, твердый в вере православной, защитник исторических устоев русской государственности, сторонник разумного прогресса и законных интересов всех народностей России, но не допускающий со стороны инородцев никаких дей-

ствий, клонящихся ко вреду русской государственности и коренного русского населения, он стоек в своих убеждениях, предан до последней капли крови Царю, любит Россию и готов пожертвовать жизнью за счастье и благоденствие своего народа»³⁸⁷. Таким образом, воззвание практически полностью игнорирует специфику казачьей территории и апеллирует преимущественно к идеологеме единого русского народа. Само «кredo националиста», по сути, является вольным переложением все тех же уставных «задач».

В целом в тех случаях, когда донские националисты пытались более или менее официально заявить о своих намерениях, они предпочитали обтекаемые формулировки декларативного характера. Возможно, подобный образ действий был сознательно выбран в качестве определенной предвыборной стратегии, в рамках которой следовало привлекать сторонников в свои ряды, избегая возможных споров вокруг тех или иных конкретных мер. Такой способ агитации был во многом оправдан, учитывая то обстоятельство, что ДСН должен был аккумулировать силы всего «правого Дона» в кратчайшие сроки. Еще одной особенностью национальной программы, предложенной донскими националистами в официальных документах, было фактическое признание себя составной частью организации русских националистов и внесение соответствующих пунктов в устав и в воззвание ДСН. Этот шаг также стал результатом политики донских националистов, не считавших возможным самостоятельно участвовать в выборах и искавших поддержки у общероссийской политической партии.

Положения, изложенные в уставе и предвыборном возвании ДСН, дополнялись публикациями в «Донских ведомостях» и «Донском крае», в которых затрагивались те или иные вопросы жизни на Дону. Стоит отметить, что «Донские ведомости» отводили много места статьям о различных хозяйственных, общественных и культурных нуждах, которые, однако, при этом не увязывались с идеологией национализма. В тех же публикациях, которые появлялись накануне выборов в Государственную думу и касались непосредственно деятельности донских националистов, вновь, как и в случае с официальными документами ДСН, наблюдается преобладание общих формулировок декларативного характера над конкретными предложениями.

Первой значительной публикацией, появившейся в год выборов в «Донских областных ведомостях» и претендующей на статус некоего прообраза программы донских националистов, стала статья автора, скрывшегося под псевдонимом «Журналист»³⁸⁸. Прежде всего, как

³⁸⁷ Воззвание «Донского Союза Националистов» к избирателям гор. Новочеркасска и Черкасского округа.

³⁸⁸ *Журналист*. Дон для донцов // Донские областные ведомости. 1 февраля 1912. № 26.

видно уже из заголовка статьи, он возвращался к девизу, провозглашенному Ф. Ф. Таубе в 1909 г., и обосновывал его справедливость: «“Дон для донцов” — формула, допускающая только одно самое верное толкование: это приобретение казаками наибольших духовных и материальных ценностей»³⁸⁹. Иначе говоря, экстремизм этого лозунга снижался тем же способом, что и в случае лозунгов, аналогичных ему, но касающихся иных претендующих на статус «нации» групп населения — за счет отрицания (в данном случае — игнорирования) проблемы конфликта с «другими» и утверждения сугубо позитивного смысла высказывания.

Впрочем, в этой же статье ее автор недвусмысленно заявил, что «у себя на Дону, как встарь, донцы должны быть хозяевами и <...> не должны допускать никакого иногородческого засилья»³⁹⁰, полностью дезавуировав собственную попытку показать исключительно мирный характер девиза «Дон для донцов». «Журналист» подробно останавливается на том, почему опасно инородческое засилье: «Теперь потребности казаков в кредите часто удовлетворяет ростовщик, такие же потребности в орудиях производства удовлетворяет кулак; переработку многих сырых произведений берет на себя капиталист; роль посредника между обеими сторонами берет на себя купец, комиссионер и т. д.». Рецепт выхода из такой ситуации, по мнению автора, прост: «когда у казака будет и ума побольше, и урожай выше — вся эта компания не будет сосать из него соков»³⁹¹.

Однако на этом декларативном заявлении «Журналист» не останавливался и переходил к конкретным предложениям, первым из которых стало решение «самого большого, самого важного» вопроса, касающегося проведения в жизнь школьной реформы³⁹². Эта реформа, по мнению автора статьи, должна была учитывать «емкость признаков духовной и материальной культуры данной территории», то есть отражать специфику казачьего региона и способствовать такому воспитанию молодых поколений донцов, «которое поддерживало бы в нас [казаках] доблестный дух, чтобы с честью выполнять священные обязанности защиты Престола и Отечества»³⁹³. Другими словами, аргументируя необходимость направить реформу образования в определенное русло, «Журналист» апеллировал к «священному» статусу казачества как военно-служилого сословия. Сохранение этого сакрализованного состояния ставилось, таким образом, неизменным условием будущих реформ.

³⁸⁹ *Журналист*. Дон для донцов // Донские областные ведомости. 1 февраля 1912. № 26.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Там же.

³⁹² Там же.

³⁹³ Там же.

Переходя к экономическим вопросам, «Журналист» пишет: «Причин [того, что казаки живут плохо] много, но засилье арендатора и скущика ищите в первую голову. Раз зло скупки паев за бесценок создано, вырабатывайте постановления и правила, регулирующие арендные вопросы. Есть места, где большое количество паевого довольствия <...> не улучшает благосостояния при нынешних способах ведения полевого хозяйства, и главная причина этого — отсутствие правильных приемов земледелия. <...> надо поставить главным основанием угла не образование новых юртовых довольствий, а *правильно и целесообразно организованную агрономическую помощь населению*»³⁹⁴. В данном случае, помимо того важного обстоятельства, что «Журналист» обозначил экономическую составляющую программы донских националистов, стоит отметить скрытую критику решений, принятых Войсковым собранием под руководством Ф. Ф. Таубе в декабре 1909 г. Образование четырех новых юртов, встреченное тогда на ура «правым Доном», спустя два года уже не казалось удачным решением земельного вопроса. «Журналист» фактически говорит о бесперспективности дальнейшего экстенсивного расширения казачьего хозяйства и призывает к интенсификации землепользования. Необходимо заметить, что именно в этот период в донской периодической печати правого толка появляется значительное число публикаций на агротехническую тему.

Также в этой связи представляют интерес статьи главного редактора «Донских ведомостей» Г. П. Янова, осуществлявшего идеологическую поддержку политического проекта донских националистов. Г. П. Янов в основном затрагивал те же положения, что и «Журналист», но по некоторым вопросам выступал с менее радикальных позиций, что, очевидно, было связано с близостью выборов и необходимостью альянса с ВНС. Так, он подтверждал единство России и Войска Донского: «Разделять политическую жизнь России и Дона могут только те, кто никогда не относился серьезно к прошлому, настоящему и будущему единого Русского государства»³⁹⁵.

Г. П. Янов также защищал военно-сословный статус казачества и необходимость особых экономических условий его существования: «Русский человек понимает, что казачество имеет право на свою экономическую обособленность, на свое, пусть даже эгоистическое, благополучие, ибо оно дает силы природным воинам оставаться от века до века таковыми, даст силы, как всегда в нужный момент, несокрушимо, победно выступить на защиту общего экономического блага всего

---

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ Янов Г. Смыкайте ряды // Донские областные ведомости. 12 сентября 1912. № 194.

русского государства»³⁹⁶. При этом, как и его оппонент С. А. Холмский, Г. П. Янов вынужден был, прибегая к довольно своеобразной аргументации, заранее предупреждать возможные обвинения в сепаратизме: «В горячей защите казачьих интересов нет даже малейшего оттенка сепаратизма, вражды к единому православному русскому народу, ибо в своей личной материальной жизни каждый защищает сам себя»³⁹⁷.

Хотя Г. П. Янов обозначил отношение донских националистов к проблеме иногородних, отметив, что в быту «мы [донские казаки] боремся с ними [русскими иногородними]», он в то же время заявил, что «[мы] идем рука об руку с ними в государственном строительстве», в связи с чем призвал «найти, во имя блага единого государства, ту дорогу, на которой нам не придется уступать друг другу место»³⁹⁸. Иначе говоря, в отличие от С. А. Холмского, в первом варианте своей программы четко противопоставившего интересы казаков и иногородних, что послужило одной из причин разногласий с руководством ВНС, Г. П. Янов предпочел заявить о желательности найти соглашение между двумя группами населения. Вероятнее всего, этот шаг также стал результатом курса на сближение с ВНС. В целом Г. П. Янов продолжал линию, намеченную «Журналистом», но в принципиальном вопросе об отношении к иногородним проявил большую умеренность, видимо, отдавая дань политической конъюнктуре.

Наконец, еще одна статья, представляющая интерес для реставрации программы донских националистов, была опубликована в первом номере «Донского края», печатного органа ДСН, и представляла собой своеобразное заявление о намерениях новой газеты. Так как это была редакционная статья, то, скорее всего, ее автор — Н. Ф. Быковский. Так же как и «Журналист», он первым делом отметил необходимость реформ в сфере образования: «Мы всеми силами будем содействовать развитию школьного дела, но не в космополитическом, а чисто в народном духе»³⁹⁹. Противопоставление «космополитического» и «народного» духа, вероятно, как и прежде, означало, что воспитание молодого поколения не должно носить универсального характера и таким образом угрожать слиянием казачества с основной массой населения России. Наоборот, в донцах следовало культивировать чувство казачьей «самости».

Следующий пункт программы, предложенной Н. Ф. Быковским, стал во многом уникальным. Согласно ему, редакция «Донского края» намеревалась «стремиться к искоренению произвола и злоупотребле-

³⁹⁶ Янов Г. Вам лучше видно...

³⁹⁷ Там же.

³⁹⁸ Янов Г. Смыкайте ряды...

³⁹⁹ [Быковский Н. Ф.] Редакционная статья // Донской край. 28 сентября 1912. № 1.

ний, оглашать нарушения закона и беспощадно бичевать казнокрадство, взяточничество и ростовщичество»⁴⁰⁰. Критика имперских властей серьезно расходилась с давно провозглашаемым курсом на сотрудничество националистов с государственным аппаратом и могла диктоваться двумя причинами. Первая из них — осознание возникновения расхождений между ВНС и правительством В. Н. Коковцова, сменившего П. А. Столыпина. Как известно, в дальнейшем это привело к переходу части русских националистов в стан оппозиционных «прогрессистов». В условиях Дона такая критика могла также означать стремление поставить под сомнение компетентность имперских властей, с тем чтобы после можно было потребовать передачи управления Областью в руки самих казаков. То есть тогда можно было бы говорить о сепаратистских тенденциях в развитии идеологии донского национализма. Но, как представляется, такое прочтение этого пункта программы Н. Ф. Быковского вряд ли обоснованно, учитывая, что до раскола в рядах русских националистов было еще далеко, а донские националисты как раз накануне выборов были как никогда близки к полному слиянию с ВНС и старательно открепивались от любых, даже гипотетических, обвинений в сепаратизме. Второй, и гораздо более вероятной, причиной появления этого пункта могло быть банальное желание привлечь на свою сторону дополнительные голоса за счет оппозиционно настроенных избирателей.

Довольно оригинальным было и решение включить в число задач газеты борьбу с пьянством⁴⁰¹, что, однако, вряд ли стоит считать действительно значимым пунктом программы Н. Ф. Быковского. Гораздо большее значение имело его отношение к общегосударственным проблемам и региональной специфике.

Редактор «Донского края» посредством свойственной националистическому дискурсу начала XX в. лексики достаточно четко обозначил своих политических противников: «Мы будем смело бороться против тех вредных элементов, которые вот уже семь лет безнаказанно стараются сеять рознь среди русских людей, подрывают доверие к правительству, осмеивают, издеваются, бранят все, что дорого русскому сердцу, колеблют религию, семью и государство»⁴⁰². Очевидно, что под «вредными элементами» подразумевались противники существовавшего режима, к каковым можно было отнести представителей оппозиционного движения широкого спектра — от крайне левых до либералов. Безусловная ценность «доверия к правительству», вольно или невольно обозначенная Н. Ф. Быковским, подтверждала общую

---

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ Там же.

⁴⁰² Там же.

установку националистов на сотрудничество с властями. Наконец, в этом же пассаже автор статьи выражал преданность традиционным для консервативной идеологии ценностям — религии, семье и государству. Воплощением этого традиционализма для Н. Ф. Быковского оставалась триада «Вера Православная, Царское Самодержавие и Русская Народность»⁴⁰³.

Говоря о «местных интересах», Н. Ф. Быковский предлагал рассматривать их «с точки зрения общей пользы населения Донской области», из чего можно было бы предположить, что автор предлагает отказаться от жесткого противопоставления донцов иногородним, если бы не следующий пассаж: «Но в то же время [мы, редакция газеты] будем стоять за старинный уклад казачьей жизни, а если такие порядки кому-нибудь не нравятся, то он может оставить Область войска Донского, и мы с удовольствием скажем ему “скатертью дорога” — обойдемся без вас»⁴⁰⁴. Как видим, Н. Ф. Быковский не стал повторять попыток Г. П. Янова примирить интересы иногородних и казаков, хотя и не акцентировал внимания на их противостоянии, ограничившись достаточно абстрактным предложением недовольным (очевидно — иногородним) покинуть пределы ОвД.

Что касается позитивных предложений Н. Ф. Быковского, то они были обозначены крайне неопределенно: «Городовое положение, земельное устройство и торговля»⁴⁰⁵. Учитывая контекст, в котором они перечислялись, очевидно, что под «городовым положением» подразумевалось введение такого положения, которое не повторяло бы общероссийских образцов, а учитывало местную специфику, то есть в первую очередь интересы казачества. В этом же смысле, вероятно, следует понимать и «земельное устройство». Наконец, «торговля», как представляется, означает ее развитие, не более того.

В основном статья Н. Ф. Быковского повторяла тезисы «Журналиста» и Г. П. Янова, как в общеполитических вопросах, так и относительно региональных проблем, дополняя их отдельными неординарными предложениями, которые, однако, не имели большого политического значения.

В целом, если суммировать предложения «Журналиста», Г. П. Янова и Н. Ф. Быковского, а также уставные документы ДСН, то можно выделить несколько пунктов условной «национальной программы» донских националистов: 1) в общероссийских вопросах — полное согласие с политическим курсом ВНС, предполагавшим поддержку существующему строю и сотрудничество с правительством, как следствие,

⁴⁰³ [Быковский Н. Ф.] Редакционная статья // Донской край. 28 сентября 1912. № 1.

⁴⁰⁴ Там же.

⁴⁰⁵ Там же.

необходимость противодействия оппозиции; 2) казачество признавалось особым военно-служилым сословием, необходимым для защиты государства и династии, что требовало создания для него особых условий и прежде всего — благоприятствующей экономической обстановки; 3) аграрный вопрос и вопрос местного самоуправления должны были быть решены с учетом сословных интересов казачества; 4) экономику Донской области следовало перенаправить с экстенсивного на интенсивный путь развития; 5) система образования должна была ориентироваться на воспитание молодых поколений в «казачьем духе»; 6) в вопросе «иногогородческого засилья» единой позиции представлено не было — если на ранних этапах агитации публицисты готовы были делать достаточно жесткие заявления о необходимости реализации принципа «Дон для донцов», то ближе к выборам зазвучали голоса в пользу сотрудничества казаков и иногогородних, а в официальных документах, согласованных с покровителями из ВНС, этот вопрос вовсе игнорировался и, более того, ДСН позиционировался как организация именно русских националистов.

***

Сравнивая программы двух националистических групп, можно прийти к выводу о том, что в основных пунктах они были крайне близки, буквально повторяя друг друга. Прежде всего это относится к общеполитической проблематике. И донские, и казачьи националисты провозглашали основой своей идеологии триаду «Православие, Самодержавие, Народность» и подчеркивали свою приверженность существующему государственному строю — третьеиюньской монархии. В этом смысле они полностью следовали за ВНС. Что касается региональной, то есть собственно казачьей проблематики, и донские, и казачьи националисты также смотрели на большинство вопросов со схожих позиций. Можно выделить следующие пункты условной «объединенной» программы ДСН и «группы Холмского»:

1. закрепление за казачеством статуса военно-служилого сословия ради соблюдения высших государственных интересов;
2. создание для казаков особых экономических условий, благоприятствующих несению ими военной службы, как-то:
3. решение аграрного вопроса в пользу казачества,
  - усовершенствование способов ведения сельского хозяйства,
  - развитие промышленности,
  - развитие мелкого кредитования;
4. реформирование системы воспитания молодежи в «казачьем духе».

Кроме того, обе группы признавали проблему конфликта интересов казаков и иногогородних и первоначально были единодушны в своем негативном отношении к «пришлому элементу», вновь апеллируя

к девизу атамана Ф. Ф. Таубе «Дон для донцов». И те и другие в традиционном для «правого Дона» духе считали иногородних виновниками экономических затруднений войскового сословия, а также приписывали им революционные устремления и враждебное отношение к казачеству. Однако, когда дело дошло до согласования позиций с ВНС, выяснилась неприемлемость для русских националистов такой презентации неказачьего населения Дона. В этих условиях ДСН и «группа Холмского» выбрали разные стратегии в переговорах с Санкт-Петербургом. Если донские националисты фактически капиитулировали перед требованиями своих «старших товарищей» и создали свою организацию как дочернюю, то казачьи националисты в лице С. А. Холмского категорически заявили о невозможности уступок в этом вопросе, хотя по всем прочим пунктам готовы были пойти на компромисс.

Еще одним важным пунктом, различавшим программы двух групп, была позиция по местному самоуправлению. И та и другая подразумевали проведение консервативных земской и городской реформ, которые должны были закрепить за казачьим населением преобладающую политическую роль в Донской области. Прототипом такого положения должен был служить проект земской реформы, разработанный в свое время Ф. Ф. Таубе. Однако, в отличие от донских националистов, «группа Холмского» шла дальше и предлагала образование особых органов местного самоуправления по типу традиционного казачьего круга. И хотя сам С. А. Холмский подчеркивал исключительно экономический характер этого нового властного института, такое учреждение обладало большим сепаратистским потенциалом, чем предложения донских националистов (притом что обе группы националистов старательно открещивались от обвинений в сепаратизме, позиционируя себя как исключительных сторонников государственности).

Наконец, принципиальное значение имел выбор пути, по которому следовало реализовывать казачью программу. Если ДСН, согласно его уставу, был открыт для всех русских людей, то «группа Холмского» пыталась создать исключительно казачью партию. Это давало лишний повод обвинить казачьих националистов в сепаратизме, чем и воспользовались их оппоненты. Между тем это расхождение в политической программе, как представляется, отражает принципиальное различие двух идеологических проектов. Если донской национализм, по сути, представлял собой региональный вариант национализма русского, смешанного с узкосословным патриотизмом, то казачий национализм «группы Холмского», при всех оговорках и размытости его положений, нес в себе зачатки идеи самостоятельной казачьей нации.

Завершая анализ программ ДСН и «казачьей партии», следует еще раз отметить, что в отличие от С. А. Холмского донские националисты фактически так и не представили концентрированного изложения своих предложений. Положения их программы оказались разбросанными по нескольким уставным документам и публикациям в периодике. С одной стороны, это было их слабым местом, поскольку свидетельствовало об отсутствии конкретного плана действий, вместо которого избирателям предлагался набор по большей части декларативных заявлений. С другой стороны, программа «казачьей партии» именно ввиду своей конкретности оказалась более открытой для критики, в то время как донские националисты, не будучи жестко привязаны к какому-нибудь одному документу, имели возможность маневрировать в условиях быстро меняющейся политической конъюнктуры. Это обстоятельство позволило им в краткосрочной перспективе обойти казачьих националистов в соперничестве за покровительство со стороны ВНС. Но в дальнейшем отсутствие четкой программы лишило ДСН возможности мобилизовать сколько-нибудь значительную электоральную поддержку и стало одной из причин политического банкротства донских националистов.

Традиционная и альтернативная версии «национального казачьего мифа»

В идеологии национализма большое значение придается «национальному мифу» — идеализированному нарративу национальной истории. Подобного рода миф предполагает повествование о благородном и древнем происхождении «народа/нации», его «золотом веке», пантеоне национальных героев, а кроме того, дает благовидное объяснение тем или иным историческим фактам, которые могут бросить тень на имя народа. Также находится один или несколько «народов-врагов», историческая борьба с которыми приобретает священный характер. Создание «национального мифа» осуществляется за счет отбора соответствующих исторических фактов и придания им определенной интерпретации, а также затушевывания или игнорирования других фактов, не вписывающихся в идеальный нарратив. В случае если такой

метод не позволяет осуществить замысел авторов «национального мифа» в полной мере, недостающие исторические факты «конструируются» или попросту измышляются. Конкретное содержание и убедительность «национального мифа», таким образом, в первую очередь зависит от его создателей, в том числе от таких факторов, как их образование и изначальные идеологические установки. На примере деятельности в этой области двух групп националистов, претендовавших на право говорить от имени казачества, хорошо видно, как история одного и того же «народа/нации» может приобретать совершенно разное звучание в параллельно конструируемых «национальных мифах».

Особый интерес в этом смысле представляет тот вариант казачьей истории, который разрабатывался членами «группы Холмского», прежде всего Е. П. Савельевым. Он не был профессиональным историком, более того, у него не было высшего образования — в 1879 г. он окончил Новочеркасскую учительскую семинарию, и только. На протяжении пятнадцати лет он служил приходским учителем, после чего перешел на чиновничью должность делопроизводителя в Областное правление Войска Донского, где без особого карьерного роста проработал еще шестнадцать лет⁴⁰⁶. На протяжении всего этого времени история казачества наряду с физической антропологией и этнографией оставалась его хобби, которому Е. П. Савельев уделял немало внимания. Он активно занимался самообразованием, а также предпринял несколько путешествий по Северному Кавказу для сбора этнографического и археологического материала. Одновременно Е. П. Савельев писал стихи и пробовал себя в иных литературных жанрах.

После небольшого опыта публикаций, полученного в молодости (Е. П. Савельев публиковался в газете «Донской голос» в 1882–1884 гг.), он надолго ушел в тень. Однако в первое десятилетие XX столетия его работы стали появляться в печати одна за другой. В 1904 г. вышли в свет «Очерки по истории торговли на Дону. Общество Донских торговых казаков» и «Кто был Ермак и его сподвижники», обратившие на себя внимание любителей донской истории. Не остались его труды без внимания и «Донских областных ведомостей», пригласивших Е. П. Савельева к сотрудничеству. В последующие несколько лет, активно работая с этим авторитетным на Дону изданием, он самостоятельно опубликовал еще несколько брошюр об истории казачества⁴⁰⁷, а также сборник собственных стихотворений⁴⁰⁸.

⁴⁰⁶ Евграф Савельев — о себе, своих книгах, путешествиях — в ответах на анкету Ростовского и-Д Городского Музея (<http://passion-don.org/anketa.html>; 26.02.2012).

⁴⁰⁷ Савельев Е. П. Атаман М. И. Платов...; его же. Типы донских казаков...; его же. Войсковой круг на Дону...

⁴⁰⁸ Савельев Е. П. Казак...

Начиная с 1908 г., когда главным редактором «Донских ведомостей» стал Х. И. Попов, положение Е. П. Савельева в газете стало постепенно ухудшаться. Х. И. Попов крайне скептически относился к подходу, с которым тот брался за исследования истории Дона. И хотя Е. П. Савельев по-прежнему имел возможность публиковаться в «Донских ведомостях», он стал все чаще подвергаться нападкам со стороны других историков. Однако по-настоящему карьера Е. П. Савельева как публициста и историка была поставлена под удар в 1910–1911 гг., в ходе так называемого дела донских литераторов.

В 1909 г. Е. П. Савельев выступил инициатором издания «Донского литературного сборника»⁴⁰⁹, одним из основных авторов которого сам же и стал. Всего в издании сборника участвовало десять человек. На суд читателя были представлены как стихи, так и короткие рассказы различного содержания — лирика соседствовала с патриотическими одами, воспевающими Россию и «Тихий Дон», а также с остро социальными произведениями. В следующем 1910 г. вышел второй номер «Донского литературного сборника»⁴¹⁰, выросший по сравнению с первым как в объеме, так и по числу участвующих авторов — на этот раз их уже было семнадцать. Перу самого Е. П. Савельева, публиковавшегося под псевдонимом «Евграф», в обоих выпусках принадлежали несколько стихотворений и рассказов. Хотя в сборниках присутствовала некоторая критика действительности рубежа первого и второго десятилетий XX в., она не выходила за определенные рамки, которые могло бы себе позволить благонадежное издание, тем более что собственно публикация осуществлялась в областной типографии Войска Донского, то есть, надо полагать, проходила предварительное согласование.

Тем не менее в 1911 г. против самого Е. П. Савельева, а также некоторых других участников «Донского литературного сборника» было возбуждено уголовное дело. Судебное разбирательство должно было состояться в декабре 1911 г., но местные власти не стали его дожидаться, и приказом от 6 ноября 1911 г. Е. П. Савельев был уволен из Областного правления «по болезни» без наград. К сожалению, суть обвинений в адрес Е. П. Савельева и его коллег, а также ход процесса и его итог восстановить не удалось. Но, по крайней мере, очевидно, что перед Е. П. Савельевым вырисовывалась вполне реальная перспектива на долгое время лишиться возможности публиковаться. Начиная со второй половины 1911 г. его имя появлялось на страницах «Донских областных ведомостей» только в связи с «делом донских литераторов».

Настоящим спасением для Е. П. Савельева стало появление в этот момент в Новочеркасске альтернативного периодического издания,

⁴⁰⁹ Донской литературный сборник. Вып. 1. Новочеркасск, 1909.

⁴¹⁰ Донской литературный сборник. Вып. 2. Новочеркасск, 1910.

Х. И. Попов
(Новочеркасский Музей истории донского казачества)

журнала «Голос казачества», редактор-издатель которого, С. А. Холмский, оказал опальному писателю всемерную поддержку. Уже с первого номера нового журнала его постоянной рубрикой стала колонка «К истории казачества», в которой Е. П. Савельев публиковал фрагменты своей будущей книги. Сама книга вышла уже в 1915 г., к тому времени националистический проект «группы Холмского» провалился. В следующем году вышло ее продолжение — «Средняя история казачества», доведенная до 1613 г.

Итак, что же представлял собой этот труд? Исчерпывающую историографическую оценку ему дал Н. А. Мининков. Отдавая должное автору, который провел большую исследовательскую работу, он тем не менее вынес жесткий вердикт: Е. П. Савельев опирался на распространенный еще в XVIII в. подход так называемой символической этимологии, при котором решающее значение придавалось схожести звучания географических и этнографических наименований и допускались грубые натяжки⁴¹¹. Таким образом, труд Е. П. Савельева не представляет особого интереса для исследователей ранней истории казачества. Вместе с тем он является ценнейшим источником для изучения казачьего национализма начала XX в., представляющим собой стройное изложение «национального казачьего мифа». Это тот «нарратив», который казался Е. П. Савельеву и его единомышленникам идеальным повествованием о прошлом казачества и каждый элемент которого нес определенную идеологическую нагрузку. «История казачества» выполняла важнейшую пропагандистскую задачу — претендуя на научность своих выводов, Е. П. Савельев доказывал древность казачьего «народа», его исключительность среди всех прочих народов, подчеркивал особые заслуги казаков перед Россией и обосновывал их безусловные права на донские земли.

«Удревнение» истории казачества должно было не просто показать его солидный возраст, но и свидетельствовать о «благородном» происхождении казаков. Фактически это становилось одной из основных задач Е. П. Савельева, который крайне отрицательно относился к работам российских историков, таких как Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Д. И. Иловайский, М. О. Коялович, В. О. Ключевский и др., «объясняющих, хотя и бездоказательно, происхождение казачества от гулящих, бездомных людей и беглых преступников из разных областей Московского и Литовско-Польского государств»⁴¹². Безуслов-

⁴¹¹ Мининков Н. А. Альтернативный взгляд советского историка... С. 306.

⁴¹² Савельев Е. П. История казачества. Ч. I. С. 1. Здесь и далее цитаты будут приводиться по репринтному изданию 1990 г., в котором в виде трехтомника соединены «Древняя история казачества», «Средняя история казачества», а также часть изданной в годы Гражданской войны «Истории Дона и донского казачества». Нумерация страниц в трехтомнике сквозная.

но, с точки зрения крайнего казачьего националиста, каковым был Е. П. Савельев, такой вывод наносил удар по престижу казачества, а потому был неприемлем. В своей книге он убеждал читателя в том, что «случайно или по неволе попавшие в степи беглецы скоро ассимилировались бы в среде чуждого им народа и в течение веков утратили бы свою национальность, так что от них не осталось бы и следа. Не то мы видим в среде казачества, разбросанного волею судеб по всем окраинам обширной России. Везде мы видим одну общую казацкую идею, один общий казацкий дух»⁴¹³. Взамен Е. П. Савельев предлагал собственную версию возникновения этой «казацкой силы», и, учитывая популярность в начале XX в. расистских теорий, не должно вызывать удивления, что, стремясь «облагородить» происхождение казачества, автор апеллировал к мифу об «арийских предках».

Основным замыслом первой части «исторического исследования» Е. П. Савельева было стремление показать, что за множеством названий и племен, известных по письменным памятникам древности и раннего средневековья, скрывалось военное сословие древних арийцев, покинувших свою находившуюся в Средней Азии в районе Семиречья прародину «Ариану», и эти арийцы «за несколько тысячелетий до нашей эры стояли уже на высокой степени развития»⁴¹⁴. Е. П. Савельев стремился доказать, что военное сословие древних арийцев носило несколько названий. Свободные благородные воины называли себя «асами» или «азами». «“Аз” на славянских наречиях означает Я (яз), первое лицо единственного числа, личность, особь, индивидуум», — пояснял Е. П. Савельев⁴¹⁵. Другим их именем было «саки», «от сак, сек, сечь, сечники, т. е. главное и самое страшное их оружие, помимо копья, а потом меча, было сагар или сакар — секира»⁴¹⁶. Именно из этих двух имен автор, вопреки тюркской версии, «унижавшей» достоинство казаков, выводил происхождение слова «казак»: «Аз-сак или казак означает Я — сак, т. е. казак, сак из страны “Аз”, Азовской»⁴¹⁷. Передовые отряды «ас-саков» носили название «геты» или «готы», «от слова “геть”, двигаться вперед, идти в поход, а также знать, смо-

⁴¹³ Савельев Е. П. История казачества. Ч. I. С. 4.

⁴¹⁴ Там же. Ч. II. С. 292.

⁴¹⁵ Там же. Ч. I. С. 104.

⁴¹⁶ Там же. Ч. II. С. 297.

⁴¹⁷ Там же. Ч. I. С. 104. Интересно, что спустя несколько лет, уже после распада «группы Холмского», Е. П. Савельев отказался от этой версии происхождения этнонима и находил ему несколько другое объяснение: «“Хазака” и “казака” — от древнеарийских корней аз и ак, белый, т. е. свободный Ас. Многие думают, что слово ак есть татарское, означающее “белый”. Это не верно. Корень ак встречается во многих древне-арийских языках и всегда означает белый, чистый и свободный». См.: Савельев Е. П. История казачества. Ч. III. С. 416. Прим. 350.

треть...» Соответственно «“Гетман” — предводитель Гетов»⁴¹⁸. «Асыскотоводы назывались аланами». Наконец, «по первобытному религиозному культу древней Арианы назывались: расами, рашанами, ресами, рсою, ршою, росью, россами и руссами, т. е. поклонниками воды, росы»⁴¹⁹. В данном случае Е. П. Савельев вступал в спор с историками-норманистами, намереваясь «опровергнуть это грубое лжеучение, что будто Россия развила свои силы от влияния на нее скандинавов, и что самое имя свое она получила от них же»⁴²⁰.

Все племена древности и средневековья, в именах которых Е. П. Савельев улавливал хоть отдаленное звучание вышеперечисленных названий военного сословия арийцев, объявлялись им «предками казачества». Таким образом, в их число попали ассирийцы, хетты, геты, готы, этруски («геты-руссы»), аланы, роксоланы, хазары, ясы, касоги и проч. Именам других народов, которые Е. П. Савельев хотел бы видеть в ряду предков казаков, но которые нельзя было связать ни с «ас-саками», ни «гетами-руссами», он придумывал иные объяснения, подчеркивая, что «все эти названия, разбросанные на пространстве многих веков, одного и того же народа, вернее сословия, военной касты славян-руссов»⁴²¹.

Вот как Е. П. Савельев объяснял происхождение этнонима «скифы»: «Греки не имели в своем языке звука *щ* и выговаривали его как *ск*, а потому и писали вместо “*щиты*”, т. е. щитоносцы, скиты и скифы, римляне же вместо *щ* писали *сц* и выговаривали *сциты* и т. д. Следовательно, греки и римляне все славяно-скифские племена называли *щитоносцами*, щитниками, так как это боевое оружие <...> было изобретено именно скифами»⁴²². Но если это объяснение вызывает только недоумение, то происхождение имени сарматов, по Савельеву, выглядит и вовсе комично: «прозвище “сарматы” или “савроматы” и “суроматы” произошло от “сыромьяты”, т. е. сыромятники, выделыватели сыромятных кож»⁴²³. В число предков казаков зачислены и гунны, «славянский союз племен», получивший название от латинского слова *unus* — один, единение, «союз народов»⁴²⁴. Мимоходом Е. П. Савельев нашел объяснение и происхождению этнонима «славяне»: «Славяне во все века с гордостью называли себя этим именем. Мы славяне, т. е. любящие славу, говорили они»⁴²⁵.

⁴¹⁸ Там же. Ч. I. С. 70–71.

⁴¹⁹ Там же. Ч. II. С. 297.

⁴²⁰ Там же. Ч. I. С. 38.

⁴²¹ Там же. Ч. II. С. 299.

⁴²² Там же. Ч. I. С. 43.

⁴²³ Там же. С. 40.

⁴²⁴ Там же. С. 124.

⁴²⁵ Там же. С. 45.

Своеобразно истолковывались не только названия народов, но и слова, ранее «ошибочно» считавшиеся тюркскими, а «на самом деле» славяно-русские. Так, например, Е. П. Савельев трактовал происхождение титула монарха в Хазарском каганате: «Каган, кохан и другие видоизменения этого названия означали “коханный”, излюбленный, *любый-батька*, гетман, избранный народом правитель»⁴²⁶.

Даже имя Ермака Тимофеевича оказалось связано с арийскими предками. Опровергая утверждение, что Ермак есть испорченное Герман или название тагана для приготовления каши, в то время как настоящим именем донского героя было имя Василий, Е. П. Савельев считал, что на самом деле это древнеарийское имя, происходящее от ир/ер, то есть «муж, воин», означавшее «холостяка, чуждающегося семейной жизни, каковой образ жизни вели древние Асы, Асуры Арианы, потом геты и казаки»⁴²⁷.

Показывая преемственность между известными народами древности и казаками, Е. П. Савельев одновременно стремился доказать, что «куда проникали Азы-Геты или Ас-Саки <...> от Индии до Италии и Испании и от дельты Нила до Скандинавии, там они, как носители древней арийской цивилизации, становились во главе правления, составляя из себя высшее благородное сословие — “конных азов” или князей». Именно «Ас-Саки» несли миру все блага цивилизации — «культурные взгляды на свободу личности, развивали торговлю и промышленность». Более того, «из этого сословия арийцев вышли богоподобные герои (sic!), великие проповедники истины, пророки, законодатели мудрецы», в числе которых Е. П. Савельев называет основателя манихейства Ману (Мани), Семирамиду, Гамураби (имеется в виду Хамураппи — правитель Древнего Вавилона в XVIII в. до н. э.) и Будду, чье настоящее имя Сакья Муни означает, как пояснял Е. П. Савельев, «сакский мудрец»⁴²⁸. Не зря, видимо, «Азы <...> на севере, у литовцев и скандинавов, почитались за богов»⁴²⁹. Даже двуглавый орел в построениях Е. П. Савельева оказывался изобретением древних гетов⁴³⁰.

Интересным образом он описывал влияние гетов-русов, оказавшихся в Палестине, на древних евреев. Согласно Е. П. Савельеву, выходило, что они не только «вместе с евреями принимали участие в построении Иерусалима»⁴³¹, но и «дали Израилю воинственный дух, крепкое телосложение и круглую арийскую голову (некоторой части

⁴²⁶ Савельев Е. П. История казачества. Ч. I. С. 142.

⁴²⁷ Там же. Ч. II. С. 257.

⁴²⁸ Там же. С. 298.

⁴²⁹ Там же. Ч. I. С. 104.

⁴³⁰ Там же. С. 108.

⁴³¹ Там же. С. 109.

его), а также каштановые и даже белокурые волосы, каковые имел в молодости царь Давид»⁴³². Таким образом, один из известнейших персонажей Библии оказывался вовсе не евреем, а чуть ли не казаком. Вообще, все, что было у евреев хорошего, по мнению Е. П. Савельева, дано им «гетами-руссами»: «Геты дали евреям и институт пророков, и великих провозвестников Истины. Все великие пророки этого народа мыслили не так, как вся бен-израильская масса, узколая (в антропологическом смысле), не понимавшая их и стоявшая с ними всегда во вражде. <...> Голова семита не вместила проповеди пророка-арийца, и голос его оставался "вопиющим в пустыне". Это был голос Гета-арийца, волею судеб заброшенного на чужбину»⁴³³. Не преминул Е. П. Савельев заодно и пройтись по внешнему виду евреек, от которых выгодно отличались, как он считал, представительницы «арийского сословия», в чем якобы признавались и сами евреи: «В особенности охотно евреи брали себе в замужество белокурых красавиц гетейнок, предпочитая их своим черномазым соплеменницам»⁴³⁴.

Поэтому неудивительно, что особое внимание автор уделил обоснованию автохтонного происхождения славянской письменности — этого важнейшего элемента цивилизации. В данном случае он апеллировал к авторитету польского ученого-слависта 1-й пол. XIX в. Фаддея Воланского, считавшего этрусский язык славянским и утверждавшего, что он сумел прочесть этрусские надписи⁴³⁵. В итоге Е. П. Савельев приходил к выводу, «что философ Константин (Кирилл) не изобретал славянского алфавита, а нашел его уже готовым». Иначе говоря, «геты-руссы» оказывались изобретателями оригинальной письменности, каковой тезис позволял осуществить историческую эмансипацию от греческого наследия. Здесь следует уточнить, что характерной чертой работы Е. П. Савельева было стремление доказать самобытность русских и казаков и независимость развития их культуры не столько от греческого, сколько вообще от какого-либо влияния.

Наконец, принципиальным для Е. П. Савельева был и вопрос о принятии христианства. Опровергая традиционную версию крещения Руси при князе Владимире в 988 г., ставившую восточных славян на одно из последних мест в ряду христианских народов, он стремился показать, что «христианство на восточные и северные берега Черного

⁴³² Там же.

⁴³³ Там же. С. 111.

⁴³⁴ Там же. С. 110.

⁴³⁵ См.: *Wolański Tadeusz. Wyjaśnienie znaczenia napisów na etruskich pomnikach. 1846; Воланский Т. Памятники письменности славян до Рождества Христова // Класен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов в особенности с легким очерком истории русов до Рождества Христова. М., 1854; СПб., 1995.*

и Азовского морей проникло весьма рано»⁴³⁶. Чиги, черкасы, аланы, геты и казахи (все, как было указано выше, предки казаков) уже в IV в. имели богослужебные книги на древнем славяно-русском языке⁴³⁷. Более того, центром русской митрополии, согласно Е. П. Савельеву, был город Росия, располагавшийся в устье Дона, и только под давлением кочевников в X в. она была перенесена в Киев⁴³⁸. Таким образом, Дон, к вящей славе казаков, оказывался чуть ли не колыбелью русского христианства. И именно донцы сохранили первоначальную чистоту христианства, в отличие от русских, что даже послужило в будущем причиной конфликтов: «Донские казаки отличались искренней, сознательной религиозностью, но эта религиозность, простая, прямая, не укладывалась в рамки тогдашних духовных воззрений московской Руси, слепо следовавшей букве позднейших византийских духовных уставов»⁴³⁹.

Итак, предки казаков возводились Е. П. Савельевым на недостижимый пьедестал — они были, ни много ни мало, представителями арийской расы, далеко превосходящими окружающие народы как по физическим данным, так и по достижениям их цивилизации. Собственно, большинство свершений ранних этапов развития человеческой цивилизации оказывались делом рук «ас-саков». Однако одним гипертрофированным возвеличиванием предков донцов идеологическая роль книги Е. П. Савельева не ограничивалась. «Удревнение» истории казакам, помимо всего прочего, служило еще и обоснованием его «исконных прав» на донские земли. Объяснению тому парадоксу, что в XVI в. казакам пришлось завоевывать эти же земли в сражениях с татарами и турками, посвящена вторая часть труда Е. П. Савельева.

Согласно его выводам, после нашествия Батыя большая часть «народа Ас» под именами бродников (что, по мнению Е. П. Савельева, значило «свободные»), алан, чигов, гетов и касогов остались на Дону, восточных берегах Азовского моря и в низовьях Кубани, то есть в пределах Золотой Орды⁴⁴⁰. И только в связи с принятием татарами мусульманства в начале XIV в. «свободолюбивое и сильное духом казачество, оставшееся верным религии и заветам предков, переселилось на Днепр и в русские украинные города <...> и объявило всему мусульманству непримиримую войну»⁴⁴¹. В итоге история казачества последующих трех веков в описании Е. П. Савельева превращается в своео-

⁴³⁶ Савельев Е. П. История казачества. Ч. I. С. 130.

⁴³⁷ Там же. С. 132.

⁴³⁸ Там же. С. 134.

⁴³⁹ Там же. Ч. III. С. 417.

⁴⁴⁰ Там же. Ч. II. С. 186.

⁴⁴¹ Там же. С. 187–188.

бразную реконкисту, в течение которой казаки шаг за шагом отвоевывали ранее утраченные земли в ходе «страшной идейной борьбы <...> с народами басурманскими»⁴⁴². Некоторое время потребовалось для накопления казаками сил, но уже в середине XVI в. «эта грозная сила <...> двинулась лавиной на берега родного ей Дона и своим внезапным появлением как бы обескуражила, смутила и навела страх на весь мусульманский мир»⁴⁴³.

Одновременно с началом этой «реконкисты» началась и служба казаков русским царям, особые заслуги перед которыми, а также перед Россией в целом, старательно подчеркивались Е. П. Савельевым, впрочем, как и всеми другими историками, составляя несомненную гордость истории Дона и являясь одним из центральных моментов казачьего самосознания.

В этом отношении выводы русских историков также не устраивали Е. П. Савельева. Споря с Н. М. Карамзиным и, наоборот, полностью доверяя А. И. Ригельману, Е. П. Савельев стремился показать, что главная заслуга во взятии Казани (а затем и Астрахани) принадлежала донским казакам как специалистам по крепостной войне⁴⁴⁴. Именно за отличие под Казанью царь Иван Грозный, согласно казачьим преданиям, которым Е. П. Савельев полностью доверял, пожаловал казакам грамоту, которой утверждал за ними донские земли «во веки веков»⁴⁴⁵.

Активное участие казаков в Смуте, которое могло бы опорочить в глазах потомков их честное имя, Е. П. Савельев элегантно превратил в заслугу, переложив всю вину на Русское государство: «Свободолюбивое казачество XVII в. карало древнюю Русь за ее косность и собачью преданность клятвопреступному боярству»⁴⁴⁶. В этом пассаже вполне откровенно выражено отношение к допетровской Руси, которое Е. П. Савельев более подробно изложил позднее (об этом ниже).

Особой заслугой донцов было их участие в Земском соборе 1613 г., когда «атаман Филат Межаков <...> первый подал голос за избрание на царство Михаила Федоровича, “и все на совете стали согласны и единодушны”»⁴⁴⁷. Такая интерпретация автором завершающего этапа Смутного времени имела особое значение для «национального казачьего мифа», так как позволяла указать не только на тесную связь между Доном и русским Царем, но и на то, что Династия, а вместе с ней и вся Россия, обязана своим благополучием именно казачеству.

⁴⁴² Там же. С. 198.

⁴⁴³ Там же. С. 216.

⁴⁴⁴ Там же. С. 223.

⁴⁴⁵ Там же.

⁴⁴⁶ Там же. Ч. I. С. 94.

⁴⁴⁷ Там же. Ч. II. С. 262.

Не зря и другие авторы «Голоса казачества» останавливались на этом моменте русской истории как своеобразном «месте памяти» и использовали его в целях коммеморации. Так, Т. Стариков писал: «Донские казаки не только играли главную роль при освобождении Москвы и всей России от поляков, но и имели решающее значение при избрании ей царя Романова, Дом которого до сего времени царствует в России, и дал ей славу и могущество»⁴⁴⁸.

Наконец, еще одной характерной чертой идеологической составляющей труда Е. П. Савельева была ее ярко выраженная антизападная направленность, вылившаяся в более конкретную форму антигерманизма, красной линией проходящего через всю «Историю казачества».

Как повышение статуса казачества осуществлялось через возвеличивание его предков, так и процедура унижения всего германского начиналась с «антимифа». Если казаки, в представлении Е. П. Савельева, имели благородное происхождение, которое связывалось с основателями человеческой цивилизации, то совсем в иных красках описано прошлое немецкого народа: «Древние германцы <...> занимались лишь войною и охотой, презирали городскую жизнь, любили ленивый покой, мало имели понятия о торговле, ремесле и промышленности и до римлян даже не знали употребления денег. Следовательно, это были дикие варварские племена, одевавшиеся в звериные шкуры, занимавшиеся лишь войной и грабежами соседей и не оставившие после себя ни памятников искусства, ни письменности, а также и следов языка, на котором они говорили»⁴⁴⁹. Как следствие, вся германская культура представлялась Е. П. Савельеву не более чем заимствованием у других, более продвинутых народов, под которыми имелись в виду прежде всего славяне: «Древние германцы <...> не могли иметь в своем языке тех названий, которые необходимы для выражения понятий о предметах, качествах и действиях народам более культурным. Все это германцы в течение веков должны были поневоле заимствовать от культурных соседей и, главным образом, от славян и римлян»⁴⁵⁰.

Более того, германцы, по мнению Е. П. Савельева, были не просто дикарями и эпигонами славянской культуры, но и страшной угрозой окружающим народам, прежде всего опять-таки славянам: «Начиная с X в., германцы, объединенные Карлом Великим в сильную монархию, наступательно двинулись на восток, покоряя и истребляя одно за другим многомиллионные славянские племена, и под тяжелым гнетом своим шаг за шагом убили народность и язык их. Вся нынешняя

⁴⁴⁸ Стариков Т. Смутное время // Голос казачества. 6 апреля 1913. № 11.

⁴⁴⁹ Савельев Е. П. История казачества. Ч. I. С. 21.

⁴⁵⁰ Там же. С. 23.

германская низменность есть сплошное славянское кладбище»⁴⁵¹. Характерно в этом смысле переосмысление Е. П. Савельевым этнонима «немцы»: «“Немец” или “неемец” произошло от славянских слов “не” и “имать”, т. е. неимеющий, бездомный, грабящий других и, главным образом, славян»⁴⁵².

Апофеозом агрессии «Запада» против славян, согласно Е. П. Савельеву, стало, как ни странно, монгольское нашествие. Оказывается, «делом завоевания России руководили папские агенты»⁴⁵³. Собственно, вся военная машина Чингисхана была создана специалистами с Запада: «Татарам была дана папистами военная организация, подобная древнеримской. Войска были разделены на легионы, имевшие каждый свой номер. Многие монголо-татарские народы до сих пор, как, например, киргизы, калмыки и др., сохранили родовые имена, происшедшие от цифры, данной тому легиону, в состав которого они входили во время Чингисхана»⁴⁵⁴. Более того, имена Тимучин, Чингис, Угедей, Батый, вполне, может быть, «такие же псевдонимы, какие были в обычае у средневековых рыцарей, папских агентов и у наших казаков»⁴⁵⁵, под которыми могли скрываться, например, англичане и папские тамплиеры, рыцари храмовники⁴⁵⁶. Наконец, сами «названия “татары” и “орда” также не монгольского и не тюркского происхождения»⁴⁵⁷. Этноним «татары» Е. П. Савельев производил «от латинского tutari (тутор) — наблюдатели, охранители» и пояснял: «Так первоначально в войсках Тимучина называлось сословие людей, занимавших наблюдательные, сторожевые посты»⁴⁵⁸. Слово же «орда» произошло «от латинского ordo — строй, порядок»⁴⁵⁹.

После войн прошлого немцы, считал Е. П. Савельев, остались противниками русских славян, но перенесли свою враждебность в иную плоскость, поставив под угрозу их историческую память: «Все выдающееся в истории Руси ими [немцами] нарочито или замалчивалось, или искажалось; все характеристическое русское они старались присвоить своей расе и даже нередко покушались отнять у нас не только славу, величие, могущество, богатство, промышленность, торговлю и все добрые качества сердца, но и племенное имя, — имя русских, известное исстари как славянское»⁴⁶⁰.

⁴⁵¹ Там же. С. 23.

⁴⁵² Там же. С. 2. Прим. 1.

⁴⁵³ Там же. С. 176.

⁴⁵⁴ Там же. С. 171.

⁴⁵⁵ Там же. С. 169.

⁴⁵⁶ Там же. С. 170.

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Там же.

⁴⁵⁹ Там же. С. 170–171.

⁴⁶⁰ Там же. С. 36.

Дружеский шарж на Евграфа Савельева
художник Леонид Кудин
(журнал «Донская волна» 1919 г. № 29)

«История Дона и донского казачества», хронологически доведенная до 1801 г., была издана уже в 1918 г., когда социально-политическая конъюнктура как на Дону, так и во всей России кардинально изменилась, а «группа Холмского» давным-давно распалась. Тем не менее представляется полезным проанализировать и эту часть работы Е. П. Савельева, так как она, на наш взгляд, вполне отражает понимание истории казачества XVII–XVIII вв., характерное для автора и в период его сотрудничества с «Голосом казачества». Кроме того, его исследование показывает вектор развития «национального казачьего мифа», конструировавшегося Е. П. Савельевым.

Основной линией повествования Е. П. Савельева в этой работе являлось противостояние Дона и России, в результате которого последняя постепенно подчинила себе казачество, лишив его былых вольностей и «извратив» его внутреннюю жизнь на свой лад. В этом противостоянии, само собой разумеется, все симпатии Е. П. Савельева были на стороне донцов. В его интерпретации конфликт строился вокруг дихотомии «свобода — рабство». Донское общество начала XVII в. представало в образе идеальной демократической общины. Период от «освобождения» Дона от мусульман до подавления восстания Степана Разина в оглавлении книги был прямо назван «донская демократическая республика»⁴⁶¹. Аналогичным образом воспринимал этот период истории казачества лидер казачьих националистов С. А. Холмский: «Представляя из себя воинственную демократическую республику, они [казаки] управлялись сами собой»⁴⁶².

В то же время русское государство в интерпретации Е. П. Савельева представало как рабовладельческая деспотия, и автор не скупился на эпитеты, чтобы показать всю, на его взгляд, неприглядную сущность такого строя. Причем особого его осуждения заслужили «кичливые и гордые в своем самомнении московские вельможи, привыкшие раболепствовать пред царем»⁴⁶³.

Уже вскоре после окончания Смутного времени, в ходе которого казаки принесли такую неоценимую пользу русскому государству и непосредственно династии Романовых, в переговорах с Турцией «изворотливая и лживая Москва» показала свое лицо, отрекаясь от казаков, как от каких-то разбойных людей, в то время как самим казакам посылались указы воевать против Польши в союзе с татарами и турками, то есть против христиан в союзе с мусульманами⁴⁶⁴.

⁴⁶¹ Савельев Е. П. История казачества. Ч. III. С. 313.

⁴⁶² Холмский С. А. Сборник казачьих песен. С. I.

⁴⁶³ Савельев Е. П. История казачества. Ч. III. С. 351.

⁴⁶⁴ Там же. С. 326.

Между тем «казачье дело», высший смысл существования казаков, заключался как раз в противодействии напору ислама. Именно в этом контексте Е. П. Савельев сочинил один из самых возвышенных своих гимнов казачеству: «Восточный мир покорился мечу Магомета. Европа пред ним дрожала. История в течение веков выдвинула против этих страшных и бесчеловечных завоевателей казаков, несокрушимых как гранитные скалы, стойких и твердых своей казацкой идеей, верных друг другу, никогда не изменявших ни братскому слову, ни клятве, безумно храбрых, неподражаемо опытных в военном деле и обладавших тонким умом и беспримерной военной хитростью и в то же время, в обыденной жизни, самых простых и сердечных малых, чутких, как дети, к нуждам обиженных и милосердных к побежденным. История в пространстве тысячелетий не давала еще примера, не выдвигала еще ни одной нации, подобной казачеству, этих прямых потомков древних Гетов, нации, оставшейся верной себе в течение многих и многих веков»⁴⁶⁵. Безусловно, эта ода казачеству наполнена таким количеством идеологием и идеологически значимых пресуппозиций, что требует детального разбора. Итак, начинается данный текст с обозначения «Другого», безусловно, врага, демонизируемого вплоть до отказа в праве носить имя человека. Рядом с этим образом мимолетно обозначается другой — «дрожащая Европа», которая, исходя из заложенной в текст имплицатуры, была не в состоянии сама за себя постоять. За нее исполнение этой миссии взяли на себя казаки. Далее идет литературно возвышенное перечисление всех достоинств казаков, прежде всего характерных маскулинных черт идеальных воинов, а также связанных с ними моральных качеств, объединяющих этих воинов в совершенную военную общину. Жесткость образа смягчается умиротворяющим образом казака «в обыденной жизни». Результатом этой гипертрофированной идеализации становится неизбежный вывод об исключительности казачества в истории человечества. При этом казачеству, как нечто само собой разумеющееся, присваивается статус нации, укорененной в прошлом вплоть до легендарных «гетов».

Особым «местом памяти» в истории борьбы донцов с «бесчеловечными завоевателями» являлись захват Азова в 1637 г. и последовавшее за ним «азовское сидение» 1641 г. Не мог пройти мимо этих событий и Е. П. Савельев, который сочинил свой вышеприведенный «гимн казачеству» именно в связи с ними. Он не поспешил на эпитеты не только в заключении описания «азовского сидения», которым, собственно, и стал «гимн», но также и в ходе повествования непосредственно о боевых действиях. Особенно выразительно описана послед-

⁴⁶⁵ Савельев Е. П. История казачества. Ч. III. С. 344.

няя вылазка казаков: «страшные, опаленные, с сверкающими сверхчеловеческим огнем глазами они двинулись на врагов»⁴⁶⁶. Как и в случае с их древними предками, которых окружающие народы принимали за «полубогов», казаки XVII в. предстают в образе сверхлюдей. Говоря об «азовском сидении», Е. П. Савельев также нашел, в чем упрекнуть московское правительство, которое, по решению Земского собора 1642 г., отказалось принять Азов в дар от казаков. «Россия смалодушничала», — заключил Е. П. Савельев⁴⁶⁷.

Наконец, еще одним центральным событием истории казачества XVII в. стало восстание Степана Разина, которому Е. П. Савельев уделил особое внимание. Основными задачами при описании восстания он, судя по всему, считал возложение всей вины за пролитую братскую кровь на Москву и параллельное этому воспевание казачьих доблестей. Еще одной непростой задачей было объяснение причин поражения восстания.

Е. П. Савельев стремился показать, что восстание стало результатом совершенно нестерпимого уклада внутрirosсийской жизни, созданного российской элитой, и не жалел самых черных красок при его описании: «Тогдашний строй московского правительства приводил в ужас всех иностранцев, посещавших Россию»⁴⁶⁸. Естественно, что для таких совершенных людей, как казаки, этот строй был неприемлем: «От московских порядков, лицемерия и ханжества отворачивались и донские казаки и принимали все меры оградить себя от их пагубного влияния»⁴⁶⁹. Таким образом, Разин, который «пришел в ужас <...> при виде бесправия и гнета русского крестьянства, низведенного московским абсолютизмом на степень скота», стал выразителем общего отношения казаков к русскому государству, решив «перевернуть весь социальный строй России вверх дном и учредить "по градам и весям" казачий строй, казачий круг»⁴⁷⁰. Впрочем, еще более значимой причиной восстания стало «систематическое и многолетнее стремление московского правительства наложить на донское казачество свою властную руку»⁴⁷¹. Таким образом, Е. П. Савельев совсем в духе последующих советских канонов изображал разинский бунт как прежде всего социальное потрясение, в котором казакам отводилась роль главных защитников обиженных и угнетенных, а источником зла служило пресловутое московское правительство.

---

⁴⁶⁶ Там же. С. 336.

⁴⁶⁷ Там же. С. 337.

⁴⁶⁸ Там же. С. 356.

⁴⁶⁹ Там же. С. 357.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Там же. С. 363.

Разумеется, сам Степан Разин в описании Е. П. Савельева надеялся чертами эпического героя, выразителя интересов всего казачества: «Разин обладал недюжинным умом и выдающимися способностями. Он стоял выше своих современников и по уму, и по развитию. Он знал историю Дона и хорошо понимал задачи казачества»⁴⁷². Однако такое описание входило в противоречие с фактом поражения Разина под Симбирском, так что Е. П. Савельев вынужден был принести авторитет вождя восстания в жертву, с тем чтобы отвести возможные сомнения в совершенстве всей казачьей общины. Как следствие, в интерпретации Е. П. Савельева, действия Разина под Симбирском характеризуют его, «несмотря на личное мужество и отвагу, как небрежного стратега, привыкшего побеждать нестройные полчища неверных или отряды колеблющихся стрельцов. Видимо, — продолжал Е. П. Савельев, — казачий строй, выработанный веками, с его сложными и подчас неожиданными приемами, хитростью и умением запугать и спутать противника в решительную минуту, у Разина был в небрежении»⁴⁷³.

Особое значение Е. П. Савельев придавал тому факту, что под впечатлением от восстания Разина и его подавления Войско Донское вынуждено было целовать крест на верность престолу московских царей. Это событие, по мнению Е. П. Савельева, означало утрату былой казачьей вольности. Актом принесения подобной присяги прежние союзнические отношения трансформировались в отношения сюзерена и вассала. Именно с 1671 г., согласно периодизации Е. П. Савельева, начинается «служба» казаков царям. Интересно, что и в данном случае роль Москвы преподносится в крайне невыгодном свете, в то время как казаки оказываются заложниками собственных высоких моральных устоев: «Дав <...> вынужденное клятвенное обещание, с целованием креста, этой, по выражению самих казаков "страсти Христовой", Донское войско подпало под влияние московского правительства и, как народ прямой, непосредственный и честный и при том искренне религиозный, старалось по мере сил выполнять принятые на себя обязательства. Всякое малейшее нарушение данной клятвы, даже в отдельных случаях, считалось великим преступлением, позором для всего войска. Эту черту характера казачества Москва своевременно усчитала и использовала в своих интересах. До внутреннего управления войска и его своеобразного уклада жизни она пока еще не касалась»⁴⁷⁴.

⁴⁷² Савельев Е. П. История казачества. Ч. III. С. 353.

⁴⁷³ Там же. С. 362.

⁴⁷⁴ Там же. С. 365.

Поражение Разина и последующая присяга во многом стали возможны из-за «тлетворного влияния Москвы»⁴⁷⁵, под которым оказалась верхушка донского казачества — старшина: «Московское правительство, растлевало до того времени стойкую и сплоченную казачью общину действуя где угрозой, где подкупом и посулами, а где просто насилием, вливая яд ехидны в честные казачьи сердца. Дон раскололся надвое»⁴⁷⁶.

Однако клятва 1671 г. стала только первым этапом на пути подчинения Дона самодержавным царям. Настоящим злым гением донского казачества стал, по мнению Е. П. Савельева, Петр I. Критика этого монарха автором «Истории казачества» в основном повторяла известные аргументы славянофилов: «Петр I-й, вступив на престол, вдруг вздумал одною своею волею разрушить старый исторический русский строй, повернуть жизнь русского народа на новый, искусственный лад, вдруг обратить невежественного и косного русского боярина и темного мужика в европейца, разрушить все вековые устои как в семейном, так и общественном быту. Путь неестественный в жизни народа, путь шаткий и пагубный»⁴⁷⁷. Нетрудно заметить, что подобного рода аргументация противоречит как сама себе, так и всему тому, что Е. П. Савельев говорил о русском государстве XVII в. раньше. Крайне негативно воспринимая историческую роль Петра I, Е. П. Савельев вдруг начал защищать тот строй, который ранее подвергал нещадной критике. Объяснение этому неожиданному повороту авторской мысли можно найти в присущей ему ксенофобии, а более точно — германофобии. Гораздо более значимым, чем попытка преобразования «косного русского строя», для Е. П. Савельева был тот факт, что в результате политики Петра I «в науке, искусствах, управлении — везде и всюду пахло иностранцами, немецкой поверхностной культурой, все же самобытное и даже хорошее русское давилось, изгонялось и подвергалось осмеянию»⁴⁷⁸. Как следствие, вердикт Е. П. Савельева был крайне строг и категоричен: «Он [Петр I] воображал в своем самомнении, что выводит Россию на путь просвещения, но на самом же деле гнал русский народ в ярмо иностранцам»⁴⁷⁹.

Но для Е. П. Савельева, как легко догадаться, негативное восприятие фигуры Петра I было прежде всего обусловлено его политикой в отношении казачества. Несмотря на то, что уже первые военные победы царя были одержаны при непосредственной помощи донцов,

⁴⁷⁵ Там же. С. 390.

⁴⁷⁶ Там же. С. 388–389.

⁴⁷⁷ Там же. С. 409.

⁴⁷⁸ Там же.

⁴⁷⁹ Там же.

оказавших «огромную услугу русской армии при взятии Азова» (более того, Е. П. Савельев писал, что «без их помощи и этот последний поход царя едва ли увенчался успехом»), «Петр ненавидел казачество и отрицательно относился к его самобытности, к его заслугам пред Россией в течение минувших веков»⁴⁸⁰. Объяснение этому, практически патологическому, чувству Е. П. Савельев находил в принципиальном расхождении природы монархической власти и демократического казачьего строя: «Стремление к самовластью царя не могло мириться с республиканским духом казачества»⁴⁸¹.

Именно поэтому на протяжении своего царствования Петр I всячески стремился к ликвидации казачьих вольностей и максимальному подчинению Дона своей власти. Причем, пытаясь осуществить свои замыслы, он сделал множество непродуманных, как считал Е. П. Савельев, нововведений в управлении войском. Причем и в этом случае, несмотря на очевидную самодостаточность царских решений, Е. П. Савельев находил нужным отметить негативное влияние его приближенных: «Вмешиваясь в донские дела и отнимая у казаков их исконное право по самоуправлению, царь слишком много доверял своим приближенным, а потому спешно издавал одну грамоту за другой, указ за указом, часто противоречащие один другому, иногда вопреки желани-ям Войска»⁴⁸².

Самым же грубым и вызывающим актом Петра в отношении Дона было то, что «в бытность в Черкасске в 1695 г., царь отобрал у донских казаков грамоту Грозного царя о признании Дона самостоятельным государством, пожалованную донцам за подвиги при взятии Казани в 1552 г.»⁴⁸³ Таким образом, Петр I насильственно ликвидировал документ, формально подтверждавший независимость Войска Донского. Все эти антиказачьи меры стали возможны только потому, что царскую власть поддерживала та самая «развращенная тлетворным влиянием Москвы» старшина: «Царь ласкал и награждал одного Фрoла Минаева и близких ему старшин за рабскую преданность к нему. Словом, атаманы Корнила Яковлев и Фрол Минаев продали Дон Москве, продали все старые казачьи вольности»⁴⁸⁴.

Другая, бóльшая, половина казачества оставалась верна идеалам «донской казачьей республики» и крайне отрицательно встретила мероприятия Петра I: «Дон глухо волновался». Более того, пишет Е. П. Савельев, «это бесцеремонное обращение с донским казаче-

⁴⁸⁰ Савельев Е. П. История казачества. Ч. III. С. 395.

⁴⁸¹ Там же.

⁴⁸² Там же. С. 399.

⁴⁸³ Там же. С. 396.

⁴⁸⁴ Там же.

ством, недальновидность и самонадеянность царя заставили задуматься и преданных ему старшин»⁴⁸⁵. Апогеем царского произвола стала экспедиция князя Долгорукого, предназначавшаяся для высылки с Дона незаконно обосновавшихся там крестьян, что было нарушением древнего казачьего правила «с Дона выдачи нет». Но даже не это возмутило казаков, а то, в какой форме проходила экспедиция: «Князь в короткое время разорил и сжег многие казачьи городки, пытал, бил кнутом, резал им носы и губы, надругался над их женами и дочерьми»⁴⁸⁶. В результате «чаша терпения в свободолюбивом казачестве переполнилась»⁴⁸⁷ и началось восстание под руководством атамана Кондратия Булавина. Таким образом, в изображении Е. П. Савельева, как и в случае с восстанием Разина, вся вина за вспыхнувший конфликт возлагалась на Россию, которую олицетворял собой Петр I, в то время как казаки защищали свои исконные права и свободу, свои демократические традиции в противовес натиску «рабовладельческой России».

Хотя «за Булавина встал почти весь Дон»⁴⁸⁸, нашлись и те, кто был против, — «низовые казаки, прикормленники центральной власти»⁴⁸⁹. В конечном счете поражение восстания было обусловлено именно тем, что «во всех казацких мятежах всегда были изменники»⁴⁹⁰.

Подавление восстания Булавина в интерпретации Е. П. Савельева превратилось в завоевание Дона, причем автор особенно акцентировал внимание читателя на жестокости царских войск: «Это было поголовное избиение казачьего населения»⁴⁹¹. По «официальным данным», были разорены 32 городка и погибли 7000 казаков, но, писал Е. П. Савельев, «на самом же деле казаков погибло с женами и детьми в несколько раз больше. Дон, обессиленный и залитый кровью своих сынов, стонал»⁴⁹². Фактическое завоевание Дона в 1709 г. означало окончательную утрату казачеством независимости: «Смерть Булавина — это последняя страница из истории свободного Дона»⁴⁹³.

Впрочем, формальное подчинение войска императорской власти было завершено несколько позднее. В 1723 г. Петр I не утвердил войсковым атаманом избранного кругом Ивана Краснощекова, повелев быть атаманом Андрею Лопатину. «Следовательно, писал Е. П. Саве-

---

⁴⁸⁵ Там же. С. 398.

⁴⁸⁶ Там же. С. 402.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Там же. С. 403.

⁴⁸⁹ Там же.

⁴⁹⁰ Там же. С. 406.

⁴⁹¹ Там же. С. 407.

⁴⁹² Там же. С. 408.

⁴⁹³ Там же. С. 407.

льев, 1723 г. нужно считать последним роковым годом, когда у войска Донского было отнято его исконное право избирать в своем кругу войсковых атаманов. С этого года атаманы стали назначаться царской властью»⁴⁹⁴. Еще раньше, в 1721 г., донские дела были переданы из Посольского приказа в Военную коллегия, что также означало, по мнению Е. П. Савельева, утрату войском статуса самостоятельного государства.

События петровского царствования приобретают в изложении Е. П. Савельева особый драматизм ввиду того, что в этот период были разрушены вековые связи казачества и русских царей, выстроенные в свое время благодаря легендарному договору 1552 г. К такому выводу автор пришел, размышляя о преданности казаков царскому престолу. «В донском казачестве на протяжении веков проскальзывает одна загадочная черта, несмотря на полный его, в самом широком смысле, демократический дух — это благоговение пред царской властью, как олицетворением высшей правды на земле»⁴⁹⁵. По мнению Е. П. Савельева, это благоговение было обусловлено событиями середины XVI в.: «Казачество чтит московских великий князей, а потом царей <...> за то, что они всегда признавали за ними их древнее священное казачье право “хазака”, свободу личности, быть независимыми, никому не подвластными в пределах их владений. Это право за ними торжественно признал Грозный царь в 1552 г. по взятии Казани и дал им на это грамоту. Последующих царей они считали оберегателями этого права и за это их чтити и давали свою помощь в борьбе с их общими врагами»⁴⁹⁶.

В конце XVII — начале XVIII в. этот союз трансформировался в направлении от равноправных отношений к отношениям господства и подчинения: «Царь Алексей Михайлович, под конец своей жизни, уступив Боярской Думе, в 1671 г., а потом Петр I-й в своем непомерном самовластии, нарушили это священное казачье право и низвели казачество, главным образом последний, а потом и его преемники, на степень служилого народа, с правами и обязанностями иррегулярных войск»⁴⁹⁷.

Понятно, что если царская власть была заинтересована в таком изменении статуса донского казачества и сделала все, от нее зависящее, для реализации своих замыслов, то самим казакам новое положение дел не принесло ничего хорошего: «Разрушив эту [казачью], веками спаянную военную общину, с своим историческим укладом

⁴⁹⁴ Савельев Е. П. История казачества. Ч. III. С. 412.

⁴⁹⁵ Там же. С. 415.

⁴⁹⁶ Там же. С. 416.

⁴⁹⁷ Там же.

жизни, по развитию стоявшую далеко выше рабской московской Руси, царь взамен ей ничего не дал»⁴⁹⁸. То есть покорение Дона означало низведение более «развитого» казачьего строя до уровня «отсталой» России, так как, по мнению Е. П. Савельева, Войско Донское оказалось в руках некомпетентных, случайных людей, своими действиями тормозивших и искажавших его дальнейшее развитие: «Московские цари, по почину Петра I-го, окончательно подчинив своей власти донское казачество и разрушив его старый военный уклад, стали распоряжаться им, исполняя капризы своих советников-бояр, по своему усмотрению, очень часто вопреки здравому смыслу и в неуважение и нарушение интересов народной жизни»⁴⁹⁹.

Из последующей истории донского казачества XVIII в. в изложении Е. П. Савельева стоит отметить два момента. Во-первых, в отличие от идеологов «правого Дона», писавших в период атаманства Ф. Ф. Таубе, Е. П. Савельев не находил повода считать грамоту Екатерины II 1793 г. сколько-нибудь значимой реликвией, так как этой грамотой закреплялось изъятие из владений Войска части устья Дона и берега Азовского моря, выделенных в 1779 г., согласно проекту Потемкина, для переселения армян из Крыма и Турции. «Удивительна <...> политика к казачеству русских правящих сфер, вводивших всегда в заблуждение царей и цариц. Посылая на Дон многочисленные похвальные грамоты, с велеречивыми и напыщенными выражениями, превозносящими войско Донское за его подвиги до небес, русские цензосцы в то же время старались низвести казачество на степень "своих верноподданных, послушных рабов", урезывали шаг за шагом их исконные казачьи права, отторгали лучшие приморские земли, политые в течение веков казачьей кровью, и отдавали их чуждому элементу, случайно заброшенному на Дон»⁵⁰⁰.

Во-вторых, также отрицательно Е. П. Савельев относился к появлению среди донцов жалованных дворян. Это «самое важное событие для войска Донского конца XVIII в.» перевернуло, по его мнению, «все древние устои и традиции», разделив «все боевое казачество на две неравные части» — дворян-помещиков и рядовых казаков⁵⁰¹. «И все это случилось по проискам и усиленным домогательствам небольшой кучки корыстных себялюбцев, испорченных растлевающим началом и политикой рабовладельческой России. За великие вековые заслуги всей массы боевого казачества, "Всевеликого войска Донского", сокрушившего могущество Оттоманской империи и ставшего твердой ногой на

⁴⁹⁸ Там же.

⁴⁹⁹ Там же. С. 415.

⁵⁰⁰ Там же. С. 432.

⁵⁰¹ Там же. С. 436.

границах тогдашней России по Кубани, Тереку, Уралу и дебрям далекой Сибири до Амура, маленькая группа людей, случайно выплывших на поверхность народной массы, при поддержке русских самодержцев, получила неисчислимы выгоды в ущерб всему казачьему населению старого Дона, захватила лучшие казачьи земли и населила их закабаленным в рабство крестьянством, следуя примеру русских помещиков»⁵⁰².

Итак, исходя из построений Е. П. Савельева, казаки являлись исконными обитателями донских земель, происходившими от «полубогов»-арийцев. Они вынуждены были покинуть родные места под напором омусульманившихся татар, но вернулись обратно в результате своеобразной реконкисты XVI–XVII вв. Помимо «естественных» прав донского казачества на указанные земли, Е. П. Савельев апеллировал и к «юридическим» правам, возрождая полузабытую легенду о грамоте Ивана Грозного 1552 г., передающей Дон казакам в безусловное владение «во веки веков», которая якобы была в дальнейшем изъята Петром I. «Национальному казачьему мифу», вышедшему из-под пера Е. П. Савельева, помимо «удревнения» присуща идеализация «старины» и предков. В качестве идеализируемой «старины» в «Истории казачества» предстает Войско Донское XVI–XVII вв., организация которого противопоставляется Московскому государству. Выступая сторонником демократии, Савельев пытался представить Войско как пример идеальной самоуправляющейся общины и называл ее «Донской демократической республикой». В противоположность Войску Москва представляла как «рабовладельческое» государство, использовавшее Дон в своих интересах и платившее неблагодарностью за доблестную защиту казаками ее рубежей. «Подлая» Москва покорила Дон только за счет «развращения» некоторой части донской старшины, которая «предала» донскую старину и «рабски» служила Москве. Окончательно подчинение Войска российским монархам Е. П. Савельев небезосновательно относил к периоду правления Петра I и описывал яркую картину «завоевания» Дона в ходе подавления восстания Кондратия Булавина.

Для мифа, сконструированного Е. П. Савельевым, характерна одна очень показательная особенность, заключающаяся во внутренней противоречивости нарратива «Истории казачества». Эта противоречивость была обусловлена неоднозначным восприятием отношений донского казачества и русского государства. С одной стороны, казаки и русские (великороссы) имели одно, арийское, происхождение, и Е. П. Савельев много сделал для того, чтобы максимально возвеличить их общих предков. Русское государство и казачество всегда были неразрывно связаны, и большинство своих подвигов казаки соверши-

⁵⁰² Савельев Е. П. История казачества. Ч. III. С. 436.

ли, так или иначе служа русским правителям, то есть история Войска Донского не была бы такой славной, если бы это не была история, общая с Россией. С другой стороны, именно «отсталая» и «рабовладельческая» Россия подчинила себе прежде вольное донское казачество, фактически завоевала его, превратив затем из прогрессивной «демократической республики» в «служилый народ с правами иррегулярного войска». Таким образом, вектор, заданный Е. П. Савельевым, при дальнейшем развитии «национального казачьего мифа» должен был в конечном счете привести к разрешению основного вопроса существования Войска Донского — с Россией или без/против нее. Причем, судя по содержанию той части «Истории казачества», что была издана в 1918 г., сам Е. П. Савельев склонялся ко второму варианту.

***

Сложно судить, улавливал ли Х. И. Попов, убежденный сторонник единства Дона и России, антироссийский потенциал работ Е. П. Савельева. Но очевидно, что он крайне скептически относился к основным выводам «Древней истории казачества». Сам довольно активно занимавшийся изучением истории Дона, Х. И. Попов допускал, «что русское христианское население, хотя, может быть, и немногочисленное, составлявшее остатки какого-либо племени, бывшего здесь еще до монгольского нашествия, существовало в этой стране далеко ранее XVI века, с которого принято считать русских казаков на Дону. <...> это население Дона, по всей вероятности, и послужило первым зерном Донского казачества, получившее широкое развитие в начале XVI столетия»⁵⁰³, но считал версии о древнем происхождении казаков от амазонок, гипербореев и т. п. «баснословными»⁵⁰⁴.

Вероятно, именно поэтому Е. П. Савельев в начале 1910-х гг. все реже появлялся на страницах «Донских областных ведомостей» и, наконец, вынужден был уйти к С. А. Холмскому в «Голос казачества». Х. И. Попов не только имел возможность сократить объем представляемых Е. П. Савельевым материалов до минимума, но и противопоставить ему собственное видение ранних этапов истории казачества. Однако главный редактор, который к этому времени уже имел ясно выраженную и представленную широкой публике позицию, предпочел сам не вмешиваться в спор, вместо себя выставив фигуру начинающего историка П. П. Сахарова⁵⁰⁵.

⁵⁰³ Попов Х. И. Краткий очерк прошлого Донского казачества // Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 7. Новочеркасск, 1907. С. 16–17.

⁵⁰⁴ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 739 (О происхождении донских казаков. Заметки Х. И. Попова). Л. 1.

⁵⁰⁵ Сахаров Павел Петрович (22.03.1884 — 1963/1964) — донской историк и публицист, происходивший не из войскового сословия. Родился в семье священника.

Павел Петрович Сахаров обратил на себя внимание Х. И. Попова, входившего в состав Комиссии по собиранию материалов для составления истории Войска Донского, в 1908 г., когда, еще будучи студентом Харьковского университета, предложил этой комиссии свои услуги для работы в архивах⁵⁰⁶. Предложение П. П. Сахарова было принято, и вскоре между директором Донского музея и его новым молодым сотрудником завязалась активная рабочая переписка. Именно эта работа в архивах позволила П. П. Сахарову собрать необходимый материал для своего труда «Заселение Донского края в связи с условиями местного быта, по напечатанным и архивным материалам», получившего в 1910 г. золотую медаль Харьковского университета⁵⁰⁷.

Е. П. Савельев отнесся к работе начинающего историка крайне скептически и в письме к Х. И. Попову, с которым тогда еще сотрудничал, настаивал на том, что «вопрос о казачестве очень важный и требует всестороннего выяснения. Сахаров его только запутал»⁵⁰⁸. Сам Х. И. Попов встретил работу П. П. Сахарова более благосклонно. В том же 1910 г. на страницах «Донских областных ведомостей» результаты исследований П. П. Сахарова начали публиковаться под рубрикой «К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры на службе у первого русского Царя Ивана Васильевича Грозного»⁵⁰⁹.

В марте 1911 г. Е. П. Савельев вступил уже в публичный спор с П. П. Сахаровым, опубликовав в «Донских ведомостях» свою ста-

---

В 1898 г. окончил Усть-Медведицкое духовное училище. В 1905 г. — Донскую духовную семинарию в Новочеркасске. В течение года служил псаломщиком, после чего поступил в Харьковский университет, который окончил в 1911 г. Работал учителем в Нижнедевицкой женской прогимназии, с 1912 г. — в ростовской казенной мужской гимназии. В том же году избран действительным членом Областного войска Донского статистического комитета, с 1914 г. член правления Ростовского-Дону общества истории, древностей и природы. В 1919 г. мобилизован в Донскую армию, затем передан в Добровольческую армию, работал агитатором Отдела пропаганды. С 1920 г. снова учитель, привлекался к преподаванию в Ростовском археологическом институте и на военно-повторных курсах комсостава Красной Армии. В 1927 г. арестован и на три года выслан в Среднюю Азию, по возвращении в 1929 г. переехал в Майкоп, где пережил немецкую оккупацию. В 1956 г. вернулся в Ростов. См.: *Мишинков Н. А.* Павел Петрович Сахаров — историк донского казачества...

⁵⁰⁶ Там же. С. 222.

⁵⁰⁷ Там же. С. 224.

⁵⁰⁸ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1 Д. 1026. Л. 55.

⁵⁰⁹ Сахаров П. П. К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры на службе у первого русского Царя Ивана Васильевича Грозного // Донские областные ведомости. №№ 164, 167, 170, 173, 174, 177, 179, 181, 183, 186, 192, 195, 200, 202, 204, 208, 214, 217, 223, 225, 1910; №№ 6, 8, 134, 137, 142, 150, 156, 162, 164, 184, 192, 198, 1911; №№ 59, 62, 66, 1912.

тью «К истории казачества»⁵¹⁰, в которой отстаивал собственное видение истории Дона и методов ее изучения. П. П. Сахаров не замедлил с ответом, в котором прямо поставил под сомнение профессиональный уровень оппонента⁵¹¹. Публикация работы П. П. Сахарова на страницах газеты продолжилась, а Е. П. Савельев вскоре, как уже говорилось, покинул авторский коллектив «Донских ведомостей». Труд П. П. Сахарова вышел отдельным изданием в 1914 г., причем сразу в двух вариантах: под одним, патриотичным, заглавием в Новочеркасске и под другим, нейтральным, — в Ростове-на-Дону⁵¹². В отличие от труда Е. П. Савельева, составившего в итоге трехтомник, оба варианта работы П. П. Сахарова представляли собой брошюры объемом менее пятидесяти страниц. Это объясняется вовсе не легковесностью исследования последнего, а тем, что он, с одной стороны, поставил себе относительно узкую задачу — разобраться в происхождении казаков, в отличие от Е. П. Савельева, пытавшегося создать полномасштабный исторический нарратив казачества, а во-вторых, тем обстоятельством, что П. П. Сахаров считал «возникновение и развитие вольного казачества в Донском Поле <...> событием 16-го века»⁵¹³. Следовательно, истории казачества до XVI в., которой Е. П. Савельев посвятил первый том своей «Истории», для П. П. Сахарова просто не существовало.

Работа П. П. Сахарова, сразу следует оговориться, лишь немногим уступала творению Е. П. Савельева по своей идеологической нагруженности. Личные пристрастия автора читаются в ней без какого-либо труда, так что даже говорить о какой-то его попытке репрезентировать себя в роли нейтрального повествователя не приходится. В то же время методы собственно исторического исследования П. П. Сахарова вполне вписывались в господствовавшую в то время позитивистскую парадигму, а выводы самой работы не привносили в историографию возникновения казачества ничего принципиально нового, скорее представляя собой своеобразную отповедь вызывающим заявлениям Е. П. Савельева.

Две главные причины возникновения казачества П. П. Сахаров видел в особенности социально-экономического устройства Русского государства XVI в., а также в специфике отношений, сложившихся

⁵¹⁰ Савельев Е. К истории казачества (Как нужно писать историю) // Донские областные ведомости. 22 марта 1911. № 65; его же. К истории казачества (Как нужно писать историю). Окончание // Донские областные ведомости. 23 марта 1911. № 66.

⁵¹¹ Сахаров П. Ответ г. Е. П. Савельеву (На статью «Как нужно писать историю») // Донские областные ведомости. 1 апреля 1911. № 73.

⁵¹² Сахаров П. Происхождение вольного донского казачества...; его же. Происхождение донского казачества.

⁵¹³ Сахаров П. Происхождение вольного донского казачества... С. 1.

в этот период между государствами, пограничными с Полем. По мнению П. П. Сахарова, Московское государство, собрав воедино большую часть русских земель, приступило к дальнейшему расширению своих границ, в результате чего превратилось в «подобие военного лагеря». (Кстати сказать, сам П. П. Сахаров вполне сочувственно относился к московской экспансии, что видно из следующего пассажа: «все эти шведы, немцы, литовцы с поляками и татары с покоренными ими финнами <...> постоянно пытались положить предел разливу восточно-славянского потока»⁵¹⁴. Соседние с Русью народы, так или иначе столкнувшиеся с ее военной силой, объединены презрительным «все эти», между тем как экспансия Московии оправдывается за счет придания ей через соответствующую метафору характера естественного процесса).

Военные нужды государства обусловили рост эксплуатации крестьянства, ответной реакцией которого стало появление «лихих людей», которых «прозвали полутатарским именем нетяглых казаков или гулящих людей»⁵¹⁵. Таким образом, П. П. Сахаров априори признавал тюркское происхождение наименования «казак», не вдаваясь в подробности, как оно закрепилось за определенной социокультурной группой⁵¹⁶. Впрочем, в этом месте его изложение было не вполне ясным («полутатарское имя») и оставляло место для интерпретаций. Сама же эта группа, как видно, была русского происхождения и, более того, состояла из «преимущественно великорусского люда»⁵¹⁷. Постепенно шло «накопление на украинских нетяглою гулящего люда»⁵¹⁸, который вступал в конфликты с соседними кочевыми народами. В свою очередь, это вело к репрессивным мерам со стороны московского правительства, стремившегося сохранить мир с ногайцами. Давление со стороны властей заставляло вольницу переселяться в глубь Поля.

Еще одной причиной роста числа «гулящих людей» П. П. Сахаров считал внутреннюю неурядицу в русском государстве, возникшую в 1530–1540-е гг. вследствие малолетства Ивана IV. Интересно, что, как и Е. П. Савельев, П. П. Сахаров считал главным источником бед боярство, а к личности Ивана IV относился с нескрываемой симпати-

⁵¹⁴ Сахаров П. Происхождение вольного донского казачества... С. 1.

⁵¹⁵ Там же. С. 3.

⁵¹⁶ В своей колонке в «Донских ведомостях» П. П. Сахаров более подробно останавливался на проблеме происхождения имени «казак». См.: Сахаров П. П. К вопросу о происхождении донского казачества и о первых подвигах донцов в защиту родины и веры на службе у первого русского Царя Ивана Васильевича Грозного // Донские областные ведомости. 9 января 1911. № 6.

⁵¹⁷ Сахаров П. Происхождение вольного донского казачества... С. 10.

⁵¹⁸ Там же. С. 3.

ей, воспринимая его репрессии как должное: «Царили рознь и всякое "воровство" бояр в Москве, произвол и насилие воевод по городам да повсеместные несправедливости и вымогательства мелкой приказной сошки. Ужо тряхнет подросший Грозный всю эту челядь»⁵¹⁹. Многие разбойники того времени, таким образом, в представлении П. П. Сахарова оказывались мстителями за «осиротевшее простонародье» — «святыми грешниками»⁵²⁰, которые в дальнейшем присоединялись к «гуляющим людям».

Наконец, еще одним источником пополнения казачества П. П. Сахаров называл «удалых выходцев из заднепровской, черкасской Малороссии, где все русское и православное поширалось тогда поляками»⁵²¹. Впрочем, этой восточнославянской ветви он отводил второстепенную роль в формировании казачьих общин в Донском Поле, подчеркивая, как уже говорилось, их преимущественно великоросское происхождение. Следует также отметить некоторое сходство концепций двух донских историков. Вслед за Е. П. Савельевым П. П. Сахаров истолковывал движение казаков на Дон как «обратное стремление русских славян на юго-восток Европы, откуда за три века пред тем христиане были отброшены татарами»⁵²². Очевидно, что оба автора стремились таким образом придать законность притязаниям казаков на указанные территории. Другое дело, что Е. П. Савельев под исконными обитателями этих земель имел в виду особый казачий народ, в то время как П. П. Сахаров, судя по всему, подразумевал русские поселения в Северном Причерноморье, существовавшие в X–XIII вв. В этом вопросе П. П. Сахаров следовал Х. И. Попову, считавшему, что «и при татарах оставались здесь [на Дону] русские люди, часть которых под напором стеснений могла отодвинуться к северу, а впоследствии снова двинуться на свои старые пепелища»⁵²³.

Самих казаков П. П. Сахаров изображал очень симпатичными людьми: «Этих людей на дипломатическом языке сразу прозвали разбойниками; фактически же отшельники в своей массе представляли собою вольных промышленников казаков, честных людей, дававших лишь справедливый отпор татарам приемами активной тактики»⁵²⁴. Грабительские набеги казаков, служившие им основным источником средств существования, таким образом, облагораживались, а вина за эскалацию насилия перелагалась на татар. Вообще, этих последних П. П. Сахаров ценил в сравнении с казаками невысоко, как следует из

⁵¹⁹ Сахаров П. Происхождение вольного донского казачества... С. 8.

⁵²⁰ Там же. С. 9.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Там же. С. 30.

⁵²³ Попов Х. И. Краткий очерк прошлого Донского казачества. С. 3–4.

⁵²⁴ Там же. С. 10.

пассажей, подобных следующему: «Железным острым клином вонзилось донское казачество в рыхлую толщу татарских орд»⁵²⁵.

Несмотря на то, что вольное казачество «отслоилось от окраин Великой и Малой России»⁵²⁶, «совершенно оторваться от Руси донцам не пришлось: внутренняя связь сохранилась; отделение было внешне-поверхностным»⁵²⁷. Именно эта связь, по мнению П. П. Сахарова, позволила Ивану Грозному использовать казаков, которые превратились в «весьма значительный фактор международных отношений», в качестве военной силы, дав им «первое поручение послужить их родине, царю и народу против бусурман»⁵²⁸.

В отличие от Е. П. Савельева, трактовавшего положение, при котором казаки служили России, но при этом в переговорах с «бусурманами» назывались ее же правительством разбойниками, как проявление лицемерия Москвы, П. П. Сахаров относился к этой ситуации более позитивно и, кажется, даже находил в ней некоторые плюсы, видимо, считая, что таким образом царскому правительству вместе с казаками удавалось ловко дурачить мусульманских правителей: «С самого поселения вольных казаков на Дону сложился привычный строй русско-монгольско-казачьих отношений. <...> Монголы всех сортов волком воют от казачьих визитов и тумачков, а Русь ссылается на неуловимость казаков, отпирается от всякой связи с ними»⁵²⁹.

Ограничившись историей XVI в., П. П. Сахаров, разумеется, в качестве «первой замечательной службы вольных донцов России» представил взятие Казани, однако он вовсе не ставил своей целью показать, как это делал Е. П. Савельев, что основная заслуга в успешном штурме города принадлежала именно казакам, ограничившись простой констатацией их участия в событиях 1552 г. Вообще, в отличие от своего оппонента П. П. Сахаров не пытался выставить России некий счет в уплату казакам за их заслуги перед ней. Наоборот, он считал казачью службу русскому государству вполне естественной, а использование казаков — разумным и оправданным, не забывая при этом обозначать иерархию в их взаимоотношениях: «Везде за казаками-пионерами шло правительство, общенародной силой закрепляя их земельные прирезки к русскому государству; везде оно с самых первых шагов вольного казачества старалось по мере смысла и возможности целиком использовать казачью силу и выносливость, удаль и сметливость для общегосударственных польз и нужд. А казаки при

⁵²⁵ Сахаров П. П. Происхождение донского казачества. С. 44.

⁵²⁶ Сахаров П. Происхождение вольного донского казачества... С. 12.

⁵²⁷ Там же. С. 13.

⁵²⁸ Там же. С. 14.

⁵²⁹ Там же. С. 21–22.

разумности мер никогда не противились этому, помня, что они русские люди и прирожденные “холоши государевы”»⁵³⁰.

По поводу же главного и принципиального вопроса — о происхождении казаков — П. П. Сахаров в заключительной части ростовского издания своей книги недвусмысленно заявил, что ее содержание «опровергает мнения историков, отстаивающих глубокую древность донского казачества и его донское происхождение от остатков какого-то древнеславянского племени»⁵³¹. Стоит ли пояснять, что под «мнениями историков» подразумевалась концепция Е. П. Савельева?

Итак, каждая из двух конкурирующих националистических групп Новочеркасска поддерживала свою версию казачьей истории. «Национальный казачий миф», разработанный представителем «группы Холмского» Е. П. Савельевым, выдавал казаков, пусть и не вполне последовательно (о чем будет сказано ниже), за особый, хотя и родственный русским, берущий свое начало в глубокой древности народ, что давало возможность говорить об «исконных» правах казачества на донские земли. Казаки не просто героизировались, что было характерно для любого «казакоманского» творчества, но и позиционировались как начинатели величайших достижений человеческой цивилизации. Во взаимоотношениях Дона и русского государства акцент делался на негативных моментах, идеальный демократический строй «казачьей республики» противопоставлялся «деспотической» Москве, которая представала в роли коварной завоевательницы Дона, а та часть казачества, которая поддерживала союз с Россией, обвинялась в измене. Успехи казачьего оружия, служившего на благо русского государства, ставились последнему в счет, за который следовало уплатить. Таким образом, «национальный казачий миф» Е. П. Савельева обладал мощным зарядом сепаратизма и в перспективе мог послужить идеологическим обоснованием соответствующих политических мероприятий.

В противовес Е. П. Савельеву один из лидеров донских националистов Х. И. Попов, а также поддержанный им молодой историк П. П. Сахаров придерживались более традиционной версии ранней истории казачества. П. П. Сахаров подчеркивал преимущественно великоросское происхождение основной массы донцов, московское государство отнюдь не демонизировалось, служба ему казаков представляла естественным проявлением любви к родине, в русско-казачьих взаимоотношениях на первый план выступали положительные моменты, тогда как неудобные с этой точки зрения события прошлого

⁵³⁰ Там же. С. 14.

⁵³¹ Сахаров П. П. Происхождение донского казачества. С. 44.

затушевывались. Иными словами, эта версия казачьей истории должна была показывать неразрывную связь казаков с Россией, выгодную для обеих сторон, и историческую необоснованность их противопоставления друг другу. В политическом контексте, характерном для предвоенной ситуации на Дону, это позволяло донским националистам успешно войти в альянс с русскими националистами. Сводя идеологическую составляющую двух версий казачьей истории к простым формулировкам, можно сказать, что если у Е. П. Савельева казаки представляли как такой же самобытный и (в перспективе) самостоятельный народ, как и русские, то П. П. Сахаров соотносил эти две группы как часть и целое.

***

Завершая сопоставление концепций исторического пути казачества, изложенных двумя авторами, стоит отметить, что, конечно же, конструирование «национального казачьего мифа» вовсе не исчерпывалось конкуренцией Е. П. Савельева и П. П. Сахарова. Среди казачьих националистов, как и среди националистов донских, было еще несколько исследователей, которые занимались историей казачества и зачастую имели собственные, отличавшиеся от позиции признанного «историографа» группы, точки зрения на то или иное событие прошлого.

Так, далеко не все участники «группы Холмского», писавшие об истории допетровского Дона, были склонны интерпретировать ее в контексте противостояния с Москвой и последующего подчинения ей. Тот же С. А. Холмский предпочитал говорить о «добровольном присоединении казачества к родственному Русскому народу под скипетр могучих Московских Царей»⁵³². Как видно из этого пассажа, автор не стремился скомпрометировать самодержавие, как это пытался сделать Е. П. Савельев. Наоборот, любимым сюжетом большинства казачьих националистов оставались подвиги казачества, совершенные им в борьбе с врагами России и на благо русских царей, что делало отличие их текстов от подобных же, написанных донскими националистами, практически незаметным. В допетровской истории в качестве таких подвигов рассматривалось расширение границ русского государства и их защита от турецко-татарского напора. Вот как об этом писалось на страницах «Донских областных ведомостей»: «Донские казаки более полтысячи лет, со времен Куликовской битвы, свято исполняли свое назначение — защищать южные окраины Русского государства, действуя под знаменем Креста Православного и Царя Белого <...>. Наши деды самостоятельно завоевывали царства

⁵³² Холмский С. А. Сборник казачьих песен. С. 1.

и подносили их Русскому Государю»⁵³³. Аналогичным образом высказывались и члены «группы Холмского»: «Донские казаки в четверть века увеличили русскую землю больше чем в два раза. Это была колоссальная небывалая в истории заслуга их перед своим отечеством <...> Они заслонили собой Москву от татарских орд и турок, словно каменной стеной»⁵³⁴.

Вообще же члены «группы Холмского» предпочитали писать о событиях не столь далекого прошлого. С одной стороны, история казачества XVIII — начала XX в. гораздо полнее отражена в письменных источниках, чем история предыдущих веков, что оставляет не так много места для слишком уж вольного ее конструирования. С другой стороны, именно на этот временной отрезок приходится период активного участия казачьих войск в многочисленных войнах в составе русской армии, что дает широкий простор для воспевания боевых подвигов казаков. Обращение к таким сюжетам было очень удобным для казачьих националистов, так как позволяло создавать героический образ казачества, избегая при этом негативных моментов, имевших место в истории его взаимоотношений с российским правительством, а заодно выдвинуть на первый план особые заслуги донцов перед Россией, таким образом делая ее своеобразным историческим задолжником.

Весьма благодатный материал в этом смысле давали события Отечественной войны 1812 г., столетний юбилей которой пришелся как раз на период наибольшей активности «группы Холмского». Основным методом конструирования «национального мифа» в данном случае служило придание вполне реальным подвигам донских казаков и их роли в победе русских войск гипертрофированных размеров, что особенно хорошо видно из комментариев С. А. Холмского к стихотворениям подготовленного им юбилейного сборника. Вот как, к примеру, он описывал рейд казачьей конницы под командованием атамана Платова в ходе Бородинского сражения: «Казалось, все погибло, но, в эту роковую минуту, Платов с казачьими полками перешел на нашем правом фланге реку Колочу и бросился на французский тыл, беспощадно поражая и истребляя обозы и парки неприятеля. Передовые войска остановили наступление на русских и часть их поспешила на помощь своему тылу. Тем временем русская армия снова устроилась и заняла свои позиции. Честь и свобода России были спасены

⁵³³ *Ив. Татаркин*. Об университете в городе Новочеркасске для Донского войска (Доклад собранию горожан гор. Новочеркаска) // Донские областные ведомости. 27 июля 1911. № 157.

⁵³⁴ *Стариков Т.* Смутное время...

еще раз казачеством»⁵³⁵. Как видим, успехи казаков на поле сражения, приукрашенные и в какой-то мере преувеличенные, послужили С. А. Холмскому хорошим поводом для напоминания России о том, что она в долгу у донцов. Впрочем, эту мысль он проводил и более прямолинейно: «никто так горячо и беззаветно не откликнулся на царский призыв, как наше лихое и самобытное казачество, еще раз неопровержимо доказав всему миру о своем первенствующем значении в судьбах России»⁵³⁶. В какой-то момент своего изложения С. А. Холмский окончательно терял меру и, вторя Е. П. Савельеву, придавал подвигам донцов всемирно-историческое значение: «Весь мир признал за казаками главную заслугу по одержанию победы над Наполеоном, спасению России и других царств от его завоеваний»⁵³⁷. Не стоит, конечно же, удивляться, что именно Отечественная война послужила главным источником пополнения «пантеона героев» казачества, в котором главной фигурой выступал знаменитый атаман Платов. По популярности у авторов «Голоса казачества» с ним могли сравниться только покоритель Сибири Ермак Тимофеевич и, в меньшей степени, гроза горцев Я. П. Бакланов.

Наконец, еще одним знаковым событием для «национального мифа» послужила Первая русская революция 1905–1907 гг., когда мятежи и волнения, инспирированные «врагами монархии» (такowymi объявлялись евреи, кадеты и левые), буквально поставили Империю на грань гибели. «Но своевременно были призваны исконные защитники целостности России, величия ее Царей и Веры православной [т. е. казаки. — Б. К.]»⁵³⁸. Как и в случаях со Смутой и Отечественной войной, казаки, по мнению членов «группы Холмского», вновь выступили главными спасителями Российской империи и трона Романовых. По этому поводу С. А. Холмский даже написал два псевдофольклорных стихотворения, включив их в подготовленный им сборник казачьих песен. В них, в частности, воспеваются казачья плеть, с помощью которой разгоняли «мятежников», преданность царю, роль казачества в защите России, а также отмечается инородческий характер революции: «Как девятьсот пятым годом / Мы стояли по заводам; / Охраняли мы Россию / От жидовского Мессии / И, присягу сохраняя, / Постояли за Царя»⁵³⁹.

Квинтэссенцией характерного «казакоманского» отношения к прошлому Дона может служить следующий пассаж Ф. К. Траиллина:

⁵³⁵ Холмский С.А. Юбилейный сборник казачьей поэзии... С. 17.

⁵³⁶ Там же. С. 23.

⁵³⁷ Там же. С. 39.

⁵³⁸ Пузанов В. Старое и современное казачество // Голос казачества. 18 августа 1912. № 40–41.

⁵³⁹ Холмский С. А. Сборник казачьих песен. С. 158.

«Подвигами своих предков мы можем гордиться, ибо нет в мире народа, история которого была бы полна таким богатством поучительных примеров, как история Донского Войска»⁵⁴⁰.

Подводя итог попыткам создания «казачьего мифа» казачьими и донскими националистами, приходится признать, что, несмотря на наличие большого числа авторов, вовлеченных в процесс мифотворчества, и значительности корпуса написанных ими текстов, единственной попыткой создать полномасштабный нарратив казачьей истории, исходившей из стана двух националистических групп, осталась «История казачества» Е. П. Савельева. Прочие авторы не шли дальше рассмотрения какого-то одного сюжета, служившего им материалом для написания восхваляющих казачество текстов, небольших по объему и в большинстве случаев не выходящих за рамки публицистики. Возможно, это объясняется такой характерной чертой, объединяющей всех этих авторов, как отсутствие профессионализма. Большая часть из них оставались любителями, и даже наиболее подготовленный из них П. П. Сахаров, окончивший Харьковский университет, продолжению работы там для «приготовления к профессорскому званию» предпочел (или, скорее, был вынужден предпочесть) занятие учительством. Как следствие, среди донской интеллектуальной элиты правого толка (впрочем, как и среди левой ее части) не нашлось исполнителя, способного качественно удовлетворить спрос на «национальный казачий миф». Конечно, Е. П. Савельев, не имея соответствующей подготовки, создал труд, с историографической точки зрения принципиально устаревший еще до его выхода из печати. Однако, как нам представляется, в деле создания «национального мифа» профессионализм автора играет далеко не первую роль, скорее, наоборот, излишняя научная щепетильность может помешать конструированию желаемого исторического прошлого. Поэтому нет ничего удивительного в том, что убежденный казачий националист Е. П. Савельев написал «Историю казачества», сомнительную с точки зрения академической науки, но зато щедро наполненную идеологемами, востребованными его единомышленниками, особенно С. А. Холмским⁵⁴¹.

⁵⁴⁰ *Портупей-юнкер Траилин*. Историческая панихида на Монастырском урочище (сообщение, прочитанное 22-го сентября в Новочеркасском казачьем училище) // Донские областные ведомости. 24 сентября 1911. № 201.

⁵⁴¹ В период перестройки на волне так называемого возрождения казачества ростовское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры решило осуществить репринтное воспроизведение «Древней» и «Средней истории казачества». Опыт оказался настолько удачным, что вскоре появился репринт третьей части «Истории Дона и донского казачества», начинавшийся с того момента, на котором заканчивалась «Средняя история». Вместе они обра-

зовали трехтомную «Историю казачества». С этого времени полузабытое имя Е. П. Савельева начинает стремительно набирать популярность среди «неоказачков». Он превращается в своеобразную икону казачьей историографии, перед которой преклоняются новые «казачкоманы». Немалую роль в популяризации наследия Е. П. Савельева сыграли его потомки, прежде всего правнучка Кристина Попова, по инициативе которой был создан специальный сайт в сети Интернет (<http://passion-don.org/>). В первое десятилетие нового столетия издательство «Вече» трижды переиздавало труд Е. П. Савельева под названием «Древняя история казачества» (хотя в действительности так назывался только первый том этой работы). Несмотря на то, что каждый последующий тираж был меньше предыдущего, вполне резонно прийти к выводу о наличии серьезного спроса на эту книгу. Вряд ли этот интерес можно объяснить только политикой издательства, неизменно окутывавшего «Историю казачества» такой загадочной для рядового на сенсацию читателя завесой таинственности: первый раз работа Е. П. Савельева вышла в серии «Великие тайны», во второй раз — в серии «Тайны веков», и наконец, в третий — в «Тайнах Земли Русской». Причем последнее издание сопровождалось еще и вынесением на обложку таких броских выражений, как «Казачи: воинское сословие или народ?», «Арийские корни казачества», «На службе великой России». Дополнительный интерес у определенной публики могли вызывать и авторы статей, предварявших текст самого Е. П. Савельева. В первом случае это был небезызвестный пропагандист математического метода в исторической науке А. Т. Фоменко со своим коллегой Г. В. Носовским (См.: *Фоменко А. Т., Носовский Г. В. О чем эта книга? // Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2002. С. 5–9*). Для А. Т. Фоменко значимость труда Е. П. Савельева заключается в том, что он шел в разрез с традиционным «селигеровско-романовским» каноном русской историографии, против которого так яростно выступает сам А. Т. Фоменко. Однако вместо того, чтобы приблизить историю казачества к современности, Е. П. Савельев невероятно ее удревнил. Конечно, объясняет А. Т. Фоменко, ведь он не знал «математических методов анализа хронологии», а потому не понял «подлинного смысла Великой Смуты начала XVII века» и прочих событий российской истории. Эта же статья, призванная показать эффективность «метода Фоменко», а заодно и обеспечить продажи, была опубликована во втором издании «Истории казачества» 2004 г. На третий раз издательство «Вече» придумало нечто новенькое — и прямо противоположное тому, что писал апологет «математической истории». Вступительную статью было довершено подготовить А. И. Асову (он же Барашков, он же Бус Кресень), получившему в свое время широкую известность благодаря активному продвижению так называемой «Велесовой книги» (См.: *Асов А. И. Историк, казак и провидец // Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2007*). Снисходительно покритиковал Е. П. Савельева за то, что тот «чрезмерно вольно использовал метод символической этимологии» (это замечание А. И. Асова явно позаимствовал из статьи Н. А. Мининкова к репринтному изданию «Истории казачества» 1990 г., с которым он, по собственному признанию, имел возможность ознакомиться), Асов принялся восхвалять Е. П. Савельева, этого «подвижника», который отстаивал истину в борьбе с норманистами и вообще западной исторической школой, члены которой были ни больше ни меньше «агентами влияния». Впрочем, конечная цель статьи А. И. Асова мало отличалась от той, которую ранее преследовал А. Т. Фоменко, и заключалась в стремлении использовать «Историю казачества» для подтверждения собственных идей — в данном случае идеи подлинности и значимости «Велесовой книги».

Позитивные и негативные образы в риторике донской националистической прессы

В националистических проектах как «группы Холмского», так и ДСН существенное значение имел повседневный печатный дискурс, посредством которого позволительно было сказать то, что приходилось оставлять за рамками официальных документов. Более того, ни к чему не обязывающий жанр газетной или журнальной статьи давал несоизмеримо большие возможности для использования различных языковых средств пропаганды, чем строгие программные положения. Поэтому, чтобы понять истинные устремления казачьих и донских националистов, представляется необходимым провести тщательный анализ риторики тех и других. Прежде всего следует обратить внимание на систему позитивных и негативных образов, характерную для донской националистической прессы изучаемого периода, так как именно через подобного рода выражение собственного отношения к различным явлениям и ситуациям члены «группы Холмского» и ДСН, соответствующим образом репрезентировали себя читателям, и пытались привлечь их на свою сторону.

Вообще, риторическая игра, мало поддающаяся аргументированной критике, была полноправным средством формирования электоральных настроений. В то же время она могла быть направлена и в противоположном направлении — в сторону самодержавного аппарата управления, дабы добиться от него поддержки или, по крайней мере, благосклонности. В этой связи особый интерес представляет риторическая апелляция к авторитету царской власти, характерная для националистического дискурса на Дону.

Упоминание обезличенной фигуры российского монарха⁵⁴² в «Голосе казачества» из номера в номер сопровождалось самыми возвы-

⁵⁴² Феномен отсутствия личности императора в обращениях участников «группы Холмского» и ДСН к авторитету царской власти может быть объяснен специфическим негативным образом «слабого» Николая II, сформировавшимся к этому времени. С другой стороны, этот момент можно истолковать как признание особой высшей природы царской власти, при которой ее воплощение в конкретном человеке отходит на второй план. В любом случае, эта специфическая черта риторики авторов «Голоса казачества» открыта для интерпретации.

шенными эпитетами. В ходу были такие выражения, как «обожаемый ГОСУДАРЬ, защитник и отец казачества, верховный ВОЖДЬ его», «наш обожаемый монарх», «обожаемый Царь», «Верховный Вождь, Государь Император», «Верховный Вождь русского народа, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР», «Венценосный Повелитель», «обожаемый верховный Вождь Самодержавный Царь»⁵⁴³.

Такое возвеличивание персоны российского монарха и преклонение перед ним должны были указывать на безусловную преданность донского казачества, в лице казачьих националистов, самодержавию, тем самым снимая все возможные подозрения в сепаратизме и обеспечивая программе «группы Холмского» как минимум благожелательный нейтралитет со стороны имперского управленческого аппарата и одновременно обращаясь к монархическим чувствам рядового казачества. Приверженность донцов монархической власти подтверждалась примерами из истории — как «древней», так и недавней (см. предыдущий параграф).

Кроме того, авторы «Голоса казачества» настаивали на том, что и в дальнейшем донцы останутся надежной опорой самодержавной власти. Эта интенция порой находила свое выражение в своеобразной стихотворной форме, например:

И на будущее время,
Как и встарь, на первый зов
За Царя казачье племя
Вышлет доблестных сынов⁵⁴⁴.

Не отставали от «Голоса казачества» в выражении верноподданных чувств и «Донские областные ведомости» в лице Х. И. Попова. В одном из первых номеров приобретшей статус самостоятельной газеты «неофициальной части» он заявил, что «редакция неизменно будет поддерживать <...> старые заветы донского казачества, безгранично преданного своему Самодержавному Государю, Престолу и Отечеству»⁵⁴⁵.

Особенно важным в контексте приближающихся выборов было подтверждение приверженности институту монархии в рамках деятельности Государственной думы нового созыва. В своем воззвании

⁵⁴³ Голос казачества. №№ 24, 30, 34, 47, 3-е приложение к № 48, 1912; №№ 2, 14, 1913. Следует заметить, что большинство этих возвышенных образов не было изобретением собственно казачьих националистов, а скорее являлось преко-
структом дискурса русского национализма.

⁵⁴⁴ Казак И. Чига. Казачеству (стихотворение казака Старочеркасской станицы) // Голос казачества. 1 октября 1911. № 1.

⁵⁴⁵ [Попов Х. И.] Редакционная статья // Донские областные ведомости. 5 января 1911. № 3.

к избирателям члены ДСН заявляли, что настоящий националист «предан до последней капли крови Царю»⁵⁴⁶.

«**«Живу для казачества, умру за Царя!»** [выделено автором. — Б. К.] вот достойный девиз казака депутата в 4-й Думе», — заявлял С. А. Холмский накануне первого этапа выборов и продолжал: «Казачья группа, верная заветам предков, питая верноподданнические чувства к своему Самодержавному ЦАРЮ, будет проводить в жизнь постоянное стремление, присущее верному казачеству: защищать свою жизнь Трон Российских Монархов, в целом ряде грамот выразивших казачеству свое отеческое о нем попечение»⁵⁴⁷.

Апелляция к особым отношениям, якобы установившимся между казачеством, с одной стороны, и российским императором — с другой, вообще была характерной для дискурса казачьего национализма и, как уже говорилось, являлась элементом построения «национального казачьего мифа».

Тема «отеческого» отношения царя к казакам также нашла выражение в стихах. Особенно интересной представляется псевдофольклорная «Донская сказка» автора, скрывавшегося под псевдонимом «Л. Б.». В ней европейские монархи хотят купить у русского царя донских казаков и предлагают ему взамен несметные богатства, на что слышат в ответ: «— Я дивлюся вам, ей-ей! / Где же видано на свете, / Чтоб отец продал детей?»⁵⁴⁸ «Изобретение» фольклорных текстов, очевидно, преследовало две цели: подтвердить «врожденность» монархизма у казачества и придать «семейным» отношениям с Россией особый, «древний» характер.

Настаивая на «отеческом» характере отношения русских царей к казачеству, националистическая риторика подразумевала и ответные особо доверительные отношения донцов к монарху: «Если кому и верит казак без тени сомнений, то лишь своему природному Самодержавному Царю!

Верит казак Царю с такой же теплой надеждой и любовью, как верили искони и его предки Русским Царям. И потому еще глубоко верит казак обожаемому Царю, что и сам наш Верховный Вождь, Государь Император, верит своему казаку, этому вернейшему и преданнейшему изо всех его подданных, непоколебимой опоре Его царственного Трона»⁵⁴⁹.

Следует заметить, что претензии казачьих националистов на «отеческое» отношение царей к донцам во многом соответствовали репре-

⁵⁴⁶ Воззвание «Донского Союза Националистов» к избирателям...

⁵⁴⁷ Холмский С. Выборы в казачестве // Голос казачества. 19 сентября 1912. № 47.

⁵⁴⁸ Сообщил Л. Б. Донская сказка // Там же. 31 мая 1912. № 32.

⁵⁴⁹ Холмский С. Выборы в казачестве // Там же. 19 сентября 1912. № 47.

зентативной политике самих российских императоров. Как известно, еще в 1827 г. наследник Александр Николаевич стал почетным «Атаманом всех казаков», что, по мнению Ричарда Уортмана, было представлено как прямая персональная связь императорской фамилии с казаками⁵⁵⁰. А церемония в Новочеркасске 21 октября 1837 г., сделав должность почетного атамана атрибутом наследственного права цесаревича, «отождествила преданность казаков с преданностью сына отцу...»⁵⁵¹

Возвышение образа русского царя, в свою очередь, позволяло, подчеркивая собственную преданность самодержавной власти, одновременно дискредитировать тех, кто не проявлял должного уважения к монархии. В частности, такой упрек предъявлялся политическим соперникам националистов — кадетам: «Не знаменательно ли также, например, явление, что в то время, когда Верховному Вождю русского народа, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ представлялись члены Государственной Думы не только от правых партий, но даже некоторые из "кадет-казаков" <...> наши кадеты позволили себе игнорировать Высочайшую власть»⁵⁵².

Все эти приемы — возвышение образа русской монархии, включение его в «национальный миф», претензия на особый характер отношений между русскими царями и казачеством — служили важным средством легитимации националистической программы «группы Холмского», так как апелляция к авторитету самодержавной власти подразумевала, во-первых, высокий статус этой власти и, во-вторых, обоснование права на то, чтобы быть ею услышанными.

Сама риторическая апелляция к царской власти как легитимирующее средство осуществлялась за счет косвенной или прямой привязки фигуры императора к конкретным пунктам программы «группы Холмского». Так, например, обоснование права донского казачества на самоуправление в хозяйственной сфере находило свое выражение в следующих фразах: «Самоуправление необходимо казакам как воздух для жизни, но не чужое, зависимое от случайных бродяг, а свое, живое, на несокрушимом древнем фундаменте. Неужели верные Престолу, беззаветно любящие своего Вождя, храбрые казаки, не заслужили права распоряжаться своей собственностью?»⁵⁵³ В данном случае мы видим практически весь набор приемов, характерных при обращении к теме монархии, — и возвышенный образ русского царя,

⁵⁵⁰ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 462.

⁵⁵¹ Там же. С. 481–482.

⁵⁵² А. Верхне-Чирский. Выборщики от Донской области! // Голос казачества. 25 октября 1912. 3-е приложение к № 48.

⁵⁵³ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 5 июля 1912. № 33.

и выражение преданности ему со стороны казачества, и претензию на особые заслуги донцов перед самодержавием, в результате использования которых риторический по форме вопрос подразумевает единственно возможный ответ — «да, заслужили».

Другой пример показывает прямую апелляцию к институту монархии как к единственному средству решения жизненно важных для донского казачества задач: «Не спи казак! Спеши скорее на майдан! Моли своего обожаемого верховного Вождя Самодержавного Царя разрешить своим доблестным и верным казакам собраться в "Войсковой хозяйственный круг"»⁵⁵⁴.

Схожим образом, с использованием тех же риторических приемов, обосновывалась и необходимость устройства специфически казачьей системы обучения: «Вот такая школа нужна нам, казакам <...> а не земская с ее разноплеменным составом учащихся; только такая школа для казаков и даст Царю, России и казачеству поколения <...> верные своему долгу пред родиной и ее Венценосным Повелителем»⁵⁵⁵.

Наконец, и это в контексте выборов 1912 г. имело особое значение, посредством обращения к авторитету монархической власти обосновывались как сам институт Государственной думы, так и необходимость избрания преданных императору представителей от Войска Донского: «К счастью всей России, а с ней и всего русского казачества, наш обожаемый Государь пробудил православную Русь от спячки и направил народ по пути прогресса и культуры»⁵⁵⁶.

Таким образом, риторическое обращение к авторитету царской власти имело большое значение в националистическом дискурсе на Дону начала XX в. и выполняло несколько функций, а именно:

- отклонение возможных обвинений в сепаратизме за счет выражения безусловной преданности российской монархии;
- включение темы «исторически обусловленных» особых отношений между русскими царями и донским казачеством в построение «национального мифа»;
- дискредитация политических соперников, не разделяющих монархических настроений.

В совокупности эти приемы должны были снять все подозрения в нелояльности казачьих националистов существующему строю и способствовать тому, чтобы националистическая программа «группы Холмского» была встречена с должным пониманием со стороны правительственного аппарата, а в перспективе — получила бы у него поддержку. Легитимация конкретных пунктов программы также осу-

⁵⁵⁴ А. Верхне-Чирский. Не спи казак! // Там же. 28 апреля 1913. № 14.

⁵⁵⁵ Орлов П. Казачьи вопросы // Там же. 18 июля 1912. № 34.

⁵⁵⁶ Холмский С. Читателям // Казачьи Думы... С. 5.

ществлялась за счет апелляции к авторитету власти «Самодержавного Царя». Следует оговориться, что, на наш взгляд, не стоит воспринимать подобную риторическую практику авторов «Голоса казачества» со строго инструменталистских позиций. Использование образа царя для осуществления националистического проекта «группы Холмского» вовсе не означает, что ее участники с холодной циничностью эксплуатировали приверженность институту монархии как рядового казачества, так и самого самодержавного режима. Они вполне могли быть носителями схожих настроений, и вряд ли мы имеем право упрекать их в неискренности.

Для донских националистов проблемы лояльности властей и обвинений в сепаратизме практически не существовало, тем не менее и они, будучи изначально представителями консервативного крыла российской общественно-политической мысли, а следовательно, монархистами, постоянно педалировали тему собственной преданности российскому престолу и государю.

Одной из форм выражения верности самодержавной монархии в дискурсе донских и казачьих националистов стало признание в любви к «большой Родине», то есть к России. Соответствующая риторика строилась в основном вокруг двух взаимодополняющих понятий: с одной стороны, «святая Русь» как высочайший морально-нравственный символ, с другой — «Великая Россия» как выражение военно-державной мощи государства. В свою очередь, казаки в таком ракурсе представляли как защитники первой ипостаси Родины и как сила, на которой основывалось могущество второй. Так, пославший свою статью в «Голос казачества» с Кубани П. Орлов называл казачество «одним из важнейших органов жизни России» и «оплотом Государства»⁵⁵⁷, С. А. Холмский — «то спасителями, то оберегателями, то мстителями за славу и честь Руси», в то же время «занимающими почетное место в деле расцвета государственной мощи Великой России»⁵⁵⁸, В. Пузанов — «славными сынами России»⁵⁵⁹. Практически в тех же выражениях описывали значимость казачества для государства донские националисты, называя его «одним из важнейших оплотов русской национальной силы» и «грозой для всех врагов России, не исключая даже сильных западных противников»⁵⁶⁰.

Участники двух националистических групп формировали, хотя и с использованием темы служения Руси/России, но вполне самостоятельный образ «Тихого Дона», «славного донского казачества». Есте-

⁵⁵⁷ Орлов П. Казачьи вопросы // Голос казачества. 5 июля 1912. № 33.

⁵⁵⁸ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 18 августа 1912. № 40–41.

⁵⁵⁹ Пузанов В. Старое и современное казачество // Там же. 18 августа 1912. № 40–41.

⁵⁶⁰ Кочергин М. Казачья служба // Донской край. 6 октября 1912. № 6.

ственно, что для националистов, будь то казачьих или донских, «многовековая слава Дона»⁵⁶¹ составляла главное символическое богатство, к которому они постоянно апеллировали. Однако наиболее возвышенный образ казачества был создан Е. П. Савельевым в его «Истории» и уже цитировался выше. Конечно, и те и другие пытались, обращаясь к образу «Тихого Дона», склонить читателя на свою сторону. Так, один из постоянных авторов «Голоса казачества» И. Тамаревский в одном из своих стихотворений употребил этот образ в соседстве с названием журнала: «Слышен “Голос казачества” с Тихого Дона, / Виден с Дона казачеству истины свет... / Отзовитесь же, дети приволья былого, / Дети удали, славы и громких побед!»⁵⁶² Такой прием, очевидно, должен был придать журналу дополнительную легитимность среди казаков, представляя его в качестве выразителя стремлений «Тихого Дона», то есть всего казачества.

Схожим образом поступали и донские националисты, которые в своем воззвании к выборщикам просили их: «Выбирайте крепких духом казаков, которые постояли бы за “Тихий Дон”, за его вековые права и устои»⁵⁶³. Здесь также за счет обращения к образу, имеющему абсолютную ценность, редакция «Донского края» стремилась обосновать правильность определенного политического выбора.

Наряду с образом «Тихого Дона» казачьи националисты активно эксплуатировали тему единой «казачьей семьи». Еще в 1910 г. С. А. Холмский писал об «определенном духовном облике казака, независимо будь то уроженец Донского, Кубанского или иных войск»⁵⁶⁴. Он же в одной из первых своих редакционных статей в «Голосе казачества» призывал: «спасем самих себя от исторической гибели, приложим все силы и средства, соединимся в общую казачью семью без различия войск, догоним в культурном и военном отношении общественную жизнь страны и тогда с гордостью докажем нашим недругам великое историческое значение слова “казак”!»⁵⁶⁵ В статье, посвященной основанию «казачьей партии», С. А. Холмский писал: «Не беда, что тысячи верст разделяют их [казаков]; могучее семейное чувство неразрывными узами связало казачество, а старинные обычаи братства и равенства освятили эту связь»⁵⁶⁶. Образ «единой казачьей семьи» выполнял важную идеологическую роль в пропаганде казачьего

⁵⁶¹ А. Верхнее-Чирский. Каким Донской казак должен быть в Государственной Думе? // Голос казачества. 25 октября 1912. 3-е приложение к № 48.

⁵⁶² Тамаревский И. Голос казачества (Посвящается С. А. Холмскому) // Там же. 18 июля 1912. № 34.

⁵⁶³ Привет выборщикам // Донской край. 23 октября 1912. № 16.

⁵⁶⁴ Холмский С. А. Сборник казачьих песен. С. II.

⁵⁶⁵ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 16 октября 1911. № 3.

⁵⁶⁶ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 18 марта 1912. № 24.

национализма, так как позволял придать дополнительный вес своим заявлениям, говоря от имени «пяти миллионов»⁵⁶⁷, то есть от имени всего российского казачества, а не только Войска Донского. Иначе говоря, в момент зарождения «казачьей партии» С. А. Холмский попытался сразу вывести ее на общероссийскую политическую арену. Он прямо писал, что «задача "Казачьей партии" — объединить все живущее на свете казачество, напомнить ему <...> жизненные цели и поставить его на подобающее почетное место в рядах славянской народности»⁵⁶⁸.

Любопытно, что апелляция к «единой казачьей семье» позволяла вывести на общероссийский уровень и пропаганду против кадетской партии. П. Юдин в статье, которая так и называлась — «Объединение казачества», призывал представителей всех казачьих войск голосовать за «своих» вместо кадет, обосновывая такое политическое единство тем, что «все казаки одинаково служили Царю и России в защиту трона и Веры православной, и раньше, на протяжении более трех веков, также согласно оберегали границы от варварских вторжений недругов, посягавших на целостность и достоинство русского государства».⁵⁶⁹

Донские националисты, в отличие от «группы Холмского», выступали в большей мере в роли выразителей локального патриотизма как проявления общероссийского национализма, а потому, хотя и не раз выражали симпатии к прочим казачьим войскам, прежде всего к соседним Терскому и Кубанскому, в своей риторической игре не пытались разыграть карту «единой казачьей семьи».

***

Наряду с положительными националистическая риторика «группы Холмского» и ДСН была наполнена и многочисленными отрицательными образами, которые можно свести к традиционному для национализма образу «другого/чужого», стоящего на пути благополучия нации, то есть, в конечном счете, к образу «врага». Более того, различные варианты образа «врага» занимали чуть ли не центральное место в риторике обеих групп. В качестве «врагов» выступает целая группа «противников» донского казачества, более или менее соответствующая донским реалиям начала XX в.: «иногородние», «инородцы» (под которыми особенно часто подразумевались евреи, а также армяне), «кадеты» (к числу которых причислялись и политические деятели, не состоявшие в конституционно-демократической партии,

⁵⁶⁷ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 18 марта 1912. № 24.

⁵⁶⁸ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 12 мая 1912. № 30.

⁵⁶⁹ Юдин П. Объединение казачества (Мысли перед выборами депутатов в Государственную Думу) // Там же. 12 мая 1912. № 30.

как, например, особо нелюбимый казачьими националистами «мирно-обновленец/прогрессист» И. Н. Ефремов), «левые/социалисты», «либеральствующая интеллигенция».

Как видно из этого «набора», негативные образы националистического дискурса «группы Холмского» и ДСН могут быть сгруппированы в два блока: «враги по происхождению» («иногородние» и «инородцы») и «враги по убеждениям» («кадеты», «левые» и «либеральствующая интеллигенция»). Причем внутри блоков они могут выступать в качестве полных или частичных синонимов, то есть «иногородние» одновременно могут быть «инородцами», а «кадеты» и «левые» сливаются в формуле «либеральствующая интеллигенция».

Главным способом критики «врагов по происхождению» для «группы Холмского» являлось приписывание им неких врожденных, изначально присущих черт, противоположных чертам идеализируемого донского казачества и несущих ему угрозу. Наиболее очевидным кандидатом на приписывание негативных характеристик традиционно выступали евреи, которым авторы «Голоса казачества» инкриминировали стандартный набор обвинений — торгашество, аморальность, безбожность, ненависть ко всему нееврейскому, паразитарное стремление к захвату власти в «стране-доноре».

Как пример можно привести одну из редакционных статей С. А. Холмского. Сначала он цитировал дружественный «Кубанский казачий листок», в котором евреям давалась крайне отрицательная оценка, «как племени, испорченному нравственно, могущему внести с собою лишь скверное и вредное», и звучал призыв «считаться с общеустановившимся взглядом на зловредность еврейского племени для всего не еврейского»⁵⁷⁰. Затем редактор солидаризировался с подобным мнением: «Так пишут <...> в "Кубанском казачьем листке", газете в высшей степени серьезной и симпатичной казачеству»⁵⁷¹.

Приписывая евреям стремление к захвату власти, другой автор из «группы Холмского» характеризовал их «опыт» следующим образом: «Из своей тысячелетней истории евреи хорошо знают, что они не могут господствовать в стране, где народ крепко держится христианской веры, где правительство твердо стоит у власти, где население с уважением смотрит на себя и на имя своего народа»⁵⁷². Импликация данного утверждения явно направлена против евреев, которые предстают как противники христианской веры, твердой государственной власти, как пропагандисты презрения коренного народа к себе и собственному имени.

⁵⁷⁰ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 8 февраля 1912. № 18.

⁵⁷¹ Там же.

⁵⁷² В. К. Что такое ка-деты? // Там же. 12 марта 1912. № 23.

Вердикт, вынесенный евреям, звучал сурово и оправдывал свою строгость очередной констатацией «факта» их изначальной враждебности к неевреям: «Не может быть речи о человеческом праве по отношению тех, кто не признает прав коренных жителей и не уважает порядка, обычаев и законов, к использованию которых эти “человеки” стремятся»⁵⁷³.

Дискредитация «врагов по убеждению», как она предстает на страницах «Голоса казачества», мало отличалась от той, что была направлена против «врагов по происхождению». В публикациях участников «группы Холмского» трудно обнаружить сколько-нибудь содержательную критику социалистических или либеральных взглядов их политических противников. Зато типичными являются «убийственные» характеристики, такие, например, как данная автором, скрывшимся под псевдонимом «В. К.»: «Мы все свидетели того, как ка-деты борются с государственной властью: одобрение убийств, газетная клевета, всяческое распространение ложных слухов, все средства для них хороши, лишь бы вели к ослаблению власти и искоренению в народе веры в эту власть»⁵⁷⁴.

Тот же набор обвинений в аморальности, агрессивной враждебности по отношению к сильной государственной власти и негативной пропаганде среди коренного населения, что предъявлялся инородцам в лице евреев, вовсе не случаен. Риторическое, не подтвержденное сколько-нибудь значительной аргументацией сведение двух образов — «инородцев» и «кадет» — выступало главным средством дискредитации политических соперников в преддверии приближающихся выборов.

В этом смысле одним из наиболее серьезных упреков депутатам III Государственной думы (1907–1912 гг.) от Войска Донского являлось обвинение в защите интересов евреев в ущерб интересам собственно казачества: «Пять лет там боролись люди за свои права, но эти люди были: поляки, армяне, литовцы [т. е. все те же «инородцы». — Б. К.] и другие народности России и даже пришельцы евреи [что, видимо, должно быть для рядового читателя особенно вызывающе. — Б. К.], и те стремились выпросить право на обездоливание русской земли и ее народа [пример репрезентации «инородцев» в качестве «паразитов» на теле России. — Б. К.]; послы же донцов, сугубо вздыхая, говорили: “Делайте во имя Христа”, но сами для пославшего их Дона ничего не хотели сделать»⁵⁷⁵.

⁵⁷³ Пузанов В. Счастье от времени // Там же. 14 февраля 1912. № 19.

⁵⁷⁴ В. К. Что такое ка-деты? // Там же. 12 марта 1912. № 23.

⁵⁷⁵ Пузанов В. Старое и новое казачество // Там же. 18 августа 1912. № 40–41.

Нежелание депутатов отстаивать специфические интересы донского казачества могло бы восприниматься как банальное неумение делать это, если бы в то же время они не выступали в защиту евреев, что, по мнению редакции «Голоса казачества», являлось уже прямым предательством Войска Донского: «Гнушались они святой стариной, стыдились называться казачьим именем. И говорили эти депутаты, много говорили. Часто и со слезой на глазах, да только не о казачьих нуждах и печалях, а о, более дорогом им, еврейском благополучии»⁵⁷⁶.

Очевидно, присутствие таких депутатов в составе Государственной думы представлялось «группе Холмского» нежелательным: «Лучше бы уж молчали <...> чем выступали бы в защиту евреев, в пользу их повсеместного свободного жительства, разумеется, в том числе по казачьим областям, где, к слову сказать, ни один жид теперь не имеет права прожить более трех дней»⁵⁷⁷.

Как видим, автор откровенно гордился положением, при котором нахождение еврея в пределах Войска ограничивалось строгими временными рамками, усиливая эффект использованием характерного пейоратива. Изменение этого положения, очевидно, должно было восприниматься читателем как угроза, а сторонники такого изменения — как предатели интересов донского казачества.

Однако участники «группы Холмского» вовсе не ограничивались прозрачными намеками, а зачастую прямо обвиняли «кадет», эту «змеиную партию»⁵⁷⁸, в связях с инородцами, как это, например, делал сам редактор-издатель «Голоса казачества»: «Достаточно сказать, что все левые и кадеты действуют заодно с евреями против своих же. Одно это заставит всякого порядочного и уважающего себя казака отвернуться от подобных господ»⁵⁷⁹. Последнее предложение звучало уже явным призывом бойкотировать либеральные и социалистические партии на предстоящих выборах.

Причин, по которым «прихвостни из либеральствующей интеллигенции»⁵⁸⁰ служат интересам «жидов, армян и других инородцев»⁵⁸¹, могло быть, согласно версии «Голоса казачества», только две: либо эти «прихвостни» продались «инородцам», либо они сами — «жиды и армяне».

⁵⁷⁶ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 23 октября 1912. 1-е приложение № 48.

⁵⁷⁷ Пузанов В. Старое и новое казачество // Там же. 18 августа 1912. № 40–41.

⁵⁷⁸ А. Г. К вопросу о «казачьем» земстве // Там же. 28 февраля 1912. № 21.

⁵⁷⁹ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 25 марта 1912. № 25.

⁵⁸⁰ Орлов П. Казачьи вопросы (с Кубани) // Там же. 18 июля 1912. № 34.

⁵⁸¹ Там же.

Таким образом, «Голос казачества» дает нам показательный пример использования риторического приема, при котором два негативных образа сводятся воедино, взаимно усиливая друг друга. «Враги по происхождению» оказываются тесно связаны с «врагами по убеждениям», а иногда и вовсе сливаются в один образ. Иначе говоря, перед нами сложный, включающий в себя несколько элементов «образ врага». В данном случае это симбиоз «изначально враждебного» казачеству и России еврейства и других «инородцев» с партией «кадетов», состоящей из продажных политиков и самих «инородцев», а также «левых» и прочей «либеральствующей интеллигенции».

Наиболее концентрированное выражение образ «врага», сконструированный «группой Холмского», нашел в своеобразном стихотворении «Кадетский памятник» еще одного скрывшего собственное имя автора, напечатанном в № 42–43 за 1912 г. Следует отметить, что перевод политической борьбы в стихотворную форму представляется особенно «удачной» формой негативной пропаганды, так как совершенно лишает противную сторону возможности аргументированно возразить — с поэтическими образами не спорят, разве что другими такими же образами.

«Кадетский памятник» настолько насыщен негативной риторикой, что, дабы не нарушить ее структуру, позволю себе привести его текст полностью:

— «Россия будет вся кадетской!»
 Кадет в Москве провозгласил
 И этой фразой глупой, детской,
 В меня сомнение вселил.
 Кадеты кто? Сыны России,
 Иль инородческий лишь сброд,
 Что ждет пришествия Мессии
 И мнит, что «избранный народ»?
 Винавер, Левин, Кизеветтер,
 Таких кадетов «русских» тьма...
 Их к нам пригнал попутный ветер
 Из Иудеи... Русь сама
 К себе их вовсе не просила...
 Они плодились ... и теперь,
 У них в руках и власть и сила,
 А нам указывают дверь...
 Но то — не русские кадеты.
 Среди них — истых русских нет! —
 Евреи там и их клеветы!
 Не может **русский** быть кадет!

Их слава так уж прогремела,
 Что стыдно русским быть среди них,
 И в ком честь, совесть уцелела,
 Тот отвернется от них в миг...
 А утверждать, что Русь «кадетской»
 Вся будет: это — ерунда!
 Такой наивной фразой детской
 Вам не поддеть нас, господа!
 Узнали цену мы кадетам:
 Цена им — грош... Придет момент,
 И перед целым белым светом
 Соорудят им монумент...
 И, в назидание потомству,
 На нем мы можем начертать
**«Служили верою жидовству
 И Русь хотели им продать»...**⁵⁸²

Начиная с иронических намеков на «избранный народ» и специфические фамилии членов кадетской партии, автор заканчивает грубым пейоративом и прямым обвинением в продажности. Явным свидетельством идущей предвыборной кампании является фактический призыв бойкотировать партию конституционалистов-демократов, руководствуясь критерием национальности, — «не может русский быть кадет». Наконец, еще одним важным средством дискредитации в данном случае выступает риторическое понижение интеллектуального уровня противника за счет использования таких слов, как «глупый», «детский», «ерунда».

Конечно, в случае создания «образа врага» на страницах «Голоса казачества» говорить о нем как о средстве конструирования нации не приходится. Скорее, перед нами вполне прагматическая попытка с помощью печатного слова дискредитировать политического противника и отобрать у него голоса на предстоящих выборах. Приведем еще один яркий образчик «черного пиара», появившегося буквально накануне выборов в IV Государственную думу в специально вышедшем по этому случаю приложении к журналу «Голос казачества»: «Выборщики! Если вы хотите великой государственной разрухи, если вы хотите экономического разгрома, военной деморализации, если вы хотите отдать казачество в руки кадетского оркестра с еврейско-армянским дирижером, если вы хотите отдать университет, Областную опытную станцию и Войсковой винный подвал армянскому городу Нахичевани

⁵⁸² Адам. Кадетский памятник // Голос казачества. 26 августа 1912. № 42–43. Выделение жирным шрифтом — авторское.

Н/Д, голосуйте за кадетов, как из русских, так и из армян, а также и за евреев»⁵⁸³.

Донские националисты в этом смысле ничем не отличались от казачьих националистов. Так же как и в «Голосе казачества», излюбленной темой авторов «Донских ведомостей» и «Донского края» была критика депутатов-кадет, выбранных в III Государственную думу от ОвД, но отстаивавших там вовсе не казачьи интересы⁵⁸⁴. В отношении казаков, вступивших в кадетскую партию, донские националисты были непримиримы, отказывая им в праве на само имя казака: «Такие казаки, как утратившие дух и все, что составляет честь и высокое звание казака, проникнутые политиканством и другими порочными наклонностями, не могут быть истинными казаками»⁵⁸⁵.

Накануне выборов 1912 г. особо рьяной была критика местных новочеркасских кадет и их печатного органа «Новочеркасской речи»⁵⁸⁶. Градус противостояния был настолько высок, что лидер местной оппозиции В. А. Харламов попытался привлечь автора статьи «Как вы думаете?»⁵⁸⁷ и главного редактора «Донских ведомостей» Г. П. Янова к судебной ответственности.

Соединение двух негативных образов в одном составном образе «врага» активно использовалось донскими националистами для дискредитации своих противников в глазах избирателей. Ярким примером подобного рода риторики может служить следующий пассаж: «Они [кадеты] стремятся всей душой к революции, эмансипации, к беспорядкам. Весьма вероятно, они будут хлопотать о том, чтобы понапустить евреев в Тихий Дон и в Новочеркасск, сдать еврейскому синдикату казачьи земли и обложить налогом в пользу своей лиги каждую казачью нагайку. <...> Они недруги казаков»⁵⁸⁸. Как видим, кадеты в интерпретации автора тесно увязываются с понятиями революции и эмансипации, причем очевидно, что для него оба понятия были явно нагружены отрицательным смыслом, и их соседство с «беспорядками» симптоматично. Однозначно негативное восприятие автором евреев также очевидно, и он даже не пытался обосновать такое отношение к ним, как и без того само собой разумеющееся. Впрочем,

⁵⁸³ А. Верхне-Чирский. Выборщики от Донской области!

⁵⁸⁴ См., например: Родионов. Вниманию казаков // Донские областные ведомости. 21 июля 1912. № 156; Семенов К. Вниманию избирателей // Там же. 19 сентября 1912. № 199; Сергеев Г. Основы кадет // Там же. 26 сентября 1912. № 205.

⁵⁸⁵ Свой. Тоже казаки // Там же. 24 марта 1911. № 67.

⁵⁸⁶ См., например: Борисов Н. «Кадетское» самозабвенье // Там же. 25 сентября 1912. № 204; Попов И. Своя линия // Там же. 28 сентября 1912. № 206; Борисов Н. Клевета в печати // Там же. 10 октября 1912. № 214.

⁵⁸⁷ Сергеев Г. Как вы думаете? // Там же. 17 сентября 1912. № 197.

⁵⁸⁸ Rectus. Новочеркасские кадеты // Донской край. 3 октября 1912. № 4.

косвенное обвинение в «торгашестве» встречаем в тексте в виде указания на «еврейский синдикат». Сама возможность появления евреев на освященном преданием «Тихом Дону», судя по всему, должна была вызывать у читателя ужас перед столь вопиющим осквернением заповедной территории. Вывод из подобного рода негативной агитации был вполне очевиден и заключался в призыве голосовать не за представителей оппозиции, а за националистов: «Не избирайте краснотряпичников, краснобаев, у которых нет ни Бога, ни совести, ни любви к народу! Почтенные, добрые депутаты националисты меньше скажут пустой болтовни, но больше добра вам сделают»⁵⁸⁹.

Интересно, что донские националисты использовали данный риторический прием не только против идеологически чуждых кадет, но и против своих «националистических соседей» из «группы Холмского», лидеру которой инкриминировалось то, что он скрытый еврей (см. подробнее в Гл. I, § 2). Видимо, предполагалось, что подобное обвинение бесповоротно дискредитирует С. А. Холмского в глазах рядового казачества.

Важную роль в построении «образа врага» в идеологии донских и казачьих националистов играла цепочка взаимосвязанных и взаимодополняющих конструктов, предназначенных обозначать «Другого». Собирательное понятие «иногородние», под которым подразумевались все те обитатели ОВД, кто не подходил под определение «войсковое сословие», то есть не были казаками, могло уточняться и, таким образом, распадаться на несколько других названий. Так, русские крестьяне, осевшие на землях Войска Донского, считались «иногородними», но также попадали и под категорию «мужики», а представители прочих народов — под категорию «инородцы». Конкретное происхождение последних также могло указываться, что особенно часто практиковалось в отношении тех же евреев. Как уже говорилось, все эти понятия-образы использовались в тесной связи друг с другом, так что не всегда возможен их отдельный анализ. Тем не менее, принимая все это во внимание, все же попытаемся разобраться в том, как именно донские и казачьи националисты включали их в свою риторическую игру для построения «образа врага».

По мнению местных националистов, именно представители «иногородних» пополняли класс состоятельных людей на Дону: «местными богатеями <...> обыкновенно являются торговцы и землевладельцы из иногородних»⁵⁹⁰. Уже такое, восходящее к христианской морали, осуждение материального накопления должно было способствовать

⁵⁸⁹ Там же.

⁵⁹⁰ Хоперский И. К снаряжению казаков на службу // Донские областные ведомости. 3 марта 1912. № 50.

негативному восприятию «иногородних» читателями из рядовых казачков. Однако, как правило, дело не ограничивалось простой констатацией факта наличия у «иногородних» некоего «богатства». Большое значение в риторике обеих националистических групп придавалось изображению того, каким путем приобреталось это «богатство»: по мнению националистов, оно наживалось за счет казачества и нечестным путем. Для того чтобы подчеркнуть неприглядный образ действий «иногородних», их в таких текстах сравнивали с насекомыми. Так, один из авторов «Голоса казачества» писал: «В каждом <...> селекции присосались, как клещи, несколько паразитов-иногородних»⁵⁹¹. Ему вторил коллега из «Донских ведомостей»: «Расчет паука-перекупщика верен, паутина сплетена по всем правилам кровопийства»⁵⁹². Таким образом, к возмущению читателя националистической прессы несправедливыми способами сколачивания состояния «иногородними» добавлялось естественное отвращение к ним как к представителям «низшей формы жизни». Отсюда делался вывод, что это «нежелательный, враждебный казачеству иногородческий элемент»⁵⁹³.

Разновидностью «иногородних» в риторике националистов, как уже сказано выше, оказывался «мужик», антипод возвышенного образа «славного казака», лишенный маскулинных черт последнего. Не зря С. А. Холмский восклицал: «казак — не мужик»⁵⁹⁴. В его изображении «мужик» приобретал черты, делающие этот образ максимально приближенным к классическому образу еврея, имевшему хождение в правой печати: «“Мужик” открыл торговлю на занятый у простодушного казака рубль, нажил обманом, обвесом и обмером на этот трудовой рубль десять, и уже прочно обосновался <...> год от года расширяя свою торговлю; он уже дает деньги в рост тем казакам, у которых занимал их на “начало дела” сам, под громаднейшие проценты, под залог хлеба, скота, под движимое и недвижимое имущество <...> опутывает добродушных казаков, как паутиной, всякого рода долговыми обязательствами и, конечно, именно “на казачьем горбу живет себе припеваючи”, выжимая все соки из казаков»⁵⁹⁵. Более того, сходство «мужиков» с евреями прямо декларировалось: «Если в Донской области нет евреев, по закону не имеющих право жительства в черте казачьих поселений, то зато имеются православные хриstopродавцы, которые по части гешефтмахерства любому Израилю не уступят»⁵⁹⁶.

⁵⁹¹ Скачков П. Жив дух // Голос казачества. 16 ноября 1911. № 7.

⁵⁹² III. Право кулаков // Донские областные ведомости. 4 января 1912. № 3.

⁵⁹³ Холмский С. Выборы в казачестве // Голос казачества. 19 сентября 1912. № 47.

⁵⁹⁴ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 16 ноября 1911. № 7.

⁵⁹⁵ Там же.

⁵⁹⁶ III. Право кулаков // Донские областные ведомости. 4 января 1912. № 3.

Приписываемые «мужику» такие качества, как алчность, склонность к обману, «паразитизм», резко отличали его от идеализированного образа казака и должны были, по мысли С. А. Холмского, вызывать у самих казаков отвращение: «Все эти способы к достижению жизненных благ казакам не сродны и органически ими не выносимы. «Куркуль» — кличка пауку и мироеду — произносится казаками всегда с большим презрением»⁵⁹⁷.

Нежелательность «иногородческого элемента» доказывалась тем аргументом, что экономическая деятельность «невойскового сословия», а также его быстрый прирост ведут к вытеснению казачества как из экономики Донской области, так и, в перспективе, с самой этой территории: «Кто у нас копает шахты, кто занимается горным делом? Иногородние — пришлый элемент. <...> получается такое положение, что казаки сидят на богатствах, сами не могут разрабатывать, а чужие тащат да тащат <...> Казаки сами дали торговать Темерницкой таможне, и здесь вырос скоро <...> Ростов на Дону <...> за Сулиным идет Зверев, Макеевка, армянская колония Нахичевань, греческая колония Таганрог и т. д. до бесконечности. Скоро, пожалуй, казакам негде будет жить»⁵⁹⁸.

Но «объективный» вред «иногородних» в представлении националистов дополнялся, как уже говорилось, их «враждебностью» к казакам, выражающейся в определенном политическом курсе: «Иногородний — пришлый элемент открыто требует себе равных с нами прав на нашу землю, добытую кровью дедов <...> евреи, поляки и армяне Ростова, Нахичевани, Таганрога, Азова и других бывших казачьих городов, захлебываясь от радости, нагло с торжеством заявляют о близком конце казачества»⁵⁹⁹.

Опасность «иногородних» в изложении донских и казачьих националистов не только использовалась для конструирования «образа врага», но и служила важным аргументом во вполне конкретном споре о введении в Новочеркасске городского положения по общероссийскому образцу, каковое было неприемлемо для «правого Дона». Так, например, С. А. Холмский рисовал будущее столицы Войска Донского, ожидавшее его в том случае, если городское положение для Новочеркаска будет утверждено: «Управлять главным нервом опоры Трона набежит пестрая смесь инородцев с армянами, а пожалуй в близком будущем и евреями во главе. Новочеркасск потеряет дорогой нам казачий облик, постепенно превратится в поддонок еврейского Ростова, а казачество, оттесненное в степи, в недалеком времени увидит те же

⁵⁹⁷ Там же.

⁵⁹⁸ Краснянский М. Б. Горное дело на Дону и иногородние // Голос казачества. 8 января 1912. № 14.

⁵⁹⁹ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 8 февраля 1912. № 18.

опыты и с окружными станицами, опыты, ведущие к искоренению казачества и переименованию земли Донского Войска в губернию»⁶⁰⁰. Итог такого поворота событий рисовался С. А. Холмским не радужным: «Цепко усядутся иноземцы на казачьей шее, и не сбросишь их тогда с теплого, давно облюбованного жадными глазами места»⁶⁰¹.

Между тем «иногородние» в представлении донских и казачьих националистов имели перед казаками большое преимущество, так как, в отличие от последних, не были обязаны государству поголовной военной службой и снаряжением за собственный счет. Как следствие, решение проблемы финансирования снаряжения стало одной из главных тем на страницах националистической печати Новочеркаска. Главный редактор «Голоса казачества» уже в первом номере журнала заявлял, что «надо изыскивать все допустимые государством способы к облегчению военной тяготы в материальном отношении»⁶⁰². Различные предложения на этот счет постоянно появлялись на страницах «Донских ведомостей» и «Голоса казачества», а также вошли в состав программ, разрабатывавшихся С. А. Холмским для «казачьей партии» и «думской казачьей группы», о чем уже подробно говорилось выше. С точки зрения риторической игры больший интерес представляет то, в каких именно выражениях описывались пресловутая «тяжесть военной службы» и экономические затруднения, с которыми столкнулось рядовое казачество. В этом смысле непревзойденным представляется полный драматизма и даже трагизма пассаж одного из авторов «Донских ведомостей»: «Где наша былая слава, где довольство, где изобилие? Куда девалась гордость от сознания, что мы издревле избранный Богом и изысканный нашими Царями народ? Мы за великую честь для себя почитали выходить на службу в полной боевой готовности, вооруженными с ног до головы, верхом на наших птицах-скакунах! Куда все это делось?»⁶⁰³

Именно утрата былого величия и специфических черт, присущих казачеству, в идеологии «группы Холмского» и ДСН представляли главной угрозой Войску Донскому. Конструктом, который передавал суть этой угрозы, стало понятие «расказачивание», которое понималось как «омужичивание казаков»⁶⁰⁴, то есть потеря казачеством статуса особого военно-служилого сословия и приравнивание его к крестьянству, и, как следствие, превращение ОвД в обычную губернию. Сценарий реализации «расказачивания» представлялся национали-

⁶⁰⁰ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 5 июля 1912. № 33.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 1 октября 1911. № 1.

⁶⁰³ Казак Н. О. Нужды казачества // Донские областные ведомости. 17 сентября 1911. № 195.

⁶⁰⁴ В. Б. Большой вопрос // Голос казачества. 7 марта 1912. № 22.

стам следующим: «Сначала городское положение с подчинением министерству внутренних дел, затем земство с подчинением тому же министерству, далее, может быть, переименование "земли Войска Донского" в "Донскую губернию", а там — конец и казачеству...»⁶⁰⁵

«Расказачивание» было тесно связано и с «вредоносной» деятельностью кадетской партии, и с экономическим и демографическим давлением со стороны «иногородних», и с негативным восприятием «мужика», и с «тяжестью военной службы». Поэтому каждое свидетельство того, что депутаты Государственной думы от ОвД во главе с И. Н. Ефремовым «поговаривают о "губернии"»⁶⁰⁶, то есть ратуют за введение на Дону земства и городского положения в Новочеркасске по общероссийским образцам, служило поводом для яростной критики со стороны «Голоса казачества» и «Донских ведомостей» в адрес кадетской «змеиной партии», «предавших» Войско Донское депутатов-казаков, «иногородних», евреев, «мужиков», вместе образовавших сложный многосоставной «образ врага». Как следствие, риторика вокруг «расказачивания» в основном повторяла ту, что была связана с этим образом. Отметим только занятное изложение угрозы «расказачивания» в стихотворной форме, предложенное И. Тамаревским: «На казачьи войска, на славянское племя, / На уклад целой жизни лихих казаков / Поднялося "жидовское левое время" / Норovit оно нас превратить в мужиков»⁶⁰⁷.

***

Анализ риторики авторов новочеркасской националистической печати дает возможность реконструировать определенную систему ценностей, характерную для идеологии «группы Холмского» и ДСН, а также систему транслировавшихся в читательскую массу положительных и отрицательных образов, которая не уместилась в строгие рамки партийной программы, но без разбора которой невозможно в полной мере понять устремления донских и казачьих националистов.

Итак, риторика, использовавшаяся двумя националистическими группами Новочеркасска, была во многом схожа. Причем иногда степень сходства была настолько высокой, что это позволяет говорить о существовании единой националистической дискурсивной формации, объединявшей обе группы.

Главной и безусловной ценностью для «группы Холмского» и для ДСН, вне всяких сомнений, являлось само казачество, благополучие

⁶⁰⁵ *Старый казак, патриот Дона. Донское земство и «Донская губерния»* // Там же. 23 марта 1913. № 9.

⁶⁰⁶ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 8 февраля 1912. № 18.

⁶⁰⁷ *Тамаревский И. Голос казачества (Посвящается С. А. Холмскому)*...

которого ставилось на первое место. Для передачи своего трепетного отношения к казачеству авторы «Голоса казачества» и «Донских ведомостей» прибегали к использованию таких конструктов, как «славное казачество» и «Тихий Дон», нагруженных в этом контексте почти сакральной значимостью. Главным символическим капиталом, которым располагало донское казачество и вся «казачья семья», в представлении националистов были его военные заслуги перед Россией, а потому последняя также нашла свое почетное место в системе ценностей, представ перед читателями в образах «Святой Руси» и «Великой России», которые, будучи опять-таки сакрализованными, придавали подвигам, совершенным ради них, глубокий смысл. Наконец, весь дискурсный корпус новочеркасской националистической печати был проникнут духом монархизма, причем провести границу, где националисты играли на монархических чувствах рядового казачества, а где выражали собственное отношение к трону, не всегда возможно. Кроме того, в самодержавной России регулярная апелляция к образу «Царя» могла служить важным средством снискания благосклонности со стороны властей. Сам возвышенный образ «Царя» становился еще одной непререкаемой ценностью.

Однако служение «Царю» и «Святой Руси / Великой России» во славу «Тихого Дона» и всей «казачьей семьи» сталкивалось со многими трудностями, которые, по мнению донских и казачьих националистов, ставили под сомнение само существование казачества, так как вели его к «расказачиванию». Это «расказачивание» в изображении участников обеих националистических групп было не столько объективным процессом, сколько результатом происков многочисленных «врагов казачества». «Враги России», окопавшиеся в кадетской «змеиной партии», боролись против «опоры Трона» в интересах евреев и прочих «инородцев» и стремились к «омужичиванию» казаков. И хотя в пределах ОвД проживание евреям было запрещено, их отрицательные черты с успехом абсорбировали «иногородние» «мужики», паразитировавшие «на казачьем горбу». Наконец, среди самих казаков нашлись «предатели», продавшие евреям и готовые превратить ОвД в «Донскую губернию», а потому утратившие право называться «казаками». По большому счету, это был один сложный многосоставной «образ врага», против которого была нацелена вся негативная часть агитации донских и казачьих националистов.

Проблема казачьей самоидентификации в идеологии националистов Донской области⁶⁰⁸

В современной историографии вопрос о том, что же такое казачество, во многом приобрел уже характер риторического. Даже если, учитывая все многообразие казачьих групп⁶⁰⁹, ограничиться только донским казачеством, вопросы о его происхождении, этнической принадлежности и социокультурной сущности остаются проблемными до сих пор. Особенно актуальной эта тема стала в 1990-х гг., когда шел активный процесс «возрождения» казачества⁶¹⁰. Немало копий сломано в спорах о том, было ли это только военно-служилое сословие в рамках социальной структуры российского имперского общества, или же казаки представляли собой отдельный народ. Некоторые исследователи уверенно заявляют, что «современная наука определяет казачество как субэтнос»⁶¹¹.

Кризис казачьей идентичности, основанной на традиционных ценностях, которые не предполагали четкого разделения между этничностью и сословностью⁶¹², обнаружился в период проведения Великих реформ 1860–1870-х гг., когда стало ясно, что рано или поздно казачество как военно-служилое сословие станет ненужными Российскому государству. Это означало, что при сохранении сословных категорий как основополагающих казачеству угрожало упразднение на тех же основаниях, что и сословию кантонистов в 1857 г. — за утратой необходимости в нем. Население Дона в таком случае было бы приведено к «общему знаменателю» с населением внутренних губерний.

⁶⁰⁸ См.: Корниенко Б. С. Русское казачество или казачья нация? Проблема самоопределения в идеологии казачьего национализма начала XX века // Клио. 2011. № 1 (52). С. 3–11.

⁶⁰⁹ См.: Маркедонов С. М. Казачество: единство или многообразие? (проблемы терминологии и типологизации казацких сообществ) // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 95–108.

⁶¹⁰ См.: Возрождение казачества: история и современность...; Возрождение казачества (история, современность, перспективы)...; Козлов А. И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов-н/Д., 1996; Возрождение казачества: надежды и опасения. М., 1998.

⁶¹¹ Казачий Дон. Очерки истории. Ч. II. Ростов-н/Д., 1995. С. 132.

⁶¹² См.: Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 121–162.

Подобный сценарий вполне серьезно обсуждался в период военных реформ, проводимых под руководством Д. А. Милютин⁶¹³. Тем не менее консервативное движение «казакоманов», выступивших против угрозы «расказачивания» и «записи казаков в драгуны»⁶¹⁴, за неимением альтернативы продолжало оперировать в своей пропаганде традиционными сословными категориями, защищая прежде всего «старинные права и привилегии».

При Александре III «казачий вопрос» был фактически заморожен и движение «казакоманов» сошло на нет. Но к началу XX в. модернизационные процессы зашли так далеко, что вопрос о целесообразности дальнейшего выделения значительных территорий, к тому же богатых природными ресурсами, для содержания военной силы сомнительного, как многим представлялось, качества неизбежно должен был быть поднят вновь. К этому времени число сторонников интеграции Донской области в общероссийское социально-экономическое пространство значительно возросло, особенно среди местного дворянства⁶¹⁵, чему способствовали изменение политической ситуации в результате революции 1905–1907 гг., а также наплыв иногороднего населения, превысившего по численности собственно казаков и начавшего проявлять недовольство своим неполноправным положением.

В таких условиях новая активизация охранителей казачества была неминуема, и в период атаманства Ф. Ф. Таубе «правый Дон» приобрел более или менее четкие очертания. Однако возникшее в его рамках националистическое движение оказалось расколото — и именно в связи с разной трактовкой казачьей идентичности.

Основным вопросом, разделившим новочеркасских националистов на два враждующих лагеря, стало выяснение соотношения между казачеством с одной стороны, Российским государством в целом и русским народом в частности — с другой; иначе говоря, решение вопроса о самоопределении казачества как особой группы. От того или иного ответа на этот вопрос зависело как оформление смыслового ядра идеологического проекта, так и его практическое осуществление в политическом пространстве. Диапазон возможных решений простирался от безоговорочного признания казаков частью русского народа до придания им статуса самостоятельного народа/нации. Первый вариант означал бы отказ от какой бы то ни было казачьей особенности, а значит, и от сословных прав и привилегий. Второй вариант подразумевал смену объекта лояльности и, как следствие, вел к сепаратизму

⁶¹³ См.: Маркедонов С. М. Донское казачество и Российская империя...

⁶¹⁴ Там же. С. 108.

⁶¹⁵ Именно местное дворянство активно выступало за введение на Дону земства по общероссийскому образцу. См.: Волвенко А. А. Восстановление донского земства...

и к той же утере атрибутов военного сословия — самостоятельная казачья нация не могла бы себе позволить такую социальную организацию. Но новочеркасские националисты из обоих лагерей не стремились порывать с Россией, так же как не желали с ней сливаться, и уж меньше всего им хотелось отказываться от маскулинного статуса воинской общины. В результате идеологические проекты тех и других должны были одновременно учитывать все эти ограничения, а потому получились во многом схожими. Но акценты все же оказались расставлены по-разному.

Взгляды донских националистов на проблему самоопределения были особенно неопределенными, различные конструкты использовались хаотично и зачастую противоречили друг другу. Во многом это объясняется тем, что хотя вопрос национальной принадлежности казачества стоял очень остро, он оставался неартикулированным. Поэтому идеологические усилия в этом направлении предпринимались как бы в качестве фона к более очевидным проблемам сиюминутного характера, таким как парламентские выборы или внешнеполитические события. Понятием «русский народ» донские националисты оперировали без каких-либо уточнений, не стремясь его как-то концептуализировать в расовых или культурных терминах⁶¹⁶. Само понятие при этом было, безусловно, положительным, и лояльность к России как к русскому государству не подлежала сомнению, доказательством чему служат многочисленные публикации в «Донских ведомостях» на общероссийские и международные темы, которые были написаны с прорусских позиций. Более того, в подобных статьях газета явно пропагандировала русский национализм, например: «Мировая волна национализма разбудит и русский народ. В том-то и состоит главная задача русского национализма, чтобы не дать разбиться России на государство национальностей, а, напротив, создать крепкое сознанием своего единства национальное государство, с единой государственной нацией»⁶¹⁷.

Как видим, донские националисты считали своей идеологией именно русский национализм и, говоря о единой нации, тем самым включали казачество в ее состав, что подтверждается их собственными высказываниями: «сыновья „Тихого Дона“, <...> вспомните великое прошлое своих предков, сплотитесь, как встарь в одну семью, в одну могучую русскую семью!»⁶¹⁸; «Дорога Дона рядом, бок о бок

⁶¹⁶ Между тем среди идеологов русского национализма из стана ВНС не было единого мнения относительно того, кто же такие русские. Наряду с культурными существовали и расовые определения. См.: *Могильнер М.* Homo imperii... С. 237–278.

⁶¹⁷ [Янов Г. П.] Редакционная статья // Донские областные ведомости. 13 мая 1912. № 100.

⁶¹⁸ [Янов Г. П.] Редакционная статья // Там же. 1 января 1912. № 1.

с Россией»⁶¹⁹. Таким образом, когда разговор шел о взаимоотношениях с другими государствами или с внутренними инородцами, донские националисты считали себя русскими и выступали с позиций русского национализма. Но когда дело доходило до обсуждения регионально значимых вопросов, актуализировалась казачья идентичность, и тогда взаимоотношения казаков с русским народом определялись довольно противоречиво. Появление в одном и том же стихотворении выражений «я донской казак» и «я русский» в этом смысле характерно⁶²⁰.

Повторяя легализованный атаманом Ф. Ф. Таубе лозунг «Дон — для донцов», донские националисты пытались снять его экстремистский подтекст за счет включения в общий контекст губернского патриотизма: «В любой губернии принято открыто говорить “тверская губерния для тверяков”, “костромская для костромичей” и т. д.»⁶²¹ Однако противоречия, как экономические, так и культурные, между казаками и иногородними давали о себе знать, и это разделение довольно отчетливо прослеживается в публикациях, касавшихся непосредственно донских дел. Типичным примером может служить статья «Смыкайте ряды» главного редактора «Донских ведомостей» Г. П. Янова. В ней он говорил о русских как о «Других»: «У нас население смешанное, но близкое нам по духу (говорю о русских)»; и тут же писал, что донских казаков «связывает с Русью не *подданство* [курсив автора. — Б. К.], а чувство единое, одна кровь, одна душа, одни жертвы»⁶²². Такая неопределенность свидетельствует в пользу наличия соперничающих и взаимно налагающихся идентичностей. С одной стороны, Янов отождествлял казаков с русскими, причем и в биологическом (одна кровь), и в культурном (одна душа), и в историческом (одни жертвы) измерениях, но с другой стороны, при переходе от общероссийских вопросов к местным сословное мышление брало верх, и он проводил явную границу между казаками и иногородними.

Иными словами, признавая, что казаки относятся к русским как часть к целому, выражением чего служило такое расплывчатое понятие, как «русские люди казаки», Г. П. Янов в то же время наделял их особым статусом, который заключался в военном служении казачества во имя интересов России и русского народа: «В Японии есть — Самураи, на Балканах — черногорцы, в Турции — Янычары, в Англии Шотландские

⁶¹⁹ [Янов Г. П.] Редакционная статья // Донские областные ведомости. 6 января 1912. № 5.

⁶²⁰ Кузнецов С. Я — русский // Там же. 28 июля 1910. № 159.

⁶²¹ Журналист. Дон для донцов... Впрочем, сравнение Дона с внутренними губерниями нельзя назвать типичным для взглядов местных правых, которые считали одной из главных угроз казачеству именно превращение ОвД в рядовую губернию.

⁶²² Янов Г. Смыкайте ряды...

стрелки, в Германии Баварские батальоны, во Франции Вандейцы и Зуавы, — в России доблестные Казаки»⁶²³. Хотя в тех параллелях, которые провел Янов, сословные категории перемешаны с этническими, весь текст статьи не оставляет сомнений в том, что автор имел в виду не народ на военной службе, а военное сословие, необходимость существования которого обосновывалась общенациональными интересами: «Казачество имеет право на свою экономическую обособленность, на свое, пусть даже эгоистическое благополучие, ибо оно даст силы <...> как всегда в нужный момент, несокрушимо, победно выступить на защиту общего экономического блага всего *русского государства*. <...> в горячей защите казачьих интересов нет даже малейшего оттенка сепаратизма, вражды к единому православному русскому народу, ибо в своей личной материальной жизни каждый защищает сам себя»⁶²⁴. Как видим, объектами лояльности в данном примере служат именно русское государство и русский народ и сама необходимость сохранения казачества (то есть его прав и привилегий) объясняется нуждами всей России. Впрочем, стоит отметить и характерную оговорку об отсутствии враждебных настроений по отношению к русским, что делает сомнительным декларируемое единство, так как такая вражда сама по себе предполагает разделение. Иными словами, автор, вольно или невольно, сам выводил казачество за рамки «единого русского народа».

Таким образом, общее идеологическое направление «Донских ведомостей» может быть охарактеризовано как симбиоз русского национализма с «казакоманством». Такой вывод подкрепляется заявлением самой редакции газеты (на тот момент главным редактором был Х. И. Попов), поставившей себе задачу «содействовать, по мере сил, русскому национальному возрождению» и «поддерживать в то же время старые заветы донского казачества»⁶²⁵. Казачество, стало быть, хотя и наделялось особым, отделявшим его от остального населения статусом, который должен был обеспечить донцам сохранение «прав и привилегий», все же признавалось частью русского народа. Поэтому, когда был создан Донской Союз Националистов, прилагательное «донской» означало не этнокультурную, а только территориальную принадлежность.

Теперь обратимся к казачьим националистам, чьи взгляды во многом были схожи со взглядами их конкурентов из «Донских ведомостей», но в то же время имели ряд примечательных особенностей, позволяющих определять их идеологию не как вариант русского

⁶²³ Янов Г. Вам лучше видно...

⁶²⁴ Там же.

⁶²⁵ [Попов Х. И.] Редакционная статья // Донские областные ведомости. 5 января 1911. № 3.

национализма, а как самостоятельный национализм. Лидером и главным идеологом казачьих националистов был С. А. Холмский, который, едва уйдя на льготу⁶²⁶ в 1910 г., активно включился в общественную жизнь Дона, и его позиция по вопросу определения национальной принадлежности казаков уже тогда отличала его от доминирующей группы донских националистов. Еще до разрыва с «Донскими ведомостями» и создания «Голоса казачества» С. А. Холмский издал «Сборник казачьих песен», который снабдил пространными комментариями. В них он фактически отделял казаков от русских, утверждая, что казачество добровольно присоединилось к «родственному Русскому народу»⁶²⁷. То есть казаки — это отдельный, хотя и родственник русскому, народ, который только по своей воле вошел в единое с ним политическое пространство (а значит, может и снова отделиться!). Само казачество С. А. Холмский определял, как «самобытное общество, крепкое своими военными и гражданскими понятиями, своим единством образа мыслей и, главное, любовью и уважением к родной славной старине в ее идеальных прекрасных образах»⁶²⁸. Такое определение позволяло С. А. Холмскому заявлять даже о «целой нации» казаков⁶²⁹, которая, однако, не противопоставлялась русской нации, а как бы дополняла ее и подразумевала исключительно культурно-исторические различия.

Подобное внутреннее противоречие характерно для всего дискурсивного корпуса казачьего национализма «группы Холмского». В «Голосе казачества» отсутствовала активная пропаганда самостоятельности казачьей нации. Более того, уже в первом номере «Голоса казачества» его издатели указывали, что журнал посвящен «специально нуждам и интересам русского казачества»⁶³⁰. Это, казалось бы, недвусмысленно говорит о том, к какому из вариантов национального самоопределения склонялась «группа Холмского», тем более что в последующих номерах казаки не раз представляли в образе защитников России, ее «славных сынов»⁶³¹. Если судить только по таким выражениям, то можно прийти к выводу, что «казачьи националисты» считали себя русскими, а потому неоправданно само выделение некоего казачьего национализма. Но в действительности ситуация была

⁶²⁶ Льгота — период, когда военнообязанный казак не нес непосредственной строевой службы.

⁶²⁷ Холмский С. А. Сборник казачьих песен. С. I.

⁶²⁸ Там же. С. II.

⁶²⁹ Там же.

⁶³⁰ Голос казачества. 1 октября 1911. № 1.

⁶³¹ См., например: *Казак И. Чига*. Казачеству (стихотворение казака Старочеркасской станицы) // Голос казачества. 1 октября 1911. № 1.; *Пузанов В.* Старое и современное казачество...

несколько сложнее. Как и в случае с донскими националистами, С. А. Холмский и его соратники весьма сочувственно относились к российской государственности и русскому народу, бывшими для них безусловными ценностями. Однако одновременное подчеркивание особого статуса казачества носило более резкий по сравнению с «Донскими ведомостями» характер и выходило за рамки сугубо словесных установок.

В качестве примера разберем уже упоминавшуюся статью некоего «А. Г.» «Казачий национализм». Автор предложил следующую формулировку казачьей идентичности: «Казачья, конечно, природные славяне, почему, например, сумев за прошлые века ассимилировать в себе различные народности, остались глубоко русскими. Но у них есть и свое казачье нечто, и истинный казак-националист, чувствующий это, не может не гордиться <...> что у него есть своя блестящая история, традиции, взгляды и обычаи»⁶³². Как видим, казаки вновь названы русскими, но с одним очень важным нюансом: наречие «глубоко» указывает, что эта «русскость» основана не на биологических примордиалиях, а на культурных или, как было принято говорить в таких случаях, духовных началах⁶³³. «По крови» казаки отнесены к более широкой группе «славяне». Наконец, ключевой пункт, позволявший автору заявлять категорию «казак-националист», это «казачье нечто». Как и в предложенном С. А. Холмским определении сущности казачьей нации, под «казачьим нечто» «А. Г.» подразумевал прежде всего культурные феномены⁶³⁴.

Чтобы до конца разобраться с определением, предложенным «А. Г.», необходимо обратить внимание на практику употребления в дискурсе казачьего национализма понятия «славянство». Под эту категорию подпадали как Россия (славянское государство)⁶³⁵, так и казаки, причем в состав этого «племени» входили все казачьи войска: «Все казаки происходят <...> из одной великой казачьей семьи, из одного славянского племени»⁶³⁶. Неинородческое население Империи

⁶³² А. Г. Казачий национализм...

⁶³³ В этой связи уместно напомнить о таком широко распространенном среди правых выражении, как «истинно русский», которое подразумевало именно свойство быть русским «по духу».

⁶³⁴ Впрочем, это вовсе не отменяло имевшего широкое хождение у «казакоманов» понятия «природный казак», то есть казак по рождению.

⁶³⁵ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 24 октября 1911. № 4.

⁶³⁶ Холмский С. Читателям // Казачьи Думы... Неславянские племена, входившие в войсковое сословие, не воспринимались как настоящие казаки. Характерны в этом смысле пометы, сделанные на черновике отчета войскового атамана за 1912 г.: в документе подчеркнуты общее число лиц войскового сословия мужского пола и количество казаков-калмыков, после чего внизу аккуратным столбиком проведена операция вычитания, с тем чтобы установить «настоящее» число «душ

также объединялось понятием «славянская народность», подобающее место в рядах которой следовало занять казачеству⁶³⁷. При этом из контекста видно, что подразумевались только восточные славяне («русское славянство»⁶³⁸). «Славянская народность» должна была следовать и особому «славянскому национализму»⁶³⁹.

Еще один нюанс, который следует учитывать, заключается в том, что тенденция закрепления имени «русские» исключительно за великороссами противоречила взглядам казачьих националистов. Скорее они были склонны воспринимать русский народ как более широкую общность велико-, мало- и белоруссов, добавляя к ним еще и казаков⁶⁴⁰. Идея «большой русской нации», культивируемая национализирующимися имперскими властями, на донской почве приобрела, таким образом, своеобразное прочтение. Это своеобразие заключалось не только в расширении списка «славянских племен русского народа», но и в переворачивании смысла этой идеи с ног на голову. Вместо акцентирования внимания на существующем (несмотря на некоторые культурные различия) единстве «русского народа» казачьи националисты прилагали усилия именно к подчеркиванию казачьей особенности: только так и можно было добиться признания за казаками статуса, равного статусу других участников «русско-славянского единства».

Конечно, как и их оппоненты из «Донских ведомостей», казачьи националисты не могли отказаться от славы казаков-воинов, что привело к своеобразному «синдрому сословности». Не желая быть только «казаками-скифами, охранниками русской земли» и предлагая, например, «национальную разработку и добычу своих богатств»⁶⁴¹, казачьи националисты все же не могли отказаться от военной службы как важнейшего атрибута казачества. Утверждая, что казачество «побольше простого сословия», редакция «Голоса казачества» одновременно призывала «не забывать про это наследие наших отцов — военное дело, а наоборот, всячески совершенствоваться и учиться военной науке»⁶⁴². Можно сказать, что в идеологии казачьего национализма военная

казаков». ГАРО. Ф. 46. Д. 3628 (Отчет войскового атамана за 1912 год). Л. 6.

⁶³⁷ С. Азъ. Редакционная статья // Голос казачества. 12 мая 1912. № 30.

⁶³⁸ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Вестник казачества. 27 мая 1913. № 3.

⁶³⁹ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 24 октября 1911. № 4.

⁶⁴⁰ Идея широкой русской общности, состоящей из нескольких восточнославянских компонентов, пропагандировалась не только в рамках идущего из центра проекта «большой русской нации», но и на славянской периферии. Например, в «Рассказах на белорусском наречии» (Вильно, 1863) белорусская особость соотносилась с чувством принадлежности к общерусскому народу. См.: Долбилов М. «Западные окраины Российской империи» и проблема сравнительного изучения окраин // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 401–402.

⁶⁴¹ Краснянский М. Б. Горное дело на Дону и иногородние...

⁶⁴² [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 1 октября 1911. № 1.

служба стала некой примордиалией, присущей казачьему народу. Это парадоксальное сочетание традиционалистских и модернистских установок особенно ярко продемонстрировал сам С. А. Холмский, заявивший, что служба составляет «национальную гордость казачьего сословия»⁶⁴³. В этом смысле утверждение, что «в казачестве исторически сплелись понятия национальной принадлежности и сословного положения»⁶⁴⁴, особенно характерно для проекта «группы Холмского». Роль «защитников славянского государства», «одного из важнейших органов жизни России» и «оплота государства», позволяла требовать сохранения и улучшения особых условий для казачества. Но опять-таки авторы таких требований не делали вывода об исключительно сословном характере казачества, ведь в исторической перспективе это грозило бы «расказачиванием»: «Редакция глубоко сомневается, что <...> тысячелетний дух казачества возможно уничтожить одним решением, нужно оно или не нужно государству»⁶⁴⁵. Судьба кантонистов явно не прельщала казачьих националистов, а потому они с гневом отвергали любую попытку представить казачество как исключительно военную организацию⁶⁴⁶.

Итак, перед нами предстает сложный конструктор следующего содержания. Основным населением Империи являются «природные славяне» (но только восточные), к которым относятся и казаки как одно из «славянских племен». В то же время «по духу» казаки, наравне с великороссами и другими славянскими племенами, — русские, что, вероятно, подразумевало в первую очередь принадлежность к православию. И хотя все эти племена объединены в едином теле «матери России» и должны следовать принципам славянского (= русского?) национализма, найдется место и для сугубо казачьего национализма: «Нет слов, что при разрешении таких вопросов, как упрочение русской государственности на началах Самодержавной власти, господства русской народности в пределах Империи <...> казак, конечно, выступит тоже как националист, в широком смысле этого слова. При защите же краевых интересов Донского Войска, национализм казака должен производиться в более узком смысле этого слова»⁶⁴⁷. Итак, казачий национализм

⁶⁴³ С. Азъ. Редакционная статья // Там же. 25 марта 1912. № 25.

⁶⁴⁴ Казачий Дон. Очерки истории. Ч. II. С. 133.

⁶⁴⁵ Рвачев П. К вопросу о выходе из общины. Прим. ред. // Голос казачества. 23 января 1912. № 16.

⁶⁴⁶ См.: С. Азъ. Редакционная статья // Там же. 12 мая 1912. № 30. В своей колонке С. А. Холмский опровергает статью Курмоярова (*Курмояров И. Казачья печать // Русский инвалид. 10 апреля 1912. № 78*), в которой тот призывал сохранить «чистоту кристалла военных станов».

⁶⁴⁷ Верхне-Чирский А. Каким Донской казак должен быть в Государственной Думе? // Голос казачества. 25 октября 1912. 3-е приложение к № 48.

«группы Холмского» — это национализм «в узком смысле», не подразумевающий какого-либо сепаратизма, а, наоборот, сопряженный с безусловной лояльностью российскому государству, составной частью населения которого являются и которому несут военную службу казаки, славяне по крови и русские по духу, но не великороссы, а самостоятельное племя⁶⁴⁸.

Как видим, позиции двух групп националистов в вопросе о национальном самоопределении казачества были во многом близки. И те и другие были лояльны российскому государству, отрицая какой-либо сепаратизм в своих действиях, признавали себя частью русского народа и считали военную службу неотъемлемой чертой казачества. Но одни соглашались с тем, что казаки — военно-служилое сословие (которое, правда, считали «важнейшим государственным органом»), а другие, пусть и не всегда последовательно, но все же клонили к тому, что казаки — особое славянское племя, народ на военной службе. Это трудноуловимое из печатных текстов ежедневной прессы различие между донскими и казачьими националистами отчетливо проявилось при выборе ими «национального казачьего мифа», когда одни в основном повторяли традиционные сюжеты российской историографии, а другие прибегли к конструированию новой казачьей истории.

Впрочем, в своем мифотворчестве казачьи националисты в лице Е. П. Савельева не были последовательными, поэтому характерной чертой «Истории казачества» можно назвать уже упоминавшийся «синдром сословности». С «удревнением» истории казачества Е. П. Савельев «удревнял» и его военно-сословную службу. Более того, называя на страницах своего трехтомника более тридцати раз казачество народом и один раз даже нацией, Савельев до конца не был уверен, что же такое казачество, так что эти сомнения прорываются в самом тексте: «Все эти названия [Асы, Геты, Касоги, Кушаки и т. п.], разбросанные на пространстве многих веков, одного и того же народа, вернее — сословия, военной касты славян-руссов, на разных языках означают одно и то же собственное имя, каким и до сего времени это военное сословие с гордостью себя называет — Ас-Саки, Касс-Саки, т. е. Казаки»⁶⁴⁹. Иными словами, «История казачества» Е. П. Савельева воспроизводила общий для проекта «группы Холмского» конструкт, согласно которому казаки несли военную службу в интересах более широкой русско-славянской общности, то есть были военным

⁶⁴⁸ Сравните с вариантом самоидентификации казака, зафиксированным еще в XVIII в.: «Я не москаль, но русский, и по закону, и по вере православной, а не природе». См.: Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. М., 1848. С. 3.

⁶⁴⁹ Савельев Е. П. История казачества. Ч. II. С. 299.

сословием, но настолько особенным, что это позволяло говорить о них как о народе и даже нации.

Таким образом, если донские националисты признавали казачество специфическим результатом развития российского общества и его неотъемлемой частью, предпочитая создавать облик «славных донцов» за счет соответствующей трактовки реальных исторических событий, то для казачьих националистов потребовалось создать псевдоисторию казачества, с тем чтобы доказать независимость его происхождения и статус самостоятельного народа, пусть и находящегося на военной службе в рамках «русского славянства».

Настоящим же индикатором, определившим позиции двух конкурировавших групп националистов по «русскому вопросу», стали выборы в Государственную думу 1912 г. Участие в предвыборной кампании подразумевало создание соответствующих политических структур, неизбежным атрибутом которых являлись программы и воззвания к избирателям. В свою очередь это вынуждало поскорее определиться с собственной позицией по всем наиболее животрепещущим вопросам, к каковым относилась и проблема самоидентификации. Конечно, можно было бы попытаться обойти эту слишком сложную проблему, и такой шаг тоже о многом бы говорил, но существовала внешняя сила, не позволявшая ее игнорировать, — ВНС. Без поддержки русских националистов шансов на успешное участие в выборах практически не оставалось.

Когда весной 1912 г. «группа Холмского» объявила о создании особой «казачьей партии» «для защиты наших законных казачьих прав и привилегий перед лицом великой России»⁶⁵⁰, уже сама форма организации политической структуры казачьих националистов показывала, что они вовсе не собирались «слиться с Русским народом в одну национальную партию»⁶⁵¹, хотя и декларировали готовность стать «казачьим отделом» ВНС. Камнем преткновения в переговорах между казачьими и русскими националистами, как отмечалось, стал вопрос об иногородних — тех же русских «мужиках». Несмотря на то, что это грозило крахом политических устремлений казачьих националистов, С. А. Холмский со своими товарищами не готов был пойти на уступки в этом принципиальном вопросе. Как следствие, идея «казачьей партии» к осени «легла под сукно», а выборы прошли без участия ее представителей. Такое развитие событий стало возможным именно потому, что в практическом измерении «русского вопроса», то есть когда дело дошло непосредственно до выяснения взаимоотношений казаков с иногородними, С. А. Холмский последовательно руко-

⁶⁵⁰ С. Азъ. Редакционная статья // Голос казачества. 25 марта 1912. № 25.

⁶⁵¹ С. Азъ. Редакционная статья // Там же. 11 августа 1912. № 38–39.

водствовался идеей казачьего национализма и отстаивал интересы казачества как особой, отличной от русских группы населения.

В следующем 1913 г. самостоятельность казачьей народности объявлялась С. А. Холмским уже эксплицитно: «казачество не может погибнуть, как не может погибнуть великоросс, черкес, киргиз или поляк, в смысле народности. Казак не перестанет быть казаком и на последней степени разорения <...>. Сделать казака непригодным для несения различных повинностей и тягот — дело нетрудное, но душу казачью не переделать»⁶⁵². В этом последнем утверждении уже намечено преодоление «синдрома сословности», так как несение «повинностей» (а главная казачья повинность — военная служба) уже не позиционируется как необходимое условие казачьей жизни. «Казачья душа» оказывается более фундаментальным понятием, не сводимым к сословной идентичности. Однако в националистическом движении «группа Холмского» оставалась на положении маргиналов, и общий упадок националистического движения не оставлял ей надежды на успешную агитацию. В результате, так же как донские националисты годом ранее, С. А. Холмский вынужден был постепенно вернуться к чисто русскому национализму, и отстаивание казачьей личности сошло на нет. Впрочем, это также не помогло, и после того как в начале 1914 г. в мертворожденной «Донской газете» Холмский в очередной раз призвал русскую нацию проснуться⁶⁵³, националистическое содержание практически исчезло из местной периодики. В газете казачьих националистов появились публикации, утверждавшие сугубо сословный характер казачества: «вечного ничего нет. Не может быть поэтому речи и о вечности существования казачества. Нужно лишь позаботиться о возможно долшем сохранении его <...> как военного сословия»⁶⁵⁴.

В отличие от «группы Холмского» донские националисты оказались куда более покладистыми в переговорах с ВНС, хотя и они до начала предвыборной кампании 1912 г. не щадили иногородних в своей пропаганде. Исключением из этого общего негативного отношения к русскому крестьянству стали торжества по поводу пятидесятилетия отмены крепостного права, в ознаменование чего редакция «Донских ведомостей» разразилась призывом слиться «в общем нашем, родном, национальном русском празднестве» и пожелать «нашим братьям по крови, свободным крестьянам, крепкой веры в мощь русского народа»⁶⁵⁵. За исключением этого, во многом ритуального, заявления,

⁶⁵² [Холмский С. А.] Редакционная статья // Вестник казачества. 9 июня 1913. № 7.

⁶⁵³ Х. [Холмский С. А.] Редакционная статья // Донская газета. 10 января 1914. № 3.

⁶⁵⁴ Ларин Ф. Земельный вопрос на Дону. IV // Вестник казачества. 24 ноября 1913. № 55.

⁶⁵⁵ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Донские областные ведомости. 19 февраля 1911. № 40.

публикации донских националистов не позволяли усомниться в их негативном отношении к иногородним.

Когда же дело дошло до необходимости наладить сотрудничество с ВНС, риторика текстов донских националистов переменялась. Теперь уже речь шла не об «иногороднем элементе», а об «единокровных гостях», а противоречия с «близким по духу, по крови» населением уже не считались такими неразрешимыми: «Нужно найти во имя блага единого государства ту дорогу, по которой не тесно идти всем, на которой нам не придется уступать друг другу место»⁶⁵⁶. Кроме этих декларативных заявлений, каких-то реальных предложений по устройству жизни на Дону, в отличие от С. А. Холмского донские националисты не представили. Это избавило их от нежелательной конфронтации с ВНС и позволило создать ДСН. Более того, в качестве желательных членов союза назывались лица, «принадлежащие к коренному русскому населению»⁶⁵⁷. Этот окончательный поворот в сторону сугубо русского национализма был закреплен в воззвании к избирателям: «Партия националистов — это самая старинная русская, чисто народная партия»⁶⁵⁸. Отдельные заявления о том, что донские депутаты должны «отстаивать в 4-й Государственной Думе <...> чисто краевые казачьи Донские интересы»⁶⁵⁹, уже не могли изменить общей картины. Симптоматично в этом смысле было появившееся в «Донском крае» обращение к избирателям, автор которого апеллировал не к казачьей, а именно к русской идентичности: «Русские люди, действуйте <...> дружно, поддерживайте своих, посылайте в г. Думу <...> людей по духу вполне русских»⁶⁶⁰. Таким образом, в стремлении добиться поддержки со стороны ВНС и привлечь на свою сторону как можно больше избирателей донские националисты отказались от «казакманской» составляющей своего националистического проекта, однако это не принесло им успеха.

***

Идеология национализма на Дону в начале XX в. представляет собой особо интересный случай ввиду специфики региона, население которого обладало особой идентичностью. Природа этой идентичности, была ли она национальной, этнической или сословной, остается предметом споров, но само ее существование, отделявшее казаков от остального населения России, несомненно. При этом казачья иден-

⁶⁵⁶ Янов Г. Смыкайте ряды...

⁶⁵⁷ ГАРО. Ф. 55. Оп 1. Д. 681. Л. 4.

⁶⁵⁸ Воззвание «Донского Союза Националистов» к избирателям...

⁶⁵⁹ Л. Задачи наших казаков депутатов в 4-й Государственной Думе // Донской край. 6 октября 1912. № 6.

⁶⁶⁰ Националист. Избиратели г. Новочеркаска! // Там же. 10 октября 1912. № 9.

тичность была настолько сопряжена с лояльностью к государству и «русскости», что в имперской этнополитике казаки считались условно «желательным элементом» и использовались для колонизации инородческих окраин. Этому способствовала заложенная российской историографией традиционная точка зрения на казачество как на имеющее русское происхождение.

Правое движение на Дону было преимущественно «казакоманским», то есть ориентировалось в первую очередь на защиту прав и привилегий казаков как военно-служилого сословия. Заимствованный у ВНС политический национализм поставил перед местными интеллигентами, воспринявшими его, крайне сложную проблему, так как его источником была организация русских националистов, а потому эта идущая из центра российской политической жизни идеология несла в себе заряд унификации по отношению к периферии, в том числе и для Войска Донского. Но для новочеркасских националистов такая унификация означала утрату казачьей «самости», следствием чего стала попытка адаптировать идеологию национализма к местным условиям так, чтобы она не вступала в противоречие с установкой на сохранение казачества как самостоятельной группы населения и в то же время удовлетворяла бы требованиям ВНС. Спор о том, каким образом должна была быть осуществлена подобного рода адаптация, привел к возникновению конкурирующих националистических проектов, которые, однако, оказались внутренне настолько противоречивыми, что рассыпались при первых неудачах их реализации.

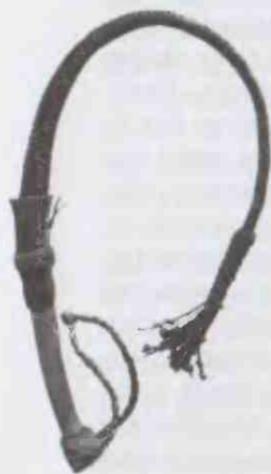
Донские националисты ставили перед собой задачу, признавая единство русских и казаков, в то же время отстаивать специфический уклад казачьей жизни, то есть не допустить растворения войскового сословия в общей массе русского населения. По большому счету, идеология этой группы представляла собой сословно-территориальный патриотизм в рамках русского национализма. Причем необходимость покровительства со стороны ВНС в момент парламентских выборов диктовала отказ от защиты специфически казачьего образа жизни в пользу пропаганды общерусского национального единства.

Казачьи националисты, будучи не в силах отказаться от военной службы как неотъемлемого атрибута казачества, в то же время заявляли о самостоятельном казачьем племени. И одновременно они не желали совсем разрывать связи с Россией, поэтому вписывали казачество как самостоятельный элемент в сложносоставное русско-славянское единство. Фактически они оказались заложниками «колеблющейся идентичности» и балансировали между признанием казачества военным сословием русской нации и выделением его в самостоятельный народ. В разных публикациях чаша весов склонялась то в одну, то (на много чаще) в другую сторону, но окончательно определить свою по-

зицию в этом вопросе, сделать решающий шаг в направлении, условно говоря, «национализации» казачества, участники «группы Холмского» так и не решились. В качестве причин можно указать как банальные трудности политического характера, которые должны были последовать за провозглашением самостоятельной казачьей нации (обвинения в сепаратизме, маргинализация, давление со стороны имперских властей), так и, что более вероятно в случае «группы Холмского», устойчивость традиционного взгляда на казачество как на существующую в рамках российской государственности и тесно связанную с русским народом военную общину, который мы условно обозначили понятием «синдром сословности». Впрочем, «синдром сословности» в какой-то мере был присущ всему донскому казачеству. По мнению В. П. Трута, субъективно все слои казачьего населения были настроены против возможного упразднения сословной организации из-за «наложения» сословного и этнического факторов⁶⁶¹. Но, являясь отражением общих для донских казаков настроений, «синдром сословности» был для казачьего национализма своеобразной «болезнью роста», которая должна была быть со временем преодолена за счет окончательного утверждения казачества в статусе самостоятельного народа/нации, тенденции к чему можно наблюдать в публикациях «группы Холмского» в 1913 г. Неблагоприятная политическая конъюнктура отсрочила эту трансформацию на пять лет, до тех пор пока идея казачьего национализма не была реализована в рамках Всевеликого Войска Донского под руководством атамана П. Н. Краснова. Но это был уже другой проект.

⁶⁶¹ Трут В. П. Казачий излом (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года). Ростов н/Д, 1997. С. 55.

заклучение

В конце XIX — начале XX в. донское казачество как военно-служилое сословие переживало серьезный кризис. Его характерная для традиционного общества организация под давлением модернизационных процессов разлагалась, следствием чего стало пусть медленное, но неуклонное экономическое «расказачивание». Рядовое казачество все меньше соответствовало тому образу грозных воинов, который приобрел широкое распространение в период Наполеоновских войн. В результате все громче раздавались голоса тех, кто считал неизбежным скорое упразднение особого статуса донского казачества и дальнейшую интеграцию Донской области в состав внутренних губерний Российской империи. Эти тенденции не могли не взволновать консервативную часть интеллектуальной элиты казачества, так называемый «правый Дон», которая впервые широко заявила о своей приверженности идее сохранения казачьих «прав и привилегий» в 1860–1870-х гг. в форме «казакоманского» движения. В начале XX в. «казачий вопрос», замороженный было в правление Александра III, вновь серьезно обострился, чему в немалой степени способствовали революция 1905–1907 гг. и общее изменение политического климата в России. В результате новая активизация «правого Дона» стала неизбежной.

Возникновение организации русских националистов, пользовавшихся поддержкой властей, и расширение их пропаганды за пределы Санкт-Петербурга способствовали заимствованию идеологии национализма местными активистами из консервативной части донского общества. Такому выбору способствовало и то обстоятельство, что Донской отдел СРН, на который ранее ориентировался «правый Дон», как и вся эта черносотенная организация, переживал в начале второго десятилетия XX в. тяжелый кризис, связанный с разделением на «дубровинцев» и «обновленцев». В итоге

охранители казачьих «прав и привилегий» решили идти на парламентские выборы 1912 г. под знаменами национализма. Иначе говоря, возникновение национализма на Дону в 1910–1912 гг. было во многом конъюнктурным явлением, связанным с распространением новомодной идеологии и стремлением воспользоваться ею для присоединения к политическому проекту П. А. Столыпина под названием «ВНС», с тем чтобы провести в Государственную думу своих депутатов, которые лоббировали бы там интересы казачества.

По сути, национализм на Дону в изучаемый период был лишь новым изданием прежнего «казакоманства». Тем не менее его вплетение в этот традиционный дискурс не могло остаться без последствий. Будучи провозглашенной основным объектом лояльности, «нация» как современная категория оказывала серьезное влияние на трансформацию изначально традиционалистского движения в защиту сословных «прав и привилегий». Главный вопрос, который национализм ставил перед своими новыми приверженцами, заключался в том, в какой степени понятие «нация» применимо к самому казачеству. Новочеркасская интеллектуальная элита консервативного толка дала на этот вопрос два разных ответа, результатом чего стал раскол прежде единого «правого Дона» на конкурирующие между собой националистические группы.

Безусловно, в том расколе, который поразил редакцию «Донских ведомостей» в 1911 г., большую роль сыграли как объективные технические трудности — невозможность издавать на ограниченном числе полос газеты все предлагаемые материалы, так и «человеческий фактор», а именно неудовлетворенные амбиции С. А. Холмского, Е. П. Савельева и других авторов, оказавшихся оттертыми на второй план в определении содержания газеты. Однако действительная линия размежевания пролегла все-таки в идеологической сфере и определялась применением понятия «нация» к казачеству. Редакция «Донских ведомостей» во главе с Х. И. Поповым, а затем Г. П. Яновым, ставшая своеобразным «штабом» донских националистов, проводила линию на признание казачества составной частью русского народа, несущей военную службу на особых основаниях. То есть идеологией донских националистов, по сути, был русский национализм, смешанный с сословно-территориальным патриотизмом. С. А. Холмский и его сторонники, начавшие издавать собственный журнал «Голос казачества», проповедовали особый казачий национализм, считая казаков хотя и родственным русскому, но особым народом, находящимся на службе у российских императоров. Наиболее отчетливо это различие проявилось в выборе «национального казачьего мифа» — нарратива, передававшего «правильное» понимание истории казачества. Если донские националисты писали свои эссе на тему донской истории в рамках традиционной парадигмы, связывавшей возникновение казачества

с особенностями развития русского общества XVI в., то казацкие националисты, такие как Е. П. Савельев, прибегли к очевидному приему конструирования прошлого казаков, представляя их в качестве древнего арийского народа.

В то же время участники обеих групп оказались заложниками специфического казацкого самосознания и не могли быть до конца последовательными в своей пропаганде, что выразилось в двух характерных ее чертах — «колеблющейся идентичности» и «синдроме сословности». «Колеблющаяся идентичность» носителей националистических проектов приводила к соседству с основными положениями в определении сущности казачества допущений, противоречивших этим положениям. Так, донские националисты в стремлении заручиться поддержкой ВНС говорили о казаках как о русских, но регулярно проговаривались о негативном отношении к русским иногородним — «другим», чем особенно «грешили» на ранних этапах своей агитации до заключения соглашения с ВНС. И наоборот, казацкие националисты, взяв курс на определение казаков как особого народа/нации, оказались не способны в своей пропаганде порвать связи между казачеством и русским народом. Своеобразным решением этой проблемы могло бы стать наметившееся в некоторых публикациях авторов из «группы Холмского» признание казачества составной частью «большой русской нации» наряду с белорусами и малороссами, но оно не получило своего развития.

Что касается «синдрома сословности», то в данном случае следует говорить об очевидном конфликте современных и традиционалистских установок, связанном с соседством в проектах ДСН и «группы Холмского» категорий «нация» и «сословие». Для донских националистов был характерен акцент на втором компоненте этой дихотомии — по большому счету, они были лишь продолжателями охранителей казачьих «прав и привилегий» 1860-х гг. Они не понимали или, может, не хотели понимать, что единая нация строится поверх сословных перегородок и должна со временем совсем нивелировать их, а конечным результатом следования тезису о казачестве как о части русского народа должна была стать окончательная утрата им своих сословных отличий и полное слияние с русским народом. Иначе говоря, донские националисты пытались совместить несовместимое — проповедовать единство русской нации и одновременно защищать сословные привилегии казаков.

В проекте казачьих националистов «синдром сословности» проявил себя несколько по-иному. Видя в казачестве особый народ, они не могли в то же время отказаться от того символического капитала, который представляли собой военные подвиги казаков, совершенные на службе русским царям, а потому, как и их конкуренты, продолжали

защищать казачью военную общину, не замечая, что таким образом сами препятствуют реализации казачества как полноценной нации, вместо этого консервируя его на архаичной стадии народа-сословия. Такие специфические черты националистического движения на Дону, как «колеблющаяся идентичность» и «синдром сословности», были возможны только в условиях переходного периода от традиционного общества к модерному, который переживал Дон начала XX в.

Две группы, конкурировавшие между собой за право говорить от имени рядового казачества, начали создавать националистические проекты, ориентированные на участие в парламентских выборах 1912 г. Проведенный анализ структуры данных проектов показал, что наряду с принципиальными противоречиями, существовавшими между донскими и казачьими националистами, по многим вопросам они придерживались настолько близких позиций, что это позволяет говорить о единой дискурсивной формации, в рамках которой обе группы и конструировали свои проекты.

Большинство конструктов, использовавшихся в риторической игре донских и казачьих националистов, были заимствованы из предшествующего консервативного дискурса, инициированного политикой Ф. Ф. Таубе в период его атаманства на Дону в 1909–1911 гг. Сюда можно отнести многосоставной образ «врага», включающий в себя негативное изображение «инородцев», особенно евреев, «мужиков» и вообще «иногородних», а также депутатов — «предателей» интересов казачества; образ «славного казачества», обладающего «исконными правами» на земли Дона и заслужившего свой особый статус многовековой службой России; особые отношения между царем и казаками, служащими «оплотом престола». В националистическом дискурсе 1911–1912 гг. эти образы и идеологемы получили свое дальнейшее развитие и были дополнены новыми конструктами.

Все они выполняли определенную функцию в пропагандистской кампании обеих групп. Можно выделить следующие основные задачи, решения которых донские и казачьи националисты стремились добиться, прибегая к тому или иному риторическому приему:

1. *Позиционирование себя.* Ни в коем случае нельзя рассматривать политическую активность участников националистического движения на Дону и, в частности, конструирование определенной идеологии как сугубо инструменталистское действие, преследующее исключительно корыстные интересы. Представляется, что донские и казачьи националисты были выразителями имевших более или менее широкое распространение консервативных настроений, вызванных разложением традиционного уклада жизни и ускоренным наступлением модернизации, что конкретно для казачества выразилось в кризисе его как военно-служилого со-

словия и вполне реальной угрозе «расказачивания». Другое дело, что выбор конкретной формы, в которой выразился ответ «правого Дона» на вызовы времени, был обусловлен конъюнктурой начала второго десятилетия XX в., но это вовсе не означает неискренности националистов Дона в поиске выхода казачества из кризиса. Таким образом, многочисленные заявления авторов «Донских ведомостей» и «Голоса казачества» о том, что они отстаивают интересы казачества, его сословные «права и привилегии» или «национальные» нужды, должны были определенным образом позиционировать их в политическом пространстве Донской области.

2. *Привлечение на свою сторону потенциальных избирателей.* Эта задача агитационной кампании выполнялась при помощи апелляции к противоположным по смыслу группам образов. С одной стороны, казахи и донские националисты звали к таким наполненным положительным содержанием идеологемам, как «Тихий Дон», «славное казачество», «великая Россия» и др. Пропагандистский эффект, на который, очевидно, рассчитывали и те и другие, заключался в том, чтобы, сыграв на популярности этих образов среди рядового казачества, привлечь его на свою сторону. С другой стороны, не менее активно националисты использовали и негативные образы «иногородних», «инородцев» и проч. Несомненно, что в этом случае основным содержанием пропаганды являлась игра на ксенофобских настроениях донцов, которая опять-таки должна была обеспечить симпатии с их стороны к вновь образуемым политическим организациям.
3. *Стремление добиться поддержки/благосклонности властей и/или ВНС.* Это направление пропагандистской кампании было более характерно для «группы Холмского», так как донские националисты, судя по всему, изначально пользовались поддержкой со стороны местных властей, а затем получили ее и из Петербурга. В отличие от них казачьим националистам, вознамерившимся создать особую «казачью партию», еще надо было доказать, что их проект не направлен против существующего строя и не предполагает никакого сепаратизма, который в начале XX в. стал серьезной проблемой для имперских властей на окраинах государства и возможное распространение которого на казачьи области могло рассматриваться как серьезная угроза. Помимо эксплицитного отрицания сепаратистских устремлений казахи националисты активно апеллировали к образу «Царя», который вообще занимал видное место в их риторической игре и, в частности, должен был подчеркнуть их преданность монархии. Образ «великой России» и постоянное подчеркивание заслуг донцов перед государством

также служили средством убеждения в лояльности Империи со стороны казачьих националистов.

4. *Дискредитация политических противников.* Своим основным конкурентом на выборах 1912 г. националисты считали кадетскую партию и не жалели усилий для того, чтобы максимально опорочить как отдельных ее представителей, так и всю партию. Основным средством подобной негативной агитации служило сближение кадет с образом «врага». Как следствие, «партия народной свободы» представала врагом царя, русского народа и казачества, борющимся за особые права «инородцев», прежде всего евреев, в ущерб российской государственности. Представители кадетской партии из числа казаков объявлялись «предателями». Кроме того, донские и казачьи националисты конкурировали между собой и во взаимной газетной травле использовали по большей части те же приемы, что и в борьбе с кадетами.

Наряду с повседневной риторической игрой, которая служила средством пропаганды, одновременно ни к чему не обязывая, обе националистические группы в соответствии с логикой участия в парламентских выборах должны были представить своим потенциальным избирателям некую программу, которую бы они обязались отстаивать в случае попадания в Государственную думу. «Группа Холмского» начала работу в этом направлении задолго до самих выборов, так что уже ранней весной 1912 г. сам С. А. Холмский представил на суд читателей «Голоса казачества» программу «казачьей партии». Это была программа, которая сочетала в себе заявления по общеполитическим вопросам с вполне конкретными предложениями. Причем очевидно, работа над ее улучшением постоянно продолжалась, и даже после того, как стало ясно, что казачьим националистам не придется поучаствовать в выборах, С. А. Холмский опубликовал программу потенциальной «Думской казачьей группы». В отличие от своих конкурентов донские националисты так и не создали единой выборной программы, фактически раздробив ее во множестве документов и газетных статьях. К тому же эта фрагментарная программа, по большому счету, не предлагала конкретного плана действий и носила преимущественно декларативный характер. Тем не менее в борьбе за поддержку со стороны ВНС успех принесла именно тактика донских националистов, которые, в отличие от националистов казачьих, избежали острых углов, а значит, и ненужных споров.

Характеризуя националистическую идеологию, бытовавшую на Дону в период выборов в IV Государственную думу, следует отметить, что она ни в коем случае не была оторвана от существовавших в этом регионе этнокультурных реалий. За исключением экстравагантных попыток Е. П. Савельева возвести происхождение казаков к древним

арийцам, пропагандистские тексты донских и казачьих националистов были максимально приближены к местной проблематике, касались актуальных вопросов общественно-политической жизни, используя при этом действительно значимые для казаков символы и представления. Но сконструировать из всего этого набора по-настоящему привлекательную для потенциального избирателя идеологию как С. А. Холмский и сотоварищи, так и Х. И. Попов с Г. П. Яновым оказались не в состоянии.

Итоги выборов 1912 г. были неутешительными для обеих групп: полное поражение «черно-лилового» блока и одновременный триумф оппозиции ясно показали отсутствие сколько-нибудь значительной электоральной поддержки националистов и дали сигнал к сворачиванию организованного националистического движения на Дону до лучших времен, так что к началу Первой мировой войны от него практически не осталось и следа. Такой плачевный результат деятельности «группы Холмского» и ДСН был следствием сочетания целого ряда факторов.

Прежде всего важно отметить, что националисты Донской области в изучаемый период так и не вышли из «стадии А», по классификации Мирослава Хроха. Это был типичный восточноевропейский национализм на начальной стадии — малочисленные активисты, историки-любители, которые на страницах своих малотиражных периодических изданий (вос)создавали национальную историю, прославляли национальных «героев», проклинали «врагов» и постоянно спорили между собой об «истинных» границах предполагаемой нации. Разве что лингвистический фактор, в отличие от национализмов в других восточноевропейских регионах, в силу объективных причин не был по-настоящему задействован (хотя подобные попытки и предпринимались тем же Е. П. Савельевым).

Донские националисты опирались на местный официоз — «Донские областные ведомости» — и все-таки имели более или менее широкий круг читателей, тогда как тираж «Голоса казачества» колебался в районе всего лишь 300 экземпляров. Кроме того, период активной агитации перед выборами 1912 г. не превышал полутора лет, и новая для местной публики идеология национализма просто не могла собрать под свои знамена сколько-нибудь значительное число сторонников в столь короткие сроки. По охвату читающей публики и продолжительности пропаганды оппозиционная пресса имела перед националистами решительное преимущество.

Если данный фактор носил вполне объективный характер, то предвыборная тактика донских националистов характеризовалась целым набором, условно говоря, «невынужденных» ошибок. Сюда можно отнести и запоздалое оформление собственной политической

структуры, и промедление с организацией самостоятельного печатного органа, хотя бы внешне не зависимо от местных властей, и неудачный выбор кандидатов на депутатские места, сделанный в ходе переговоров с духовенством о предвыборном блоке. Безусловно, не добавила вистов националистам их взаимная газетная травля накануне решающего голосования.

Наконец, пропаганда самой идеологии национализма, будь то донского или казачьего, была построена таким образом, что сама себя лишила шансов на успех в борьбе за голоса избирателей. Во-первых, в отличие от западных и юго-западных губерний Империи, где националисты имели стабильно высокий уровень поддержки, в ОвД, и прежде всего в самом Новочеркасске, проблема межэтнического противостояния не стояла столь остро, и агитация, построенная на стремлении сыграть на ксенофобии потенциального избирателя к «чужакам», могла принести только ограниченный результат (показательна в этом смысле ситуация в Таганроге и Ростове-на-Дону, городах со значительными еврейскими и армянскими общинами, где националистам все-таки удалось провести в число выборщиков несколько своих представителей). Во-вторых, основной целевой аудиторией и донских, и казачьих националистов стало рядовое казачество, в то время как (опять-таки обращаясь к опыту западных и юго-западных губерний) главной опорой русских националистов в Российской империи было дворянство. Учитывая специфику избирательного закона 1907 г., ставка на голоса простых казаков в ущерб привлечению на свою сторону местных дворян была просто самоубийственной.

Участие в парламентских выборах и проведение своих представителей в состав Государственной думы оставались важнейшей составляющей, если не смыслом политических проектов донских и казачьих националистов. Когда надежды на успешный исход голосования не оправдались и ни один националист от Донской области не был послан депутатом в Таврический дворец, эти проекты просто рассыпались, так как исчезло главное звено, связывавшее их воедино, — возможность представлять эти проекты на таких политических форумах, как Государственная дума или хотя бы местная городская дума Новочеркаска. Попытки С. А. Холмского реанимировать националистическое движение в Новочеркасске в 1913 г. были изначально обречены на провал, поскольку национализм как политическая идеология оказался не способен мобилизовать в короткие сроки сколько-нибудь значительную массу казаков, а потому дискредитировал себя в глазах «правого Дона». Казачья идентичность еще не стала значимым политическим фактором, и рядового казака больше беспокоили сугубо социальные проблемы, то есть, по сути, донское казачество еще не было вовлечено в процесс «национализации». Как следствие, попытка

местных консерваторов из числа охранителей казачьих «прав и привилегий» сыграть на текущей политической конъюнктуре, а именно на растущем влиянии пользующегося поддержкой правительства ВНС, в условиях Дона оказалась несостоятельной. Поэтому нет ничего удивительного, что уже в 1914 г. ДСН и «группа Холмского» прекратили свое существование, а из всех газет, на страницах которых в свое время публиковались националисты, сохранились только «Донские областные ведомости», содержащиеся за казенный счет (причем «неофициальная часть» вновь была соединена с частью официальной).

Однако ни в коем случае нельзя говорить, что активизация «правого Дона» в 1909–1912 гг. и, в частности, деятельность местных националистических групп не имела никакого влияния на последующую историю Донской области. Националистическое движение на Дону в предвоенный период, бывшее продолжением прежнего «казакоманского» движения, в то же время предшествовало гораздо более масштабному проекту построения самостоятельного казачьего государства — «Всевеликого Войска Донского» в 1918–1919 г. Некоторые из бывших членов ДСН и «группы Холмского» приняли непосредственное участие в его реализации.

Так, Е. П. Савельев в 1917 г. входил в правительство А. М. Каледина в качестве выборного старшины от 1-го Донского округа. В это время он очень активно публиковался. Особенно интересна в этом смысле написанная Е. П. Савельевым драма «Гибель Чернобога», в которой он представил недавно поверженную самодержавную власть в виде «темной силы»⁶⁶². Позже он осуществил дополненное и переработанное издание «Истории казачества», в которой, собственно, особенно явно и выявилось его негативное отношение к роли российского государства в исторических судьбах казачества. Г. П. Янов принял непосредственное участие в борьбе с большевиками в 1918 г. и стал председателем так называемого «Круга спасения Дона», затем товарищем председателя Большого Круга, а также представлял донское правительство на переговорах с союзниками в Яссах.

Но, конечно, когда мы говорим о «Всевеликом Войске Донском», в первую очередь на ум приходит имя П. Н. Краснова — войскового атамана с мая 1918 г. по февраль 1919 г. В период парламентских выборов 1912 г. он был далеко от Дона и просто физически не мог стать участником той или иной националистической группы, но, судя по его активной роли в формировании консервативного дискурса «правого Дона» в период атаманства Ф. Ф. Таубе, П. Н. Краснов не остался бы в стороне и на этот раз, тем более что идея особого казачьего национа-

⁶⁶² Савельев Е. Гибель Чернобога. Новочеркасск, 1917.

лизма не была ему чужда. Вспоминая позднее период своего правления на Дону, он так характеризовал собственную идеологическую политику: «Большевизму атаман противопоставил шовинизм, интернационалу — яркий национализм»⁶⁶³. Иначе говоря, националистическое движение на Дону начала XX в. послужило своеобразным прологом для создания самостоятельного «Всевеликого Войска Донского» и режима П. Н. Краснова, предполагавшего привилегированный статус казаков по сравнению с иными группами населения.

⁶⁶³ Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Дон и Добровольческая армия. М., 1992. С. 5–209. Здесь: с. 26.

приложение

Предвыборная программа русских националистов⁶⁶⁴

- 1) Величие и достоинство господствующей православной церкви. Укрепление и расширение соборного начала в жизни церкви. Обеспечение духовенства вполне достаточным государственным содержанием.
- 2) Всемерное содействие росту боевой мощи России.
- 3) Национально-патриотическое и религиозное направление народного образования. Широкое содействие развитию низшего ремесленного, технического и сельскохозяйственного образования.
- 4) Содействие широкому развитию мелкого сельскохозяйственного (крестьянского, мещанского и для других землевладельцев), ремесленного и торгово-промышленного кредита.
- 5) Обслуживание средствами Государственного банка дешевым и подвижным кредитом преимущественно русской торговли, промышленности и землевладения. Законодательные акты и правительственные мероприятия, обеспечивающие интересы и развитие русской торговли, промышленности и кредита.
- 6) Недопущение какого бы то ни было расширения прав евреев. Пересмотр законов в целях более действительной борьбы с еврейством.

Задачи Донского Союза Националистов⁶⁶⁵

Содействовать:

- а) господству русской народности в пределах Российской империи;
- б) укреплению сознания русского народного единства;
- в) устройству русской бытовой самопомощи и развитию русской культуры;

⁶⁶⁴ Предвыборная программа русских националистов // Окраины России. 3 марта 1912. № 9.

⁶⁶⁵ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 681. Л. 1-2.

- г) упрочению русской государственности на началах самодержавной власти Царя в единении с Государственным Советом и Государственной Думой;
- д) признанию свободы веры на основах христианского государства, но с сохранением установленных преимуществ первенствующей православной церкви;
- е) развитию и совершенствованию краевой жизни Донских казаков в соответствии с особенным образом служения их родине.

Предполагаемая программа Думской казачьей группы⁶⁶⁶

О земле

- А. Установление принципа бесспорного для казачьей общины владения всеми землями, закрепленными за казаками в границах, определенных ВЫСОЧАЙШИМИ грамотами, повелениями и указами.
- Б. Доведение казачьего пая до нормы в 20 десятин, как количества наименьшего, при котором возможно было бы, не разоряя хозяйства, снаряжаться на службу.
- В. Увеличение запаса войсковых земель путем скупки всех предлагаемых к продаже частновладельческих земель за счет свободных войсковых средств и ссуд от Правительства. Прекращение в казачьих областях операций отделений крестьянского банка.
- Г. Приобретение, при поддержке Правительства и Войска, где то является возможным, земельных площадей, пригодных для переселения на них излишка казачьего населения (вне пределов Войска).
- Д. Обращение земель, находящихся под частным коннозаводством и занятых под общегосударственные нужды, на образование новых станичных юртов.
- Е. Введение на казачьих землях в самых широких размерах различных сельскохозяйственных улучшений.
- Ж. Желателен постепенный переход к подворному коневодству с передачей земель под табунами отводами в паевое довольствие казакам.

О хозяйстве

- А. Переложение с Войскового капитала на счет казны расходов общегосударственного характера.
- Б. Увеличение, против ныне уплачиваемого, в Войсковой капитал размера вспомоществования Войску за отошедшие в доход казны питейные сборы.

⁶⁶⁶ Холмский С. Предполагаемая программа Думской казачьей группы...

- В. Установление более справедливого вознаграждения Войску за пользование землями в Сальском округе Донской области частным коннозаводством, впредь до окончательного прекращения его на этих землях коннозаводства.
- Г. Всестороннее и широкое развитие добывающей и обрабатывающей промышленности в интересах казачества (на его землях) и более правильная постановка этого дела.
- Д. Самое широкое развитие мелких кредитных товариществ и ссудо-сберегательных касс и упорядочение этого дела.

Об образовании

- А. Всеобщее обязательное начальное образование. Специальное образование в станично-хозяйственных и станично-ремесленных школах, дающих права по образованию и дипломы по специальностям.
- Б. Развитие сети средних и высших учебных заведений с привилегиями для казачьего сословия, а также установление постепенности перехода из низшего типа в школы высшего разряда.
- В. Дети лиц казачьего сословия, при поступлении их в кадетские корпуса, принимаются на равных основаниях по конкурсному экзамену на казенный счет.
- Г. В школах необходимо всеми мерами проводить воспитание молодого казачьего поколения в духе воинских традиций казачества.
- Д. Увеличение содержания и пенсии учителям казачьей начальной школы.

О самоуправлении

- А. Как естественное дополнение самоуправляющихся станичных сборов, установление окружных хозяйственных советов из выборных от станиц и Войскового Круга с полномочиями хозяйственного характера для экономического (земского) управления казачьей общиной.

О военной службе

- А. По укладу жизни казака и воинскому его духу принцип отбывания военной службы казачества: служба поголовная, с снаряжением на свой счет, остается незыблемой.
- Б. С увеличением доходных статей общего Войскового капитала, указанных во 2-й главе настоящей программы, необходимо выдавать безвозвратные пособия всем беднейшим казакам при их снаряжении на службу по представлениям окружных хозяйственных советов распоряжением Войскового Круга.
- В. Предоставление права казакам одиночкам оставаться от наряда в полевые части в мирное время, при условии военной подготовки их по станицам и содержания всего необходимого для выхода в строй.

Общие вопросы

Переходя к программе вопросов общегосударственного значения казачья группа партия, верная традиционным обычаям, всегда руководившим казачеством, будет всецело стоять за ВЕРУ, ЦАРЯ и ОТЕЧЕСТВО. Следуя заветам своего Державного Вождя, выраженным в манифесте 17 октября, казачья группа твердо будет стоять в вопросах:

Веры. Все религии в отдельности должны быть уважаемы постольку, поскольку злоупотребление ими не нарушает убеждений верующих, но Православие должно почитаться за религию государственную, т.е. закон, относясь с равным уважением ко всем религиям, должен Православие брать под особую в исключительных случаях защиту.

Царь. Казачья группа, верная заветам предков, питая верноподданнические чувства к своему Самодержавному ЦАРЮ, будет проводить в жизнь постоянное стремление, присущее верному казачеству: защищать свою жизнь Трон Российских Монархов, в целом ряде грамот выразивших казачеству свое отеческое о нем попечение.

Отечество. В защиту интересов общего нашего отечества Казачья группа будет стоять за единство и неделимость России и за преобладание славянского национального направления во внутренней и внешней политиках Российского государства.

Общие вопросы. По остальным политическим вопросам, имеющим общегосударственное значение, казачья группа будет примыкать к существующим легальным организациям.

Казачий национализм⁶⁶⁷

Да позволено будет пустить в оборот это новое слово. Язва, разъедающая современное нам интеллигентное казачество, буквально та же, которою болеют и все почти русские интеллигенты-космополиты, тянущие ко всякой инородчине: это — ложный стыд или нежелание быть самим собой.

Не желают сознать, что казачество, как идея, далеко не отжило ещё свой век, и казачий «национализм», как здоровое понятие, диктуется прямо-таки государственною точкою зрения, чуждою всякого намека на «сепаратизм», в котором недавно ещё вздумали, не без лукавства, обвинять «наши депутаты-кадеты» покойного Атамана Ф. Ф. Таубе за провозглашённый им в Войсковом Совецании экономический девиз: «Дон — для донцов».

Нет ничего — ни смешного, ни революционного — в провозглашении очевидной истины, что земля, добытая казаками и политая их кровью, должна переходить снова только к ним, а не к иногородним. Как обывательский, так и государственный патриотизм, одинаково не мирится с положением, при котором у казаков отымается возможность быть служебно-исправными пред государством. Если б было в среде казачества глубже развито то чувство, коим так сильны наши инородцы — чувство «национализма» — не

⁶⁶⁷ А. Г. Казачий национализм // Голос казачества. 29 июля 1912. № 35.

было бы на Дону и самих «политиков». Ибо кто же, в сущности, у нас, будь он правый или левый, стал бы спорить друг с другом по чисто казачьим шкурным, так сказать, вопросам, кроме петровских, араканцевых, ефремовых и их злобных товарищей кадетской шайки — жидовских батраков?

В том, что надо защищать дарованные Дону права и привилегии, что надо облегчать казаку способы быть исправным служебно пред Родиной, стараться быть хорошим хозяином и т.п. согласны все, кроме кадет, лишённых здорового казачьего национализма!

Разногласия между левыми и правыми возможны и существуют на деле — главное, в вопросе, составляющем ядро самой идеи казачества: в вопросе о сохранении или уничтожении его самобытности.

Кадетская шайка и ее пособники, всевозможные леваки, только потому могли возникнуть в казачьей среде, что существует, к нашему стыду, часть природных донцов, отрекшихся от «духа» живого казачества, его идеи.

Средняя, а затем и высшая школа на Дону немало повинны в этом. Воспитанные на чужих теориях питомцы выносят из неё одно презрение к «лампасникам», «военщине» и проч. (что не мешает им, однако, преисправно получать деньги за свои казачьи паи).

В более высшем смысле под «казачьим национализмом» мы разумеем идею служения, прежде всего, славянству мечом и умом, а главное, завоевание для казачества почётного места в ряду культурных народностей, наряду с сохранением своей самобытности.

Вспомните японцев, их быструю европеизацию при сохранении национальной самобытности. Казаки, конечно, природные славяне, почему, например, сумев за прошлые века ассимилировать в себе различные народности, остались глубоко русскими. Но у них есть и свое казачье нечто, и истинный казак-националист, чувствующий это, не может не гордиться, что Дон дал России уже столько замечательных людей, что у него есть своя блестящая история, традиции, взгляды и обычаи. Истинный казак-националист будет любить родные земли, не порвёт с народом, будет любить и ценить родную песню, защищать «своих», требовать везде к имени казака уважения, вытеснять усевшихся на казачьих лакомых позициях всяких чужаков. В этом смысле казачий национализм и казачий демократизм — понятия нераздельные! Этот же национализм повелительно диктует необходимость для всех казачьих Войск объединяться на почве культурных организаций, укрепляющих идею казачьего самосознания. Русские люди и казаки в своих землях все более и более теснятся слючёнными, сильными культурою и аппетитами инородцами, все более растворяются в них, всё более, так сказать, теряют своё «национальное лицо» — мечта, столь лелеемая нашими изменниками — донцами-кадетами и другими левыми партиями. В этом только смысле, смысле потери «национального лица» видим мы угрожающее значение слова «расказачивание». В этом же смысле оцениваем значение таких своевременных для казачества органов, как «Голос казачества», который один бьётся об руку с «Кубанским казачьим листком» за родные идеи, за объединение и культуру нашего многострадального казачества.

Доброму делу — добрый почин!

библиография

- Абушик В. В. Деятельность монархических организаций Центральной России в период буржуазно-демократических революций (1905–1907 гг.). М., 1995.
- Аверьянов Ю., Воронов А. Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3. С. 139–144.
- Аврех А. Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908–1909 гг.) // Исторические записки. М., 1955. Т. 53.
- Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968.
- Аврех А. Я. Царизм и IV Дума: 1912–1914 гг. М., 1981.
- Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- Ауский С. Казаки. Особое сословие. М., СПб., 2002.
- Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Дон и Добровольческая армия. М., 1992.
- Большая советская энциклопедия. М., 1926. Т. 4.
- Бузмаков Е. Л. Черносотенные организации в Сибири. 1905–1917. Томск, 2000.
- Возрождение казачества: история и современность. Материалы к V Всероссийской (международной) научной конференции (сборник научных статей). Новочеркасск, 1994.
- Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V международной (всероссийской) научной конференции. Ростов н/Д., 1995.
- Возрождение казачества: надежды и опасения. М., 1998.
- Волвенко А. А. Восстановление донского земства: упущенные возможности (1882–1917) // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. № 4. С. 51–59.
- Волвенко А. А. Как донским казакам историю хотели написать... Официальный заказ, историк и местная администрация (1902–1912 гг.) // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006. С. 115–125.
- Волвенко А. А. Формирование и эволюция правительственного курса в отношении казачьих войск Юга России в конце 50-х — нач. 70 гг. XIX века // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности. Волгоград, 2007. С. 26–29.
- Волвенко А. А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области войска Донского (1864–1882 гг.) // Казачество России: прошлое и настоящее. Ростов н/Д., 2008. С. 196–213.

Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 55. Яновы и другие / сост. Корягин С. В. М., 2005.

Герман О. Б. Экономика казачьих и крестьянских хозяйств Дона во второй половине XIX — начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее: Сб. науч. тр. Волгоград, 2000. С. 164–184.

Гириц К. Интерпретация культур. М., 2004.

Долбилов М. Д. «Западные окраины Российской империи» и проблема сравнительного изучения окраин // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 390–404.

Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.

Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.

Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг.: Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.

Енина И. А. Исследователь Донской старины // Донской временник 2004. Ростов н/Д., 2003. С. 108–111.

Залежский В. Монархисты. Харьков, 1930.

Заславский Д. Рыцарь монархии Шульгин. Л., 1927.

И атаман, и губернатор // Вечерний Оренбург. 16 апреля 1998. № 16.

Казачий Дон. Очерки истории. Ч. II. Ростов н/Д., 1995.

Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911 – 1917 гг. М., 2001.

Козлов А. И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов н/Д., 1996.

Комин В. В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России. Калинин, 1970.

Корниенко Б. С. Идеология казачьего национализма в начале XX века: анализ программы «группы Холмского» // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 10. Ставрополь. Пятигорск, 2008. С. 105–123.

Корниенко Б. С. Донской атаман Ф. Ф. Таубе: превращение имперского чиновника в икону казачьего национализма // Ab Imperio. 2009. № 1. С. 227–257.

Корниенко Б. С. Участие националистов Донской области в парламентских выборах 1912 года // Исторические записки / Отделение историко-филологических наук РАН. М., 2010. Вып. 13 (131) / сост. и отв. ред. Б. В. Ананьич. С. 205–224.

Корниенко Б. С. Русское казачество или казачья нация? Проблема самоопределения в идеологии казачьего национализма начала XX века // Клио. 2011. № 1 (52). С. 3–11.

- Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.
- Лавриков С. В. Правомонархическое движение в Тверской губ. в 1905–1915 гг. Тверь, 1996.
- Левицкий В. Правые партии // Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914. С. 247–469.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1973. Т. 21.
- Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001.
- Маркедонов С. М. Зарождение и эволюция казачьего национализма // Межнациональные отношения сегодня. Ростов н/Д., Тбилиси, 1996. С. 76–83.
- Маркедонов С. М. Донское казачество и Российская империя // Общественные науки и современность. 1998. № 1. С. 103–111.
- Маркедонов С. М. Казачество: единство или многообразие? (проблемы терминологии и типологизации казацких сообществ) // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 95–108.
- Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. и сост.: Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. Казань, 2004. С. 427–458.
- Мининков Н. А. Павел Петрович Сахаров — историк донского казачества // Казачий сборник. Вып. 3. Ростов н/Д., 2002. С. 216–320.
- Могильнер М. Homo imperii: История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX вв.). М., 2008.
- Непролетарские партии в трех революциях. М., 1989.
- Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984.
- Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. Вашингтон, 1981.
- Омельяничук И. В. Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев, 2000.
- Офицеры российской гвардии в Белой борьбе / Сост. С. В. Волков. М., 2002.
- Правые партии: Документы и материалы. М., 1998.
- Программы политических партий России. Конец XIX — начало XX в. М., 1995.
- Ремнев А., Суворова Н. «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // Ab Imperio. 2008. № 2. С. 157–222.
- Рукоусев Е. Ю. Казачество — права и обязанности сословия // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 138–142.
- Рыжкова Н. В. Гражданское состояние Области войска Донского в 1914–

- 1917 гг. (по архивным источникам) // Проблемы источниковедения и отечественной истории (памяти А. П. Проппштейна). Ростов н/Д, 1999. С. 175–195.
- Самарина Н. В. Реформы 60–70-х годов XIX в. на Дону и казачество // Юго-Восток России в XIX — нач. XX в. Ростов н/Д., 1994.
- Семенов В. Г., Семенова В. П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.
- Слонимский Л. Национальный «Всероссийский союз» // Политическая энциклопедия. Т. 2. Вып. 8. СПб., 1909. С. 1115–1116.
- Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004.
- Спирин Л. М. Крупнение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977.
- Степанов С. А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992.
- Толочко А. П. Черносотенцы в Сибири (1905 — февраль 1917 г.). Омск, 1999.
- Топчий А. Т. Буржуазные реформы 60–80-х гг. XIX в. и проблемы казачества России // Проблемы истории казачества XVI–XX вв. Ростов н/Д., 1995.
- Трут В. П. Казачий излом (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года). Ростов н/Д, 1997.
- Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
- Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов н/Д., 1999.
- Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.
- Шлемин П. И. Национальные отношения и права человека в России (Диалоги с М. О. Меньшиковым. 1906–1908). М., 1993.
- Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.
- Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London, 1983.
- Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill, 1982.
- Brass P. Ethnicity and Nationalism. London, 1991.
- Brubaker R. Ethnicity without Groups. Cambridge, London, 2004.
- Connor W. When is a Nation? // Ethnic and Racial Studies. 1990. № 1.
- Connor W. Ethno-Nationalism: The Quest for Understanding. Princeton, 1994.

- Edelman R.* Gentry Politics on the Eve of the Russian Revolution. The Nationalist Party. 1907–1917. New Brunswick, New Jersey, 1980.
- Fishman J.* Language and Nationalism: Two Integrative Essays. Rowley, 1972.
- Fishman J.* Social Theory and Ethnography: Neglected Perspectives on Language and Ethnicity in Eastern Europe // Ethnic Diversity and Conflict in Eastern Europe. Santa Barbara, 1980.
- Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
- Hechter M.* Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. London, 1975.
- Hobsbawm E.* Nations and Nationalism since 1780. Cambridge, 1990.
- Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, 1995.
- Hutchinson J.* The Dynamics of Cultural Nationalism: The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. London, 1987.
- Kedourie E.* Nationalism. London, 1960.
- Kohn H.* The Idea of Nationalism. NY, 1967.
- Nora P.* Les Lieux de Mémoire. Paris, 1984, 1986. Vol. I–II.
- Russian Nationalism, Past and Present / Ed. by *Geoffrey Hosking* and *Robert Service*. London, NY, 1998.
- Van den Berge P.* Ethnicity and the Sociobiology Debate. Theories of Ethnic and Race Relations. Cambridge, 1988.
- Van den Berge P.* Does Race Matter? // Nations and Nationalism. 1995. № 3.

ИСТОЧНИКИ

Периодика

Вестник казачества: 1913, №№ 1, 3, 7, 55.

Вестник казачьих войск: 1901, № 19.

Голос казачества: 1911, №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8; 1912, №№ 14, 16, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 30, 32, 33, 34, 35, 38-39, 40-41, 42-43, 44-45, 46, 47, 1-е приложение к № 48, 2-е приложение к № 48, 3-е приложение к № 48; 1913, № 2, 9, 11, 14.

Донская волна: 1919, № 29.

Донская газета: 1914, № 3.

Донские областные ведомости: 1909, №№ 69, 106, 107, 108, 110, 153, 245, 255, 261, 266, 267, 268, 269, 271, 278; 1910, №№ 20, 22, 24, 52, 67, 78, 81, 90, 91, 118, 139, 159, 164, 167, 170, 173, 174, 177, 179, 181, 183, 186, 192, 195, 200, 202, 204, 208, 214, 217, 219, 223, 225, 232, 233; 1911, №№ 3, 6, 8, 10, 34, 35, 40, 43, 44, 45, 46, 47, 65, 66, 67, 70, 73, 134, 137, 142, 150, 157, 162, 164, 184, 192, 195, 198, 201; 1912, №№ 1, 3, 5, 26, 50, 59, 62, 66, 100, 144, 154, 156, 180, 193, 194, 197, 199, 204, 205, 206, 214, 215, 216, 228, 237, 259; 1913, №№ 10, 53.

Донской литературный сборник. Вып. 1. Новочеркасск, 1909; Вып. 2. Новочеркасск, 1910.

Донской край: 1912, №№ 1, 4, 6, 13, 16, 17, 18, 19.

Новое время: 1909, №№ 12128, 12130, 12132.

Новочеркасская речь: 1912, №№ 2, 5, 13, 15.

Окраины России: 1912, №№ 9, 21, 44.

Приазовский край: 1909, № 325; 1911, №№ 51, 53, 55; 1912, №№ 25, 129, 223, 226, 242, 260, 261, 262, 272, 277, 278, 301, 306, 333.

Призыв: 1910, №№ 1, 5, 13, 44; 1911, выпуск без номера.

Речь: 1910, № 92.

Ростовский на Дону листок: 1910, №№ 33, 35; 1911, №№ 66, 73, 78.

Русский инвалид: 1909, № 261; 1910, №№ 6, 12, 46, 89; 1911, № 29; 1912, № 78.

Русское слово: 1910, № 77.

Таганрогский вестник: 1912, №№ 259, 261, 262.

Южный телеграф: 1912, №№ 3410, 3437, 3439, 3448, 3469.

Партийная литература

Воззвание «Донского Союза Националистов» к избирателям гор. Новочеркаска и Черкасского округа. Новочеркасск, 1912.

Всероссийский Национальный Союз. I-е Собрание Представителей 19-21 февраля 1912 г. СПб., 1912.

- Обзор деятельности Всероссийского Национального Союза за 1910 год. СПб., 1911.
- Обзор деятельности Всероссийского Национального Союза за 1911 г. СПб., 1912.
- Обзор деятельности Всероссийского Национального Союза за 1912–1913 г. СПб., 1914.
- Программа Всероссийского Национального Союза. Одесса, 1912.
- Проект устава. Собрание Ростовского на Дону отдела Всероссийского Национального Союза. Ростов-н/Д, 1910.
- Союз Русского Народа. Славному казачеству. СПб., 1906.
- Устав Всероссийского Национального Союза. СПб., 1912.

Монографии

- Волянский Т.* Памятники письменности славян до Рождества Христова // *Класен Е.* Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов в особенности с лёгким очерком истории русов до Рождества Христова. М., 1854; СПб., 1995.
- Записка по вопросу предстоящих реформ в войске Донском, представленная бывшему войсковому Атаману этого войска Барону Таубе Коллежским Советником *В. С. Ивановым*. Б.м., [191–?].
- Курлов П. Г.* Гибель императорской России: Воспоминания. М., 2002.
- Меньшиков М. О.* Письма к ближним. СПб., 1911.
- Попов Х. И.* Краткий очерк прошлого Донского казачества // Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 7. Новочеркасск, 1907.
- Ригельман А. И.* История или повествование о донских казаках. М., 1848.
- Савельев Е. П.* Кто был Ермак и его сподвижники. Новочеркасск, 1904.
- Савельев Е. П.* Казак. Сборник песен и стихотворений о боевой жизни казаков. Новочеркасск, 1905.
- Савельев Е. П.* Войсковой круг на Дону. Исторический очерк. Новочеркасск, 1908.
- Савельев Е. П.* Типы донских казаков и особенности их говора. Новочеркасск, 1908.
- Савельев Е. П.* История казачества. Ч. I–III (репринт). Ростов н/Д., «Памятники отечества», «Книжные редкости Дона», 1990.
- Савельев Е. П.* Древняя история казачества. М., 2002, 2004, 2007.
- Савельев Е.* Гибель Чернобога. Новочеркасск, 1917.
- Сахаров П.* Происхождение вольного Донского казачества и первые службы донцов России. Новочеркасск, 1914.

- Сахаров П. П. Происхождение донского казачества. Ростов н/Д, 1914.
- Холмский С. А. Сборник казачьих песен. Курск, 1910.
- Холмский С. А. Казачьи Думы. Новочеркасск, 1911.
- Холмский С. А. Как ведется хозяйство Новочеркасской станицы Донской области. Новочеркасск, 1912.
- Холмский С. А. Юбилейный сборник казачьей поэзии. 1812–1912. Новочеркасск, 1912.
- Wolański T. Wyjaśnienie znaczenia napisów na etruskich pomnikach. 1846.

Архивные источники

Государственный архив Ростовской области.

Ф. 46 (Атаманская канцелярия). Оп. 3. Д. 383, 3523, 3628.

Ф. 55 (Х. И. Попов). Оп. 1. Д. 98, 252, 297, 675, 681, 739, 932, 1026, 1027, 1029.

Российский государственный военно-исторический архив.

Ф. 400. Оп. 9. Д. 35869.

Российский Государственный исторический архив.

Ф. 1278 (Государственная дума). Оп. 8 (1912–1917). Д. 20.

Ф. 1672 (Шварц А. Н.). Оп. 1. Д. 622.

Интернет-источники

Евграф Савельев — о себе, своих книгах, путешествиях — в ответах на анкету Ростовского н-Д Городского Музея // <http://passion-don.org/anketa.html> (время доступа 26 февраля 2012).

именной указатель*

А

- Аббас-бей, принц 75
Абушик В. В. 12
Аверьянов Ю. 29
Аверех А. Я. 18
Аджемов М. С. 65
Александр I Обренович, король Сербии 75
Александр II, император 7, 28, 31, 170
Александр III, император 11, 60, 82, 188, 202
Александр Невский, князь 59, 60
Алексей, царевич 86–87
Алексей Михайлович, царь 152
Ананьич Б. В. 8, 46
Андерсон Б. 26
Антоний, митрополит 91
Армстронг Дж. 25
Асов (Барашков) А. И. 166
Ауский С. 31
Афанасьев А. Г. 65

Б

- Бакланов Я. П., генерал 90, 164
Балашев П. Н. 17
Батый, хан 140, 143
Бекасова А. В. 8
Биркин Г. Н. 61, 65
Борисов Н. 49, 55–56, 69, 180
Бударин А. А. 61
Будда 138
Бузмаков Е. Л. 12
Булавин Кондратий, атаман 151, 154
Быковский Н.Ф. 14, 52, 126–128

В

- Ван ден Берге П. 23, 25
Васильев А. Н. 58–60
Винавер М. М. 178
Винклер П. П., фон 7
Владимир, архиепископ 58
Владимир Святославич, князь 139
Воланский Ф. 139
Волвенко А. А. 8, 16, 82, 89–90, 112, 188

- Волков С. В. 46
Воронков М. С. 60, 65, 68–69
Воронов А. 29

Г

- Ганелин Р. Ш. 8
Геллнер Э. 26
Герасимов И. 108
Герман О. Б. 29
Гермоген, епископ Аксайский 58, 91, 106
Гирц К. 23–24
Глебов С. 108
Голуб И. Н. 58–60
Гончаров А. М. 42, 45
Граббе М. Н. 74
Граббе П. Х. 74
Грановский В. 60
Грачев А. Г. 80
Греков А. М. 80
Грибовский В. М. 37–38

Д

- Давид, царь 139
Дмитриев И. И. 14
Дмитрий Донской, князь 60
Добрынин И. М. 80
Долбилов М. Д. 8, 193
Долгоруков Ю. В., князь 151
Дубенцов Б. Б. 8
Дубровин А. И. 151
Дякин В. С. 18

Е

- Егоров Н. А. 61
Екатерина II, императрица 81, 90, 95, 153
Елизавета Петровна, императрица 7
Елкин Н. И. 60
Енина И. А. 41
Ермак, атаман 15, 45, 132, 138, 164
Ефремов И. Е., генерал 90
Ефремов И. Н. 65, 83, 89, 175, 185

* Курсивом выделены имена ученых, работы которых упоминаются в этой книге.

З

- Залежский В. 17*
Заславский Д. 18
 Захарьев Н. А. 83

И

- Иван Грозный, царь 141, 150, 152,
 154, 156, 158–160
 Иванов В. С. 52, 58, 60, 87
 Иловайский Д. И. 135
 Иоанн, архиепископ 90

К

- Кадацков И. Ф. 47
 Какурин И. Я. 85
 Каледин А. М., атаман 210
Каплуновский А. 108
 Карамзин Н. М. 135, 141
 Карл Великий, император 142
 Карл I, король Румынии 75
 Кизеветтер А. А. 178
 Кирьянов М. И. 47, 61, 65
Кирьянов Ю. И. 20, 46, 52
 Классен Е. 139
 Клуников Н. И., генерал 60, 85
 Ключевский В. О. 135
 Ковалевский П. И. 38
Козлов А. И. 187
 Кокорцов В. Н. 127
 Колесников Н. С. 59, 60
 Колоницкий Б. И. 8
Комин В. В. 17–18
Коннор У. 23, 25
 Константин Философ (Кирилл) 139
Корниенко Б. С. 46, 73, 110, 187
Корягин С. В. 46
 Костричин В. Н. 38
Коцюбинский Д. А. 21–22, 47, 71, 119
 Кочергин М. 172
 Кошкин И. С. 36–38, 40, 61, 65
 Коялович М. О. 135
 Кравцов П. Ф. 47
 Краснов П. Н. 7–8, 81, 83, 93–94,
 96–100, 201, 210–211
 Краснощеков И. М. 87, 151
 Краснянский М. Б. 72, 183, 194
 Кром М. М. 8
 Крузе К. Ф. 40
 Кудин Л. 144

- Кузнецов С. 190
 Курлов П. Г. 75–76
 Курмояров И. 48, 195
 Кутейников Д. Е. 38
 Кутейников Н. В. 38, 41, 61–62

Л

- Лавриков С. В. 12*
 Лапин В. В. 8
 Ларин Ф. 198
 Лебедев Ю. М. 65
 Левин И. О. 178
Левицкий В. 17
 Левшин М. А. 52
 Ленин В. И. 17
 Леонов А. П. 57, 62, 65–66, 68–69,
 81–82
 Лисицына Г. Г. 8
 Логвинов Е. П. 65, 68–69
 Лопатин Андрей, атаман 151
Лукьянов М. Н. 21

М

- Магомет, пророк 146
 Мани 138
Маркедонов С. М. 16, 29, 187
 Марков Н. Е. 51
 Маслаковец Н., генерал 29
 Махмед-Али-бей 75
Мацузато К. 108
 Межаков Филат, атаман 141
 Меньшиков М. О. 18, 20, 94–95, 106
 Милютин Д. А. 111, 188
 Минаев Фрол, атаман 150
 Минин К. 60
Минишков Н. А. 8, 16, 135, 156, 166
 Михаил Федорович, царь 141
 Мищенко П. И., атаман 63, 90,
 105–107, 109
Могильнер М. 24, 95, 108, 189

Н

- Назаров А. А. 65, 66, 82
 Николай I, император 170
 Николай II, император 19, 28, 76, 83,
 91, 167
 Николай Николаевич-младший, вел.
 князь 87
Носовский Г. В. 166

О

- Ольденбург С. С.* 19
Омельяничук И. В. 20
 Орлов В. П. 87
 Орлов П. 171–172, 177
 Орлов-Денисов В. В., генерал 90

П

- Павлов, генерал 66
 Панеях В. М. 8
 Парамонов П. Е. 61
 Петр I, император 7, 149–154, 170
 Петров А. К. 47
 Пильчиков 52
 Платов М. И., атаман 15, 90, 132, 163
 Покотило В. И., атаман 71–72, 89
 Пожарский Д. М., князь 60
 Попов И. 180
 Попов Х. И. 14–16, 39, 41–43, 46, 52,
 59–60, 70, 81, 90–91, 93, 100,
 102–103, 105–106, 133–134,
 155–156, 159, 161, 168, 191, 203,
 208
 Попова К. 166
 Потемкин Г. А., князь 153
Пронштейн А. П. 13
 Пузанов В. 57, 78, 111, 164, 172,
 176–177, 192

Р

- Разин Степан 145, 147–149, 151
 Рвачев П. 111, 195
 Реми В. А. 61–62
 Реми Н. А. 40–41, 61–62
Ремнев А. 108
 Ригельман А. И. 141, 196
 Родионов И. А. 66, 68–69
 Родионов, генерал 90
 Рукоусев Е. Ю. 28–29
 Рухлов С. В. 38
Рыжкова Н. В. 13, 30

С

- Саватеев А. П. 65
 Савельев Е. П. 7–8, 15–16, 45,
 132–133, 135–162, 164–166, 196,
 203–204, 207–208, 210
Самарина Н. В. 111
 Самсонов А. В. 76

- Сафонов И. М. 61
Сахаров А. Н. 20
 Сахаров П. П. 15–16, 155–162, 165
 Севастьянов В. К. 38, 61, 65
Семенов А. 8, 108
Семенов В. Г. 74–75, 77
 Семенов И. Т. 80
 Семенов К. 180
Семенова В. П. 74–75, 77
 Сергеев Г. 60, 180
 Сергей Радонежский 59–60
 Сикорский И. А. 24, 95
 Скачков П. 111, 182
Скорик А. П. 10
Слошимский Л. З. 17
 Смагин А. А., атаман 63, 66, 68–69
Смит Э. 27, 34
 Соколовский П. 90
 Соловьев С. М. 135
Спирин Л. М. 17, 220
 Стариков Т. 142, 163
 Степанов А. А. 61
Степанов С.А. 20
 Стольпин П. А. 18, 36, 38, 46, 50,
 73–75, 83, 85–86, 96–98, 127, 203
 Суворов А. В., генерал 60
Суворова Н. 108
 Сутулов И. И. 52
 Сухомлинов В. А. 75–76, 83

Т

- Тамаревский И. 173, 185
 Татаркин И. 163
 Таубе Ф. Ф., атаман 14, 41–42, 73–85,
 87–94, 96–98, 100–106, 108–110,
 121–122, 124–125, 130, 153, 188,
 190, 205, 210
Тиниджъян Р. Г. 30
Толочко А. П. 12
Топчий А. Т. 111
 Траилин Ф. К. 42, 70, 106, 164–165
Трут В. П. 201
 Туляков И. Н. 65
 Туроверов Н. М. 52, 59–60

У

- Угедей, хан 125
Уртман Р. 170

Ф

- Филипов И. Д. 13–14
 Филонов 54, 56
 Фишман Дж. 23, 26
 Фоменко А. Т. 166
 Фомин, священник 62
 Фриз Г. 187

Х

- Хаммурапи 138
 Харламов В. А. 65, 89, 96, 180
Хатчинсон Дж. 33
 Хлебников В. 89, 96
Хобсбаум Э. 26, 33–34
 Холмский С. А. 13–16, 43, 45, 47–50,
 54–57, 64, 70–72, 110–111, 113–
 116, 118–120, 126, 130–131, 135,
 145, 155, 162–165, 169–175,
 181–185, 192–195, 197–199, 203,
 207–209
 Хоперский И. 95, 181
Хоскинг Дж. 20
 Хотневич Г. В. 62
Хрох М. 25, 33, 208

Ц

- Циммер И. И. 62, 65

Ч

- Черменский Е. Д.* 17
 Чернокужников К. С., генерал 52,
 59, 60
 Черячукин В. Ф. 65
 Чингизхан 143
 Чириков В. Н. 38

Ш

- Шварц А. Н. 90
 Шестаков Ф. И. 103
Шлемин П. И. 20
 Шульгин В. В. 18

Э

- Эделман Р.* 19

Ю

- Юдин П. 57, 174

Я

- Яковлев Корнила, атаман 150
 Янов Г. П. 14, 46, 52, 54, 62–63, 72,
 125–126, 128, 180, 190–191, 199,
 203, 208, 210

A

- Anderson B. 19
 Armstrong J. 23–24

B

- Brubaker R. 33

C

- Connor W. 23

E

- Edelman R. 19

F

- Fishman J. 23–24

G

- Gellner E. 19

H

- Hechter M. 19
 Hobsbawm E. 26
 Hosking G. 20
 Hroch M. 25, 33
 Hutchinson J. 33

K

- Kedourie E. 19, 26

N

- Nora P. 19

S

- Service R. 20

V

- Van den Berge P. 23, 25

W

- Wolański T. 139

Научное издание

Борис Сергеевич Корниенко

ПРАВЫЙ ДОН

**Кзаки и идеология национализма
(1909–1914)**

Серия «Территории истории»; вып. 6

Редактор *Е. А. Левичкина*

Корректор *Т. Л. Ломакина*

Дизайн, верстка *А. Ю. Ходот*

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге

191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А

e-mail: books@eu.spb.ru

тел.: +7 812 386 76 27

факс: +7 812 386 76 39

Сайт и Интернет-магазин Издательства

WWW.EUPRESS.RU

Подписано в печать 01.06.13. Формат 60×88 1/16.

Усл. печ. л. 14,5. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Береста»

196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, д. 28

тел./факс (812) 388-9000

e-mail: beresta@mail.wplus.net

ЧИТАЙ ЕУ

книжный интернет-магазин

www.eupress.ru

**актуальные
исследования**

**антропология
искусство
история
культурология
политология
социология
философия**

Европейский университет
в Санкт-Петербурге

СПб., ул. Гагаринская, 3
Тел.: +7 (812) 386 76 27
Э-почта: books@eupress.ru

Книги серии «Территории истории»

Выпуск 1

Софья Чуйкина

Дворянская память: «бывшие» в советском городе
(Ленинград, 1920–30-е годы). — 2006. — 259 с., [32] с. ил.

ISBN 5-94380-055-7

Выпуск 2

Татьяна Никольская

Русский протестантизм и государственная власть в 1905–
1991 годах. — 2009. — 356 с., [16] с. ил.

ISBN 978-5-94380-081-8

Выпуск 3

Дмитрий Копелев

На службе Империи. Немцы и Российский флот в первой
половине XIX века. — 2010. — 338 с., [8] с. ил.

ISBN 978-5-94380-096-2

Выпуск 4

Доминик Дюран

Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в
Советской России 1920-х годов — 2010. — 245 с.

ISBN 978-5-94380-095-5

Выпуск 5

Ольга Малинова-Тзиафета

Социокультурные факторы освоения дачного пространства
вокруг Петербурга (1860–1914). — 2013. — 336 с., ил.

ISBN 978-5-94380-137-2

СЕРИЯ «ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ»

Приближается столетняя годовщина начала Первой мировой войны. История войны и порожденных ею конфликтов продолжает оставаться «горячей» и активно используется в современной культурной, общественной и политической жизни. Юбилей 2014 года станет своеобразным индикатором: в оценке событий 100-летней давности проявляются особенности современного развития различных стран и международных объединений.

Для России эта годовщина имеет особое значение. Долгое время революция 1917 года заслоняла в исторической памяти предшествующие ей события, а история России вырывалась из контекста мирового конфликта. В последнее время историки осознают необходимость рассматривать период 1914–1922 годов как комплекс войн, социальных и политических конфликтов.

Мы хотели бы внести свой вклад в осмысление истории этой переломной эпохи. В серии «Эпоха войн и революций» будут выходить оригинальные и переводные исторические исследования, переиздания, источники, имеющие особое значение для понимания конфликтов, в поле влияния которых мы порой находимся и сейчас.

Редакционный совет серии:

Б. Колоницкий (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук), *С. Маркс* (Университет Клемсон, Южная Каролина, США), *Л. Новикова* (Московский государственный университет), *П. Рогозный* (Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук), *М. Стокдейл* (Университет штата Оклахома, США), *М. Фрейм* (Университет Данди, Великобритания)

Уже вышли из печати:

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ПОСЛАНИЯ ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ И ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ АДМИРАЛУ А.В. КОЛЧАКУ. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. Сб. документов / сост. и науч. ред. *В. В. Журавлев*. – 2012. – 624 с.

«ПРЕТЕРПЕВШИЙ ДО КОНЦА СПАСЕН БУДЕТ»: ЖЕНСКИЕ ИСПОВЕДАТЕЛЬНЫЕ ТЕКСТЫ О РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ [В. П. Шелепина, Н. А. Щербачева, М. А. Сливинская, Е. И. Лакиер, А. В. Линден]: сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. *О. Р. Демидова*. – 2013. – 262 с.

В ближайших планах:

Ник Барон. КОРОЛЬ КАРЕЛИИ: ПОЛКОВНИК Ф. ДЖ. ВУДС И БРИТАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ В 1918–1919 гг. История и мемуары / пер. с англ. *А. Голубева*

Джордж Генри Паттерсон. С ЕВРЕЙСКИМ КОРПУСОМ В ПАЛЕСТИНЕ / пер. с англ. *А. Глебовской*, науч. ред. и коммент. *В. Кельнера*

Пол Фуселл. БОЛЬШАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННАЯ ПАМЯТЬ

Борис Сергеевич Корниенко

Кандидат исторических наук.

Выпускник Европейского университета в Санкт-Петербурге. Занимается историей донского казачества в позднимперский период и период Гражданской войны, историей третьиюньской монархии, а также проблемами идеологии национализма.

К началу XX в. сословная организация донского казачества вступила в решительное противоречие с проходящими в стране модернизационными процессами. Наряду с трансформацией экономики Области войска Донского и, соответственно, социальной структуры местного населения, эволюцией военного дела, поставившей под сомнение необходимость существования особого казачьего сословия, а во многом благодаря этим изменениям, наметился кризис казачьей идентичности. Ярким проявлением этого кризиса стал раскол среди консервативно настроенной части казачьей интеллектуальной элиты, воспринявшей идеологию национализма и пытавшейся адаптировать ее к местным условиям. Книга представляет собой, с одной стороны, реконструкцию истории возникновения националистических организаций на Дону в 1909–1912 гг., их участия в выборах в IV Государственную думу и последующего упадка, а с другой стороны — анализ националистических проектов двух групп интеллектуалов, сформировавшихся в Новочеркасске и претендовавших на право говорить от имени всего казачества. При этом одна группа считала казачество особой частью русского народа, тогда как другая видела в донцах самостоятельный народ/нацию на службе у русских царей. Автор сопоставляет эти два проекта, сравнивая представленные в них национальные программы и мифы, позитивную и негативную риторику, и выявляет их специфические черты, такие как «колеблющаяся идентичность» и «синдром сословности».

ISBN 978-5-94380-149-5

9 785943 801495